УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
17 июля 2019 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (2019)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

1. Лицо, чьи права и законные интересы нарушены строительством и (или) эксплуатацией самовольной постройки или создана угроза их нарушения, вправе требовать от лиц, допустивших такое нарушение, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

К. обратилась в суд с иском к Д.В. и Д.Е. о возложении на них обязанности установить снегозадержатели на скате крыши жилого дома 38 и устранить перепад высот тротуара и двора, для чего убрать весь строительный мусор в установленный срок.

В обоснование исковых требований указано, что стороны проживают в жилом доме 38, который является памятником истории и архитектуры. Ответчикам на праве собственности принадлежит квартира 3, истцу – 4. С левого фасада дома ответчики самовольно возвели пристройку. Принадлежащая ответчикам часть дома имеет двухскатную кровлю, покрытую оцинкованными металлическими листами и не оборудованную системами снегозадержания. Отсутствие снегозадержателей приводит к лавинообразному сходу снега и льда с крыши дома на тропу, ведущую к входу квартиры 4. Двор дома ответчики засыпали строительным мусором, в результате чего перед калиткой образовался перепад высот тротуара и двора в 20 см, чем

создана опасность получения травм, а также определенные трудности и неудобства для истца, имеющей преклонный возраст.

Разрешая спор и отказывая в иске, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, руководствовался положениями ст. 36, 37, 39 ЖК РФ и исходил из того, что крыша жилого дома 38 является общим имуществом собственников квартир в данном многоквартирном доме, а действующее законодательство не возлагает обязанность установить на крыше дома снегозадержатели за счет средств собственника только одной из квартир этого дома, даже если установку снегозадержателей необходимо осуществить на части крыши, расположенной над квартирой данного собственника.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судов не согласилась по следующим основаниям.

Так, судом установлено, что ответчиками возведена пристройка к квартире 3 дома 38, находящаяся в их фактическом пользовании, без получения необходимых разрешений.

Ранее К. обращалась в суд с исковым заявлением к Д.В. и Д.Е. о сносе пристройки и замене металлической кровли над указанной квартирой на кровлю из шифера, обосновывая эти требованиями строительством спорной пристройки без согласования с государственным центром по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры, а также опасностью для жизни и здоровья сходом снега с металлической крыши пристройки. Вступившим в законную силу решением суда в удовлетворении иска К. отказано.

По ранее рассмотренному делу спорная пристройка признана самовольной.

В соответствии с ч. 1 ст. 36 ЖК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спора и рассмотрения дела судом) собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, а именно: помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы); иные помещения в данном доме, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений в данном доме, включая помещения, предназначенные для организации их досуга,

культурного развития, детского творчества, занятий физической культурой и спортом и подобных мероприятий; крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения; земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты. Границы и размер земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, определяются в соответствии с требованиями земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности.

В силу ч. 1 ст. 39 того же кодекса собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме.

Статьей 209 ГК РФ предусмотрено, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом; собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

В соответствии со ст. 304 указанного кодекса собственник может требовать устранения всяких нарушений его прав, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения.

В силу ст. 12 ГК РФ способом защиты нарушенного права является восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

По смыслу приведенных правовых норм в их взаимосвязи в случае признания пристройки к многоквартирному жилому дому самовольной, у собственников помещений в многоквартирном доме не возникает право общей долевой собственности на помещения, крыши, ограждающие несущие и не несущие конструкции данного дома, связанное с его самовольной реконструкцией, и, соответственно, у собственников, не пользующихся самовольной пристройкой, не возникает обязанность по содержанию этого имущества.

Лицо, чьи права и законные интересы нарушены строительством и (или) эксплуатацией самовольной постройки или создана угроза их

нарушения, вправе требовать от лиц, допустивших такое нарушение, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

По данному делу суд признал, что наклон крыши реконструированного за счет самовольной пристройки жилого дома ориентирован на пешеходную дорожку, ведущую от входной калитки во двор дома до входа в квартиру К. Снег и лед, скапливающийся из-за осадков на крыше, падают с крыши на пешеходную дорожку, создавая опасность для проходящих по дорожке людей и препятствуя их проходу.

Этим обстоятельствам судами как первой, так и апелляционной инстанций в нарушение требований ст. 198 ГПК РФ надлежащей оценки не дано.

Определение № 86-КГ18-11

Разрешение споров, возникающих из причинения вреда

2. Факт смерти одного из супругов в результате оказания ему некачественной, неквалифицированной медицинской помощи может являться основанием для компенсации морального вреда другому супругу.

Ф. обратился в суд с иском к районной больнице о взыскании компенсации морального вреда, судебных расходов.

В обоснование заявленных требований Ф. ссылался на то, что 30 июля 2016 г. умерла его супруга – Ф.Е., смерть которой, по мнению истца, произошла вследствие допущенных районной больницей дефектов оказания ей медицинской помощи.

В связи со смертью супруги Ф. в августе 2016 года обратился в следственные органы с заявлением о привлечении к ответственности лиц, виновных в неоказании своевременной квалифицированной медицинской помощи Ф.Е. В феврале 2018 г. Ф. постановлением следователя отказано в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления.

Истец указывал на то, что медицинские услуги его супруге были оказаны районной больницей несвоевременно, не в полном объеме, неквалифицированно, это привело к ухудшению состояния ее здоровья и последующей смерти, имеется причинно-следственная связь между действиями врачей районной больницы, выразившимися в оказании Ф.Е. медицинской помощи ненадлежащего качества, и наступлением ее смерти, Ф. причинены нравственные и физические страдания, в связи с

чем он просил взыскать с районной больницы компенсацию морального вреда, судебные расходы на оказание юридической помощи и расходы на уплату государственной пошлины.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований Ф. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства, указав следующее.

Статьей 41 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации, регулирует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Здоровье – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Статьей 4 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлено, что к основным принципам охраны здоровья относятся, в частности: соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий; приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи; ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья; доступность и качество медицинской помощи; недопустимость отказа в оказании медицинской помощи.

Медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг; пациент – физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния (пп. 3, 9 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В п. 21 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определено, что качество медицинской помощи – совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при

оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата.

Медицинская помощь, за исключением медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации, организуется и оказывается: 1) в соответствии с положением об организации оказания медицинской помощи по видам медицинской помощи, которое утверждается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти; 2) в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, утверждаемыми уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями; 3) на основе клинических рекомендаций; 4) с учетом стандартов медицинской помощи, утверждаемых уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (ч. 1 ст. 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В соответствии со ст. 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» Министерством здравоохранения Российской Федерации вынесен приказ от 9 ноября 2012 г. № 708н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при первичной артериальной гипертензии (гипертонической болезни)» (далее – Стандарт первичной медико-санитарной помощи при первичной артериальной гипертензии).

Как следует из п. 1 Стандарта первичной медико-санитарной помощи при первичной артериальной гипертензии, необходимыми медицинскими мероприятиями для диагностики заболевания, состояния являются прием (осмотр, консультация) следующих врачей-специалистов: врача-кардиолога, врача-невролога, врача-офтальмолога, врача-терапевта, врача-эндокринолога.

Критерии оценки качества медицинской помощи согласно ч. 2 ст. 64 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» формируются по группам заболеваний или состояний на основе соответствующих порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи и клинических рекомендаций (протоколов лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разрабатываемых и утверждаемых в соответствии с ч. 2 ст. 76 этого федерального закона, и утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Медицинские организации, медицинские работники и фармацевтические работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи. Вред, причиненный жизни и (или) здоровью граждан при оказании им медицинской помощи,

возмещается медицинскими организациями в объеме и порядке, установленных законодательством Российской Федерации (чч. 2 и 3 ст. 98 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Исходя из приведенных нормативных положений, регулирующих отношения в сфере охраны здоровья граждан, право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется системой закрепляемых в законе мер, включающих в том числе как определение принципов охраны здоровья, качества медицинской помощи, порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи, так и установление ответственности медицинских организаций и медицинских работников за причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи.

Из содержания искового заявления Ф. усматривается, что основанием его обращения в суд с требованием о компенсации причиненного ему морального вреда явилось ненадлежащее оказание медицинской помощи (дефекты оказания медицинской помощи) его супруге Ф., приведшее, по мнению истца, к ее смерти.

Согласно ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

Семейная жизнь в понимании ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми, в том числе совершеннолетними, между другими родственниками.

Статьей 38 Конституции Российской Федерации и корреспондирующими ей нормами ст. 1 СК РФ предусмотрено, что семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства.

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (п. 1 ст. 1 СК РФ).

Пунктом 1 ст. 150 ГК РФ определено, что жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие

гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред (ст. 151 ГК РФ).

Из норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и их толкования в соответствующих решениях Европейского Суда по правам человека в их взаимосвязи с нормами Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, положениями ст. 150, 151 ГК РФ следует, что в случае нарушения прав граждан в сфере охраны здоровья, причинения вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи требования о компенсации морального вреда могут быть заявлены родственниками и другими членами семьи такого гражданина, поскольку, исходя из сложившихся семейных связей, характеризующихся близкими отношениями, духовным и эмоциональным родством между членами семьи, возможно причинение лично им (то есть членам семьи) нравственных и физических страданий (морального вреда) ненадлежащим оказанием медицинской помощи этому лицу.

В силу п. 1 ст. 1099 ГК РФ основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами гл. 59 (ст. 1064–1101 ГК РФ) и ст. 151 ГК РФ.

Согласно пп. 1, 2 ст. 1064 ГК РФ, определяющей общие основания гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда.

В соответствии с п. 1 ст. 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

Статья 1101 ГК РФ предусматривает, что размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Как разъяснено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 г. № 6) (далее также – постановление Пленума от 20 декабря 1994 г. № 10), суду следует устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора. Одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключение составляют случаи, прямо предусмотренные законом.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий (абзац второй п. 8 постановления Пленума от 20 декабря 1994 г. № 10).

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» (далее – постановление Пленума от 26 января 2010 г. № 1) разъяснено, что по общему правилу, установленному ст. 1064 ГК РФ, ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, если оно не докажет отсутствие своей вины. Установленная ст. 1064 ГК РФ презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт увечья или иного повреждения здоровья, размер причиненного вреда, а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред.

При рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства,

свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. При определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств каждого дела (абзацы третий и четвертый п. 32 постановления Пленума от 26 января 2010 г. № 1).

По смыслу приведенных нормативных положений гражданского законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации моральный вред – это нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, перечень которых законом не ограничен. Необходимыми условиями для возложения обязанности по компенсации морального вреда являются: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, наличие причинной связи между наступлением вреда и противоправностью поведения причинителя вреда, вина причинителя вреда.

При этом законом установлена презумпция вины причинителя вреда, которая предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт наличия вреда (физических и нравственных страданий – если это вред моральный), а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред.

Применительно к спорным отношениям в соответствии с действующим правовым регулированием районная больница должна доказать отсутствие своей вины в причинении морального вреда Ф. в связи со смертью его жены Ф.Е., медицинская помощь которой была оказана ненадлежащим образом.

Однако в данном деле суды первой и апелляционной инстанций неправильно истолковали и применили к спорным отношениям нормы материального права, регулирующие отношения по компенсации морального вреда, причиненного гражданину, в системной взаимосвязи с нормативными положениями, регламентирующими обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, включая государственные гарантии обеспечения качества оказания медицинской помощи.

В нарушение подлежащих применению норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации судебные инстанции возложили на истца бремя доказывания

обстоятельств, касающихся некачественного оказания Ф.Е. медицинской помощи и причинно-следственной связи между дефектами оказания медицинской помощи Ф.Е., допущенными районной больницей, и наступившей смертью Ф.Е., в то время как больницей (ответчиком) не было представлено доказательств, подтверждающих отсутствие ее вины в оказании Ф.Е. медицинской помощи, не соответствующей установленным порядкам и стандартам, утвержденным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (Министерством здравоохранения Российской Федерации).

При таких обстоятельствах вывод суда первой инстанции об отсутствии причинно-следственной связи между дефектами, допущенными больницей при оказании медицинской помощи супруге истца Ф.Е., ее наступившей смертью и причинением тем самым Ф. морального вреда нельзя признать правомерным, так как он сделан без учета приведенных положений Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 151, 1064 и 1068 ГК РФ и разъяснений по их применению, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» и от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

Не основан на законе и вывод суда первой инстанции о том, что наличие дефектов оказания Ф.Е. медицинской помощи без подтверждения того, что именно они привели к ее смерти, могло свидетельствовать о причинении морального вреда только самой Ф.Е., а не ее супругу. Судом дана неправильная правовая оценка спорных отношений, предмета заявленных Ф. исковых требований и их обоснования. Делая такой вывод, суд не определил, какие права Ф. нарушены дефектами оказания медицинской помощи его супруге Ф.Е. и ее последующей смертью, не принял во внимание, что здоровье – это состояние полного социального, психологического и физического благополучия человека, которое может быть нарушено ненадлежащим оказанием пациенту медицинской помощи, а при смерти пациента нарушается и неимущественное право членов его семьи на здоровье, родственные и семейные связи, на семейную жизнь.

Законодатель, закрепив в ст. 151 ГК РФ общие правила компенсации морального вреда, не установил ограничений в отношении случаев, когда допускается такая компенсация. При этом согласно п. 2 ст. 150 ГК РФ нематериальные блага защищаются в соответствии с этим кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких

использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

В абзаце втором п. 2 постановления Пленума от 20 декабря 1994 г. № 10 разъяснено, что моральный вред может заключаться, в частности, в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников.

Отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда (абзац третий п. 4 постановления Пленума от 20 декабря 1994 г. № 10).

Ф. в исковом заявлении и при рассмотрении дела в суде указывал на то, что в результате смерти супруги ему причинен существенный моральный вред, выразившийся в переживаемых им тяжелых нравственных страданиях, до настоящего времени он не может смириться с утратой. Осознание того, что супругу можно было спасти оказанием своевременной и квалифицированной медицинской помощи, причиняет ему дополнительные нравственные страдания.

Также Ф. полагал, что в случае оказания супруге своевременной квалифицированной медицинской помощи она была бы жива, в то время как врачи районной больницы в нарушение стандарта первичной медико-санитарной помощи при первичной артериальной гипертензии даже не направили Ф.Е. к врачу-неврологу.

Оценка этим доводам Ф., на которых он основывал свои требования о компенсации морального вреда, ни судом первой, ни судом апелляционной инстанции не дана. Судебные инстанции не выясняли, предприняла ли больница все необходимые и возможные меры по спасению пациента (Ф.Е.) из опасной для ее жизни ситуации, способствовали ли выявленные дефекты оказания медицинской помощи развитию неблагоприятного исхода, не истребовали от ответчика доказательств, подтверждающих, что при надлежащей квалификации врачей, правильной организации лечебного процесса не имелось возможности оказать больной необходимую и своевременную помощь. Между тем в соответствии с п. 2 ст. 1064 ГК РФ именно на ответчике лежала обязанность доказывания своей невиновности в смерти Ф.Е. и причинении морального вреда Ф.

По данному делу юридически значимым и подлежащим установлению с учетом правового обоснования Ф. заявленных исковых требований положениями Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 151, 1064, 1068 ГК РФ и иных норм права, подлежащих применению к спорным отношениям, являлось выяснение обстоятельств, касающихся того, могли ли выявленные дефекты оказания районной больницей медицинской

помощи Ф.Е. повлиять на правильность постановки ей диагноза, назначения соответствующего лечения и развитие летального исхода от разрыва сосудистой аневризмы головного мозга, а также определение степени нравственных и физических страданий Ф. с учетом фактических обстоятельств причинения ему морального вреда и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им переживаний в результате ненадлежащего оказания его супруге медицинской помощи, наблюдения за ее страданиями от боли на протяжении длительного времени (с 4 по 30 июля 2016 г.) и ее последующей смерти.

От выяснения данных обстоятельств зависело правильное разрешение судом спора по требованиям Ф. о взыскании компенсации морального вреда, однако суд первой инстанции эти юридически значимые обстоятельства не определил и не установил.

Определение № 71-КГ18-12

3. Прекращение в отношении водителя уголовного дела вследствие акта об амнистии не исключают гражданско-правовой ответственности его работодателя за причинение этим водителем при исполнении им трудовых обязанностей вреда жизни или здоровью гражданина, морального вреда.

К. обратилась в суд с иском к обществу о возмещении материального ущерба, причиненного повреждением здоровья, и компенсации морального вреда.

В обоснование требований истец указала, что 30 января 2013 г. она осуществляла поездку в автобусе, принадлежащем обществу, которым управлял работник данного общества М. В нарушение правил дорожного движения М. не дождался выхода К. из автобуса и начал движение автобуса с открытыми дверями, вследствие чего истец упала на проезжую часть дороги и получила значительные телесные повреждения. Вследствие полученных повреждений истцу была сделана операция по замене сустава, кроме того, ею приобретались лекарственные средства и спецприспособления. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 264 УК РФ, в ходе расследования которого установлено, что М. нарушил правила дорожного движения, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью К. 25 декабря 2013 г. уголовное дело в отношении М. прекращено следственными органами по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (вследствие акта об амнистии).

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации установила, что при рассмотрении данного дела судом допущено существенное нарушение норм материального и процессуального права, выразившееся в следующем.

Обращаясь в суд с иском, К. ссылалась на обстоятельства, установленные действующим на тот момент постановлением следователя от 25 декабря 2013 г. о прекращении уголовного дела по обвинению М. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (вследствие акта об амнистии).

Данным постановлением установлено, что М., управляя автомобилем, допустил нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью К. при следующих обстоятельствах: водитель М., являясь работником общества и исполняя служебные обязанности, 30 января 2013 г. примерно в 16 часов 10 минут, двигаясь по маршруту, в нарушение требований пп. 1.5 и 22.7 Правил дорожного движения Российской Федерации допустил падение пассажира К. из автомобиля, которым он управлял.

Из содержания постановления о прекращении уголовного дела усматривается, что выводы органа предварительного расследования о виновности М. в нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью К., основаны в том числе на результатах автотехнической экспертизы от 7 октября 2013 г., согласно которой в данной дорожной обстановке водитель М. имел возможность предотвратить падение пассажира К., и судебно-медицинской экспертизы от 9 октября 2013 г., согласно которой у К. установлены телесные повреждения, образовавшиеся от ударно-контактного воздействия твердого предмета либо от удара о таковой, которые могли образоваться 30 января 2013 г. и причинили тяжкий вред здоровью.

При рассмотрении данного дела установлено, что в период с 30 января по 27 февраля 2013 г. К. находилась на лечении в травматолого-ортопедическом отделении городской больницы с диагнозом – закрытый медиальный перелом шейки левой бедренной кости со смещением. 12 февраля 2013 года выполнена операция – замещение левого тазобедренного сустава тотальным эндопротезом.

На основании пп. 1, 2 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине.

По смыслу указанной нормы для возложения имущественной ответственности за причиненный вред необходимо наличие таких обстоятельств, как наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда и его вина, а также причинно-следственная связь между действиями причинителя вреда и наступившими неблагоприятными последствиями.

В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п., осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности, и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т.п.).

Согласно ст. 1099, 1100 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда и независимо от вины причинителя вреда в случае, если вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности.

На основании абзаца второго п. 2 ст. 1083 ГК РФ при причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается.

Таким образом, законом предусмотрено возложение на причинителя вреда ответственности при причинении вреда жизни или здоровью гражданина, морального вреда и при отсутствии его вины, что является специальным условием ответственности.

Согласно п. 1 ст. 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

Применительно к правилам, предусмотренным гл. 59 ГК РФ, работниками признаются граждане, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта), а также граждане, выполняющие работу по гражданско-правовому договору, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического

лица или гражданина и под его контролем за безопасным ведением работ.

По смыслу приведенных норм материального права в их взаимосвязи на работодателя возлагается обязанность возместить не только имущественный, но и моральный вред, причиненный его работником при исполнении им трудовых обязанностей.

Осуждение обвиняемого не является одним из условий, необходимых для рассмотрения гражданского иска о возмещении вреда, вытекающего из общих с уголовным делом обстоятельств, и, следовательно, не исключает его гражданско-правовой ответственности, основанной на тех же фактах.

Соответственно, прекращение в отношении водителя уголовного дела вследствие акта об амнистии на стадии досудебного производства, а впоследствии отмена процессуального акта и возобновление предварительного следствия не исключают разрешения вопроса о гражданско-правовой ответственности его работодателя за причинение вреда, установленной ст. 1064, 1068, 1083, 1079, 1099 и 1100 ГК РФ.

В нарушение положений ст. 67, 157 и ч. 1 ст. 196 ГПК РФ при рассмотрении дела суд первой инстанции ограничился истребованием и исследованием только некоторых процессуальных документов, составленных в рамках производства по уголовному делу: постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного дела, постановлений об отмене постановления о прекращении уголовного дела, о возобновлении предварительного следствия и об установлении срока следствия, протоколов допроса М., протоколов очной ставки, которым не дал какой-либо оценки, приняв во внимание исключительно показания М., не признавшего свою вину и отрицавшего падение пассажира из управляемого им автобуса.

Между тем в полученных судом доказательствах содержатся сведения о совершении К. поездки в транспортном средстве ответчика в исследуемый период времени.

В нарушение ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд не предложил истцу представить дополнительные доказательства в виде показаний свидетелей, допрошенных в рамках уголовного дела, об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения настоящего гражданского дела.

Кроме того, суд не поставил на обсуждение сторон вопросы о привлечении М. к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, и вызове его в судебное заседание для получения объяснений в рамках настоящего гражданского дела.

Таким образом, суд первой инстанции при рассмотрении дела неправильно определил обстоятельства, имеющие юридическое

значение для установления причинителя вреда и причинной связи в возникшем деликтном правоотношении применительно к ст. 1064, 1083, 1079, 1099 и 1100 ГК РФ, не дал надлежащей правовой оценки доводам сторон, неправильно распределил между ними бремя доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела, что является существенным нарушением норм права.

Также судом оставлен без исследования вопрос о страховании ответчиком своей гражданской ответственности как перевозчика и как владельца транспортного средства.

Определение № 18-КГ17-176

4. Отсутствие оснований для возложения солидарной ответственности за причинение вреда истцу не освобождает от обязанности по его возмещению тем из соответчиков, кто этот вред причинил.

Закон не относит недоказанность размера причиненного ущерба к основаниям, позволяющим не возлагать гражданско-правовую ответственность на причинителя вреда.

М. обратилась в суд с иском к М.В., М.О, М.С., управляющей компании, в котором просила суд взыскать солидарно стоимость восстановительного ремонта жилого объекта недвижимости в размере 327 200 руб., судебные расходы по проведению оценки причиненного ущерба, расходы на производство судебной экспертизы, расходы по уплате госпошлины, указав в обоснование заявленных требований, что произошел залив квартиры I, в которой в настоящий момент проживает М. Причиной залива является срыв трубы на разводке горячего водоснабжения в квартире II, расположенной этажом выше, собственниками которой являются М.В., М.О., М.С.

В результате произошедшего залива квартиры М. нанесен ущерб в следующих размерах: жилая комната – 15,2 кв. м (потолочная плитка), потолок кухни – 9,0 кв. м (потолочная плитка), потолок коридора – 6,0 кв. м (потолочная плитка), пол коридора 6,0 кв. м, санитарный узел – 1,2 кв. м (стенная панель, потолок), линолеум 2,0 кв. м (стенная панель), о чем управляющей компанией был составлен акт о заливе жилого помещения. Акт был составлен в составе специалистов управляющей компании, собственника квартиры I М. и собственника квартиры II М.С. Причиненный ущерб и составленный акт ответчики не отрицают и не опровергают.

Ответчики в судебном заседании исковые требования не признали, просили отказать в их удовлетворении.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные М. требования, суд первой инстанции исходил из того, что материальный ущерб истцу причинен виновными совместными действиями ответчиков, выразившимися в принятии обоюдного решения о внесении изменений в систему горячего водоснабжения. Имеется совокупность условий для возмещения вреда, причиненного в результате залива помещения, вина собственников квартиры II, которые не должны были самовольно производить врезку в общедомовую трубу горячего водоснабжения, вина управляющей компании (ответчика), работник которой бесконтрольно произвел указанные работы, не согласовав с собственниками помещений многоквартирного дома и управляющей компанией, а также невыполнение управляющей компанией обязанности по проведению проверки температурно-влажного режима подвальных помещений, контролю состояния технических коммуникаций, своевременному устранению выявленных нарушений.

С данными выводами не согласился суд апелляционной инстанции и, отменяя решение суда первой инстанции с вынесением нового решения об отказе удовлетворении иска, указал, что выводы суда первой инстанции о солидарной ответственности собственников квартиры II и управляющей компании сделаны без учета тех обстоятельств, что спорный участок инженерной системы горячего водоснабжения, прорыв которого послужил причиной залива квартиры истца, относится к общедомовому имуществу и ответственность за такой прорыв несет управляющая компания, причинившая вред вследствии ненадлежащего исполнения обязанностей по обеспечению технически исправного состояния части общего имущества многоквартирного дома, на которую пришелся гидравлический удар. Доказательств того, что повреждения в квартире I со стороны подвального помещения являются следствием затопления квартиры горячей водой из квартиры II и возникли по вине ответчиков М.В., М.О. М.С., не представлено, как и не представлено доказательств видов и стоимости работ, материалов и оборудования, необходимых для устранения дефектов состояния квартиры, возникших исключительно в результате затопления, т.е. истцом не доказан размер причиненного в результате залива материального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Согласно подп. 3 п. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в данном

доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения.

В соответствии с п. 5 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491 (далее – Правила), в состав общего имущества включаются внутридомовые инженерные системы холодного и горячего водоснабжения, состоящие из стояков, ответвлений от стояков до первого отключающего устройства, расположенного на ответвлениях от стояков, указанных отключающих устройств, коллективных (общедомовых) приборов учета холодной и горячей воды, первых запорно-регулировочных кранов на отводах внутриквартирной разводки от стояков, а также механического, электрического, санитарно-технического и иного оборудования, расположенного на этих сетях.

Из приведенных правовых норм следует, что внутридомовые инженерные системы горячего и холодного водоснабжения до первого отключающего устройства, а также это устройство включаются в состав общего имущества многоквартирного дома.

В соответствии с п. 2^1 ст. 161 ЖК РФ при осуществлении непосредственного управления многоквартирным домом собственниками помещений в данном доме лица, выполняющие работы по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме, обеспечивающие холодное и горячее водоснабжение и осуществляющие водоотведение, электроснабжение, газоснабжение (в том числе поставки бытового газа в баллонах), отопление (теплоснабжение, в том числе поставки твердого топлива при наличии печного отопления), обращение с твердыми коммунальными отходами, несут ответственность перед собственниками помещений в данном доме за выполнение своих обязательств в соответствии с заключенными договорами, а также в соответствии с установленными Правительством Российской Федерации правилами содержания общего имущества в многоквартирном доме, правилами предоставления, приостановки и ограничения предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах.

Как следует из п. 10 Правил, общее имущество должно содержаться в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации (в том числе о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, техническом регулировании, защите прав потребителей) в состоянии, обеспечивающем соблюдение характеристик надежности и безопасности многоквартирного дома; безопасность для жизни и здоровья граждан, сохранность имущества физических или юридических лиц, государственного, муниципального и иного имущества и др.

Управляющие организации, оказывающие услуги и выполняющие работы при непосредственном управлении многоквартирным домом, отвечают перед собственниками помещений за нарушение своих обязательств и несут ответственность за надлежащее содержание общего имущества в соответствии с законодательством Российской Федерации и договором (п. 42 Правил).

Следовательно, обязанность по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома, включая внутридомовые инженерные системы холодного водоснабжения до первого отключающего устройства, возложена на управляющую организацию.

Судом при рассмотрении дела установлено, что причиной залива квартиры истца явился срыв первого запорно-регулировочного крана на отводе разводки от стояка горячего водоснабжения в квартире I.

При таких обстоятельствах, с учетом приведенных выше положений закона, для правильного разрешения спора надлежало установить, относится ли участок инженерной системы горячего водоснабжения, прорыв которого послужил причиной залива квартиры М., к общему имуществу многоквартирного дома и возлагается ли ответственность за такой прорыв на управляющую компанию, а также обстоятельства, связанные с возникновением причины залива, – действия (бездействие) собственников квартиры II и управляющей компании по надлежащему содержанию и эксплуатации трубы горячего водоснабжения.

Опровергая выводы суда первой инстанции о солидарной ответственности управляющей компании и собственников квартиры II в причинении ущерба имуществу истца, суд апелляционной инстанции указал, что участок инженерной системы горячего водоснабжения, прорыв которого послужил причиной залива квартиры М., относится к общему имуществу многоквартирного дома, в связи с чем ответственность за такой прорыв должна быть возложена на управляющую компанию. Однако с учетом того, что М. настаивала на солидарной ответственности М.В., М.О., М.С. и управляющей компании в причинении ей материального ущерба, судебная коллегия пришла к выводу об отказе в удовлетворении заявленных истцом требований, сославшись на возможность реализации М. своего нарушенного права иными предусмотренными законом способами.

При этом суд апелляционной инстанции не опроверг вывод суда первой инстанции о соответствии выбранного истцом способа защиты своего права последствиям нарушения и не обосновал в определении, каким именно иным способом, соизмеримым нарушенному праву, возможно устранить допущенное ответчиком нарушение прав истца.

В соответствии с п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские

права, при этом пределы осуществления гражданских прав определены в ст. 10, а способы защиты – в ст. 12 ГК РФ.

По смыслу ст. 11, 12 ГК РФ в их совокупности прерогатива в определении способа защиты нарушенного права принадлежит исключительно лицу, обратившемуся в суд за такой защитой, т.е. истцу.

Суд апелляционной инстанции, в нарушение требований ст. 198 ГПК РФ, исследовав вопрос устранения нарушения права М., при разрешении спора не указал в определении способ исправления допущенного нарушения, не разрешив по существу заявленного истцом требования.

Судом апелляционной инстанции не учтено, что отсутствие солидарной ответственности не является основанием для освобождения от обязанности его возмещения лицом, причинившим вред, привлеченным к участию в деле в качестве ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также признала не основанным на законе вывод суда апелляционной инстанции о том, что отсутствуют основания для возложения на ответчиков обязанности по возмещению истцу причиненного вреда, так как М. не доказан размер причиненного в результате залива материального вреда.

Пунктом 1 ст. 1064 ГК РФ предусмотрено, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

В силу ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Как разъяснено в абзаце втором п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

При таких обстоятельствах обязанностью суда, предусмотренной действующим законодательством, является выяснение действительных обстоятельств дела, а именно установление факта залива и лица, виновного в произошедшем заливе, факта причинения вреда имуществу истца и его оценки в материальном выражении, что судом апелляционной инстанции не выполнено.

При этом обязанность по возмещению причиненного вреда и случаи, в которых возможно освобождение от такой обязанности, предусмотрены законом. Недоказанность размера причиненного ущерба к основаниям, позволяющим не возлагать гражданско-правовую ответственность на причинителя вреда, действующим законодательством не отнесена.

Определение № 19-КГ18-17

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

5. По договорам поручительства, заключенным до 1 июня 2015 г., в случае смерти заемщика и при наличии наследников и наследственного имущества взыскание кредитной задолженности с поручителя осуществляется в пределах стоимости наследственного имущества.

Банк обратился в суд с иском к А., М.С. о взыскании задолженности по кредитным договорам, указав в обоснование заявленных требований, что 8 апреля 2015 г. между банком и М.Х. заключен кредитный договор, срок возврата кредита – не позднее 10 апреля 2017 г. В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору с А. в этот же день заключен договор поручительства.

5 июня 2015 г. между банком и М.Х. заключен кредитный договор, срок возврата кредита – не позднее 5 июня 2018 г. В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору с М.С. 5 июня 2015 г. заключен договор поручительства.

2 октября 2015 г. М.Х. умер.

Обязательства по возврату денежных средств заемщиком не исполнены, в связи с чем истец просил суд взыскать с наследников М.Х. в солидарном порядке задолженность по кредитным договорам от 8 апреля 2015 г. и от 5 июня 2015 г., сумму уплаченной при подаче иска госпошлины.

А. и М.С. подано встречное исковое заявление к банку и обществу (страховщику) о признании смерти М.Х. страховым случаем и

взыскании в пользу банка (выгодоприобретателя) с общества (страховщика) суммы задолженности по договорам займа от 8 апреля 2015 г. и 5 июня 2015 г. В обоснование заявленных требований указано, что при заключении указанных кредитных договоров М.Х. с обществом (страховщиком) заключены договоры страхования путем присоединения к программе коллективного страхования заемщиков кредита от несчастных случаев и болезней.

Определением суда в принятии встречного искового заявления А., М.С. отказано.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные исковые требования в части, суд первой инстанции исходил из того, что обязательства по кредитным договорам М.Х. при жизни надлежащим образом не исполнялись, в связи с чем сумма задолженности подлежит взысканию с поручителей, давших согласие отвечать по обязательствам заемщика в случае его смерти.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и также указал на то, что смерть заемщика произошла после внесения изменений Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в п. 3 ст. 364 и в п. 4 ст. 367 ГК РФ, согласно которым смерть должника не прекращает поручительство; в случае смерти должника поручитель по этому обязательству не может ссылаться на ограниченную ответственность наследников должника по долгам наследодателя (п. 1 ст. 1175 ГК РФ).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, поскольку они сделаны с существенными нарушениями норм материального и процессуального права, выразившимися в следующем.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ в п. 3 ст. 364 и п. 4 ст. 367 ГК РФ, вступили в законную силу с 1 июня 2015 г.

Договор поручительства с А. заключен 8 апреля 2015 г., в связи с чем с учетом правила о действии закона во времени указанные положения Гражданского кодекса Российской Федерации в новой редакции не подлежали применению к возникшим правоотношениям.

В пп. 60, 62 и 63 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что ответственность по долгам наследодателя несут все принявшие наследство наследники независимо от основания наследования и способа принятия наследства, а также муниципальные образования, в собственность которых переходит выморочное имущество в порядке наследования по закону.

Согласно п. 2 ст. 367 ГК РФ поручитель наследодателя становится поручителем наследника лишь в случае, если поручителем было дано согласие отвечать за неисполнение обязательств наследниками. При этом исходя из п. 1 ст. 367 и п. 1 ст. 416 ГК РФ поручительство прекращается в той части, в которой прекращается обеспеченное им обязательство, и поручитель несет ответственность по долгам наследодателя перед кредитором в пределах стоимости наследственного имущества.

При рассмотрении дел о взыскании долгов наследодателя судом могут быть разрешены вопросы признания наследников принявшими наследство, определения состава наследственного имущества и его стоимости, в пределах которой к наследникам перешли долги наследодателя, взыскания суммы задолженности с наследников в пределах стоимости перешедшего к каждому из них наследственного имущества и т.д.

Таким образом, в случае смерти должника-заемщика и при наличии наследников и наследственного имущества взыскание кредитной задолженности возможно с поручителя в пределах стоимости наследственного имущества.

Обстоятельствами, имеющими существенное значение для правильного разрешения возникшего спора, является установление у умершего заемщика наследственного имущества и наследников, а также принятие наследниками наследства.

Определение № 25-КГ17-33

6. Неисполнение застройщиком обязанности по устранению недостатков объекта долевого строительства, приведших к ухудшению качества объекта долевого строительства, может являться основанием для отказа участника долевого строительства в одностороннем порядке от исполнения договора участия в долевом строительстве и его расторжения.

Б.А. и Б.З. обратились в суд с иском к обществу (застройщик) о признании договора участия в долевом строительстве расторгнутым с 9 августа 2016 г., взыскании уплаченных по договору участия в долевом строительстве денежных средств в размере 1 463 000 руб., процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 820, 54 руб., убытков в размере 770 981 руб., штрафа в размере 50 % от присужденной суммы, судебных расходов в размере 56 500 руб., компенсации морального вреда, возложении обязанности подать заявление о внесении в Единый государственный реестр недвижимости записи о расторжении договора.

Как установлено судами, 29 апреля 2015 г. между истцами и ответчиком заключен договор участия в долевом строительстве, по условиям которого ответчик обязался построить трехэтажный многоквартирный жилой дом и передать в собственность Б.А. и Б.З. двухкомнатную квартиру 3 проектной общей площадью 44,74 кв. м, проектной площадью летних помещений 8,11 кв. м, а истцы обязались оплатить 1 463 000 руб.

Истцами обязательства по оплате цены договора участия в долевом строительстве исполнены.

17 мая 2016 г. ответчик направил Б.А. и Б.З. уведомление о передаче объекта долевого строительства.

26 мая 2016 г. истцы обратились к ответчику с претензией, в которой указали на несоответствие помещения требованиям закона и условиям договора, а именно: при входе в жилую комнату в верхней части дверного проема отсутствует межкомнатная перегородка, оконные блоки на лоджии не установлены, окно в помещении ненадлежащего качества, трубы водопровода и отопления выполнены с использованием неармированных труб ПВХ, непригодных для использования в системе отопления в соответствии с ГОСТ Р 52134-2003, черновая отделка не соответствует нормам СНиП 3.04.01-8 от 1 июля 1988 г. – стены не отштукатурены, пол не выровнен стяжкой, в связи с чем отказались принять помещение по акту приема-передачи до устранения указанных недостатков в срок до 20 июня 2016 г.

13 июля 2016 г. истцы обратились к ответчику с повторной претензией, в которой просили в срок до 26 июля 2016 г. безвозмездно устранить недостатки, представив экспертное заключение, согласно которому установлено: стеновые блоки несущих стен имеют на поверхности каверны глубиной до 20 мм, в качестве перемычки дверного проема несущей стены используется стеновой крупноразмерный блок, железобетонные плиты перекрытия имеют неоднородное заполнение продольных швов, в качестве заполнения используются фрагменты древесины (нарушение СП 70.13330.2012 «Несущие и ограждающие конструкции. Актуализированная редакция СНиП 3.03.01-87»); в качестве перемычки в перегородке используются арматурные стержни (нарушение СП 70.13330.2012 «Несущие и ограждающие конструкции. Актуализированная редакция СНиП 3.03.01.-87»); растворные швы кирпичной кладки шириной до 25 мм (нарушение СНиП 3.03.01-87 «Несущие и ограждающие конструкции», СП 15.13330.2012 «Каменные и армокаменные конструкции. Актуализированная редакция СНиП П-22-81*»); растворная постель имеет неоднородную структуру, не обеспечено равномерное опирание стеновых блоков (нарушение СП 70.13330.2012 «Несущие и ограждающие конструкции. Актуализированная редакция

СНиП 3.03.01-87», СП 15.13330.2012 «Каменные и армокаменные конструкции. Актуализированная редакция СНиП П-22-81*»); отсутствует отделка помещений (стяжка, штукатурка), отсутствует антикоррозионная обработка горизонтальных связей плит перекрытия, не выполнены требования СНиП 3.04.01-87 «Изоляционные и отделочные покрытия»; в качестве материала стен санузла использованы блоки из ячеистого бетона; конфигурация помещений, площадь и расположение стен помещения квартиры не соответствует приложению № 2 к договору; инженерные системы смонтированы не в полном объеме – невозможны подключение и эксплуатация приборов; на стеклопакете оконной конструкции жилой комнаты обнаружено несмываемое пятно – дефект изготовления стеклопакета; отсутствует система пожарной сигнализации.

3 августа 2016 г. ответчик отказал в удовлетворении претензии со ссылкой на ее необоснованность.

8 августа 2016 г. ответчик вновь направил истцам односторонний акт приема-передачи квартиры.

8 августа 2016 г. Б.А. и Б.З. направили в адрес общества уведомление о расторжении договора участия в долевом строительстве и возврате денежных средств.

По делу назначены и проведены две судебные строительно-технические экспертизы, проведенные в разных экспертных организациях соответственно экспертами Л.и Х.

Согласно заключению эксперта Л. спорная квартира 3 не соответствует требованиям нормативных документов, действующих в области строительства, и условиям договора участия в долевом строительстве, поскольку фактическая площадь внутренних помещений квартиры не соответствует проектной площади (что является существенным недостатком); фактически примененные стеновые блоки не соответствуют требованиям проектной документации, а также требованиям ГОСТ 13579-78 в части применения блоков (что является существенным и неустранимым без несоразмерных расходов недостатком); герметичность сопряжения пароизоляционной ленты с поверхностью стены не соответствует требованиям ГОСТ 30971-2012 (что является существенным с точки зрения соразмерности затрат по устранению недостатка с затратами на монтаж нового оконного блока и является технически устранимым недостатком). Квартира является помещением, не пригодным для проживания.

Из заключения эксперта Х. следует, что квартира частично не соответствует требованиям нормативных документов, действующих в области строительства, и условиям договора участия в долевом строительстве, в частности: бетонные блоки наружных стен здания фактически не соответствуют блокам, отраженным в проектной

документации по ГОСТ 13579-78, хотя и допустимы к применению для стен жилых зданий.

Кроме того, имеются несоответствия в части отделочных и строительно-монтажных работ:

трещины по стяжке пола с шириной раскрытия до 1 мм, возникшие в результате усадки растворной смеси;

просветы в кладке перегородок из пенобетонных блоков, возникшие в результате некачественно выполненных работ по кладке;

выступающие из плоскости стены перемычки проемов в перегородках на величину до 20 мм, возникшие в результате применения материалов разной толщины (толщина перегородки 100 мм, перемычки 120 мм);

трещина с шириной раскрытия до 0,5 мм на глубину штукатурного слоя, возникшая в результате усадки штукатурного раствора;

некачественный монтаж оконных конструкций;

отсутствие нижней пароизоляции оконного проема в кухне и некачественная приклейка пароизоляции в жилой комнате;

наличие брака стеклопакета в жилой комнате;

отклонение от вертикали штукатурной поверхности стен до 10 мм, отклонение от горизонтальной плоскости стяжки пола на величину до 10 мм, возникшие в результате некачественно выполненных строительных работ;

конвекторы системы отопления замусорены строительным раствором в процессе работ по оштукатуриванию стен.

Эксперт оценил указанные недостатки как несущественные, устранимые, а также пришел к выводу о пригодности помещения для проживания. Стоимость устранения выявленных недостатков составила 58 669 руб.

Признав заключение эксперта Л. не отвечающим требованиям относимости и допустимости в связи с тем, что экспертиза проведена без исследования рабочей документации, и отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций, руководствуясь заключением эксперта Х., пришли к выводу о том, что истцы не вправе отказаться от исполнения договора, поскольку не представили доказательств наличия существенных нарушений требований к качеству объекта долевого строительства, которые делают его непригодным для использования по назначению.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов ошибочными.

Согласно ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее –

Закон о долевом строительстве) застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

В соответствии с ч. 2 ст. 7 указанного закона в случае, если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 данной статьи обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика:

1) безвозмездного устранения недостатков в разумный срок;

2) соразмерного уменьшения цены договора;

3) возмещения своих расходов на устранение недостатков.

В силу ч. 1 ст. 9 Закона о долевом строительстве участник долевого строительства в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора, в частности, в случае неисполнения застройщиком обязанностей, предусмотренных ч. 2 ст. 7 этого закона.

Как указано в ч. 3 ст. 7 Закона о долевом строительстве, в случае существенного нарушения требований к качеству объекта долевого строительства или неустранения выявленных недостатков в установленный участником долевого строительства разумный срок участник долевого строительства в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора и потребовать от застройщика возврата денежных средств и уплаты процентов в соответствии с ч. 2 ст. 9 данного закона.

Таким образом, по смыслу указанных норм права основанием для отказа участника долевого строительства в одностороннем порядке от исполнения договора участия в долевом строительстве и его расторжения является неисполнение застройщиком обязанности по устранению безвозмездно в разумный срок недостатков объекта долевого строительства, приведших, в частности, к ухудшению качества объекта долевого строительства.

Из материалов дела следует, что недостатки объекта долевого строительства обнаружены истцами при первоначальном осмотре, в связи с чем ответчику направлена претензия, которая удовлетворена им частично.

В дальнейшем истцы с привлечением специалиста обнаружили, что техническое состояние квартиры не соответствует условиям договора, строительным нормам и правилам, в связи с чем направили

ответчику новую претензию, от устранения недостатков ответчик уклонился.

Обстоятельства неустранения ответчиком в разумный срок заявленных истцами недостатков объекта долевого строительства, построенного с отступлением от условий договора и обязательных требований, установлены судом первой инстанции, с чем также согласилась Судебная коллегия.

При таких обстоятельствах выводы судебных инстанций об отсутствии оснований для удовлетворения требований заявителей Судебная коллегия признала неправомерными.

Ссылка судов на то, что выявленные в ходе экспертизы недостатки в квартире не относятся к существенным, являются устранимыми и позволяют использовать помещение по назначению, основана на неправильном толковании и применении положений чч. 1 и 2 ст. 7, п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона о долевом строительстве.

Определение № 47-КГ18-14

Разрешение споров, возникающих из неосновательного обогащения

7. По делам о взыскании неосновательного обогащения на истца возлагается обязанность доказать факт приобретения или сбережения имущества ответчиком, а на ответчика – обязанность доказать наличие законных оснований для приобретения или сбережения такого имущества либо наличие обстоятельств, при которых неосновательное обогащение в силу закона не подлежит возврату.

В. обратилась в суд с иском к Е. о взыскании неосновательного обогащения в сумме 500 000 руб.

В обоснование заявленных требований В. указала, что с ее банковского счета, открытого в Банке, с использованием системы онлайн-платежей был осуществлен перевод денежных средств в сумме 500 000 руб. на банковский счет Е. Данный перевод был осуществлен неизвестными лицами без распоряжения истца и в отсутствие каких-либо законных оснований. Денежные средства в сумме 413 000 руб., поступившие на банковский счет ответчика, впоследствии по распоряжению Е. были переведены третьим лицам. Учитывая отсутствие каких-либо законных оснований для получения Е. денежных средств, находившихся на банковском счете В., истец указывала, что получение этих денежных средств представляет собой неосновательное обогащение ответчика.

Вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному делу В. отказано в удовлетворении исковых требований к Банку о взыскании неправомерно списанных с банковского счета денежных средств в размере 500 000 руб. Данным решением суда установлено, что у Банка отсутствовали законные основания для отказа в осуществлении операции по переводу денежных средств с банковского счета В. на банковский счет Е., поскольку лицо, давшее распоряжение об этом переводе, указало в системе онлайн-платежей правильные идентификатор, логин и пароли, в связи с чем было определено как клиент банка в соответствии с условиями договора банковского счета.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований В. к Е. о взыскании неосновательного обогащения по данному делу, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что истцом не представлено доказательств, подтверждающих увеличение стоимости имущества Е. за счет поступивших с банковского счета истца денежных средств, а также наличие причинно-следственной связи между перечислением этих денежных средств ответчику и их дальнейшим поступлением на банковские счета третьих лиц. Суды также указали, что в связи с утратой банковской карты Е. не имела возможности распоряжаться денежными средствами, поступившими на счет этой карты.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

Как установлено ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Согласно п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 этого кодекса.

Из приведенных правовых норм следует, что по делам о взыскании неосновательного обогащения на истца возлагается обязанность доказать факт приобретения или сбережения имущества ответчиком, а на ответчика – обязанность доказать наличие законных оснований для приобретения или сбережения такого имущества либо наличие обстоятельств, при которых неосновательное обогащение в силу закона не подлежит возврату.

Судом установлен и сторонами не оспаривался факт перечисления денежных средств в размере 500 000 руб. с банковского счета В. на банковский счет Е.

Денежные средства истца на счет ответчика были переведены помимо ее воли, иным неустановленным лицом.

Ответчик Е., возражая против иска, ссылалась на то, что она денежными средствами, поступившими на ее счет, не распоряжалась, в ее собственность денежные средства не поступали, картой Банка не пользовалась. Распоряжение денежными средствами осуществляли третьи лица, которые не установлены.

При таких обстоятельствах для правильного разрешения спора судам следовало установить, приобрела ли Е. денежные средства именно В., доказано ли ответчиком наличие законных оснований для приобретения этих денежных средств либо предусмотренных ст. 1109 ГК РФ обстоятельств, в силу которых эти денежные средства не подлежат возврату.

Однако в нарушение приведенных выше правовых норм суды первой и апелляционной инстанций не дали какой-либо оценки этим обстоятельствам, возложив на истца бремя доказывания увеличения стоимости имущества Е. и наличия у нее возможности фактически распоряжаться полученными денежными средствами.

В силу п. 1 ст. 847 ГК РФ права лиц, осуществляющих от имени клиента распоряжения о перечислении и выдаче средств со счета, удостоверяются клиентом путем представления банку документов, предусмотренных законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и договором банковского счета.

Пунктом 1 ст. 848 названного кодекса предусмотрено, что банк обязан совершать для клиента операции, предусмотренные для счетов данного вида законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями, если договором банковского счета не предусмотрено иное.

Таким образом, утрата банковской карты сама по себе не лишает клиента прав в отношении денежных средств, находящихся на банковском счете, и возможности распоряжаться этими денежными средствами.

Кроме того, судами установлено, что из перечисленных на банковский счет ответчика 500 000 руб. на счете осталось 87 000 руб.

Первоначальная принадлежность истцу данных денежных средств установлена судом и не оспаривалась сторонами.

Определение № 82-КГ18-2

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

8. Жилой дом, входящий в состав наследственного имущества, раздел которого в натуре невозможен, может быть признан судом неделимой вещью.

И. обратилась в суд с иском к С.Т., С.Е., С.Н. о разделе наследственного имущества и в признании за ней преимущественного права на спорный жилой дом и земельный участок, С.Е. обратилась в суд со встречным иском к И., С.Н., С.Т. о разделе наследства, С.Т. обратилась в суд со встречным иском к С.Е., С.Н., И. о разделе наследственного имущества, С.Н. обратилась в суд со встречным иском к И., С.Т., С.Е. о разделе наследственного имущества.

Решением суда исковые требования И., С.Е., С.Т., С.Н. (наследников по закону первой очереди к имуществу С.) удовлетворены частично. В частности, за И. признано право собственности на спорный жилой дом и земельный участок.

Дело неоднократно рассматривалось судебными инстанциями.

При новом рассмотрении дела суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части признания за И. права собственности на спорный жилой дом и земельный участок и в этой части принял новое решение, признав право общей долевой собственности на данное имущество за И., С.Т., С.Е., С.Н. в равных долях – по 1/4 доли за каждой.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводом суда апелляционной инстанции в части отказа в удовлетворении исковых требований И. о признании за ней преимущественного права на спорный жилой дом с земельным участком не согласилась по следующим основаниям.

Отменяя решение суда первой инстанции в этой части и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований И., суд апелляционной инстанции, ссылаясь на п. 3 ст. 1168 ГК РФ, указал на то, что юридически значимым обстоятельством для данного дела является установление факта неделимости спорного объекта недвижимости, а также установление факта постоянного проживания И. ко дню открытия наследства в спорном доме и отсутствие у нее иного жилого помещения. При этом суд апелляционной инстанции поставил под сомнение факт неделимости спорного объекта недвижимости, установленный экспертами при проведении судебных экспертиз, указав на значительный размер дома, общая площадь которого составила 499,6 кв.м. Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что И. постоянно зарегистрирована по другому месту жительства, а не в

спорном жилом доме и к моменту открытия наследства она совместно с наследодателем обладала правом общей долевой собственности на квартиру, которая при вынесении решения по данному делу передана ей в собственность с учетом ее преимущественного права перед другими наследниками.

Как следует из п. 2 ст. 1168 ГК РФ, наследник, постоянно пользовавшийся неделимой вещью, входящей в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли этой вещи перед наследниками, не пользовавшимися этой вещью и не являющимися ранее участниками общей совместной собственности на нее.

В силу п. 3 ст. 1168 ГК РФ, если в состав наследства входит жилое помещение (жилой дом, квартира и тому подобное), раздел которого в натуре невозможен, при разделе наследства наследники, проживавшие в этом жилом помещении ко дню открытия наследства и не имеющие иного жилого помещения, имеют перед другими наследниками, не являющимися собственниками жилого помещения, входящего в состав наследства, преимущественное право на получение в счет их наследственных долей этого жилого помещения.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 52 своего постановления от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящих в состав наследства неделимой вещи, жилого помещения, раздел которого в натуре невозможен, имеют: 1) наследники, обладавшие совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, в том числе на жилое помещение, не подлежащее разделу в натуре, которые могут воспользоваться этим правом преимущественно перед всеми другими наследниками, не являвшимися при жизни наследодателя участниками общей собственности на неделимую вещь, включая наследников, постоянно пользовавшихся ею, и наследников, проживавших в жилом помещении, не подлежащем разделу в натуре; 2) наследники, не являвшиеся при жизни наследодателя участниками общей собственности на неделимую вещь, однако постоянно пользовавшиеся ею ко дню открытия наследства (помимо случаев неправомерного пользования чужой вещью, осуществлявшегося без ведома собственника или вопреки его воле), которые могут воспользоваться этим правом преимущественно перед другими наследниками лишь при отсутствии наследников, обладавших совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, а при наследовании жилого помещения, не подлежащего разделу в натуре, также при отсутствии наследников, проживавших в нем ко дню открытия наследства и не имеющих иного жилого помещения; 3) наследники, проживавшие ко дню открытия наследства в

переходящем по наследству жилом помещении, не подлежащем разделу в натуре, и не имеющие иного жилого помещения, принадлежащего на праве собственности или предоставленного по договору социального найма, которые могут воспользоваться этим правом преимущественно перед другими наследниками лишь при отсутствии наследников, обладавших совместно с наследодателем правом общей собственности на наследуемое жилое помещение.

Таким образом, исходя из положений данных норм и разъяснений по их применению, неделимой вещью в контексте положений п. 2 ст. 1168 ГК РФ являются в том числе жилые помещения.

Как следует из искового заявления И., в обоснование своего требования о признании за ней преимущественного права на получение в счет ее наследственной доли спорного жилого дома и земельного участка, она, ссылаясь на положения п. 2 ст. 1168 ГК РФ, указывала на то, что постоянно пользовалась спорным объектом недвижимости, несла бремя его содержания.

В подтверждение своих доводов о постоянном пользовании спорным объектом недвижимости И. представила договор на обслуживание котельного оборудования спорного жилого дома от 5 октября 2014 г., техническое заключение от 10 ноября 2015 г., в котором содержится информация о постоянном пользовании И. жилым домом в период с 2014 по 2015 год, квитанции об оплате коммунальных услуг, а также справку управляющего некоммерческого партнерства пользователей земельных участков от 25 ноября 2015 г., в соответствии с которой И. с 2014 года пользовалась домом и земельным участком, а С.Н. и С.Т. никогда в этом доме не проживали и земельным участком не пользовались, расходов по содержанию не несли.

Между тем суд апелляционной инстанции, разрешая требования И., требование истца применительно к положениям п. 2 ст. 1168 ГК РФ не рассмотрел, доводам И. о постоянном пользовании спорным объектом недвижимости оценки не дал и суждений по ним не высказал.

Кроме того, при решении судом вопроса о возможности раздела в натуре спорного жилого дома по делу были назначены и проведены две судебные экспертизы.

Как в одном, так и в другом экспертном заключении эксперты пришли к единому мнению о том, что спорный жилой дом является неделимым.

При этом в одном из экспертных заключений в обоснование вывода о неделимости спорного объекта недвижимости указано, что для реального раздела необходимо будет выполнить реконструкцию объекта, несущих конструктивных элементов строения, следовательно, строению будет нанесен несоразмерный ущерб, изменится в худшую

сторону объемно-планировочное решение, так как уменьшатся площади и назначения помещений.

В другом экспертном заключении указано, что раздел жилого дома затронет конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности здания и приведет к существенному ухудшению его технического состояния, в связи с чем эксперт пришел к выводу о том, что раздел жилого дома технически невозможен.

Кроме того, факт неделимости спорного объекта недвижимости был подтвержден также техническим заключением муниципального унитарного предприятия.

В соответствии с ч. 3 ст. 86 ГПК РФ несогласие суда с заключением эксперта должно быть мотивировано в решении или определении суда.

Однако суд апелляционной инстанции в нарушение ст. 86 ГПК РФ немотивированно отверг указанные выше экспертные заключения и, не обладая специальными знаниями в области строительства, исходя лишь из значительного размера спорного объекта недвижимости (499 кв. м) и большого количества помещений различного назначения в доме (более 30), пришел к выводу о возможности его раздела.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции об отказе в признании за И. преимущественного права на спорный объект недвижимости является неправомерным.

Определение № 4-КГ19-4

9. Основанием восстановления срока принятия наследства могут являться обстоятельства, связанные с личностью наследника, пропустившего по уважительной причине этот срок.

М.А. обратилась в суд с иском к М.И. о восстановлении срока для принятия наследства, признании недействительными свидетельств о праве на наследство, признании права собственности в порядке наследования по закону.

Как установлено судом, 22 мая 2016 г. умер М.

М.А. является дочерью М., а ответчик М.И. – его сестрой.

В состав наследственного имущества после его смерти вошли: квартира, земельный участок с жилым домом, а также денежный вклад в банке.

Заявление нотариусу о принятии наследства после смерти М. 7 ноября 2016 г. подано его сестрой М.И., которой 6 декабря 2016 г. выданы свидетельства о праве на наследство по закону.

С исковыми требованиями, в частности с требованием о восстановлении срока для принятия наследства после смерти М., истец М.А. обратилась в суд 16 августа 2017 г., в котором ссылалась на то, что редко поддерживала общение с отцом по причине сложных взаимоотношений между ними.

Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 1152 ГК РФ для приобретения наследства наследник должен его принять.

Наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня открытия наследства (п. 1 ст. 1154 ГК РФ).

В силу п. 1 ст. 1155 ГК РФ по заявлению наследника, пропустившего срок, установленный для принятия наследства (ст. 1154), суд может восстановить этот срок и признать наследника принявшим наследство, если наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил этот срок по другим уважительным причинам и при условии, что наследник, пропустивший срок, установленный для принятия наследства, обратился в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска этого срока отпали.

Как видно из дела, 22 мая 2016 г. умер наследодатель М., о смерти которого истцу М.А. стало известно 5 июня 2017 г., что следует из ее искового заявления.

16 августа 2017 г. М.А. в установленный ст. 1155 ГК РФ шестимесячный срок обратилась в суд с иском о восстановлении срока для принятия наследства.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции указал, что оснований для восстановления истцу срока для принятия наследства в данном случае не имеется, поскольку ей не было приведено обстоятельств уважительности причин пропуска такого срока.

Опровергая выводы суда первой инстанции и приходя к противоположному, чем суд первой инстанции, выводу о наличии оснований для восстановления М.А. срока для принятия наследства, суд апелляционной инстанции в качестве уважительности причин пропуска данного срока указал на редкое общение дочери и отца (наследодателя) ввиду сложности в их общении по вине последнего.

Между тем данный вывод суда сделан без учета положений подп. «а» п. 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», согласно разъяснениям которого требования о восстановлении срока принятия наследства и признании наследника принявшим наследство могут быть удовлетворены лишь при доказанности совокупности следующих обстоятельств: наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил указанный срок по другим уважительным причинам. К числу таких причин следует относить обстоятельства, связанные с личностью истца, которые позволяют признать уважительными причины пропуска срока исковой давности: тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п. (ст. 205 ГК РФ), если они препятствовали принятию наследником наследства в течение всего срока, установленного для этого законом. Не являются уважительными такие обстоятельства, как кратковременное расстройство здоровья, незнание гражданско-правовых норм о сроках и порядке принятия наследства, отсутствие сведений о составе наследственного имущества и т.п.

Обстоятельств, связанных с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), М.А. приведено не было и судом апелляционной инстанции не установлено, в материалах дела такие сведения также отсутствуют.

В связи с этим вывод суда первой инстанции об отсутствии оснований для восстановления срока для принятия наследства М.А. является правильным.

Кроме того, придя к выводу о том, что ответчиком было допущено нарушение положений п. 4 ст. 1 ГК РФ, предусматривающего, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения, а также ст. 10 ГК РФ, содержащей запрет недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребление правом), выразившееся в том, что ответчик скрыл от нотариуса наличие наследника первой очереди, суд апелляционной инстанции не учел, что действующее законодательство не возлагает на наследника обязанности сообщать нотариусу сведения о других наследниках наследодателя.

С учетом изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что несообщение ответчиком нотариусу информации об истце как наследнике М. служит основанием для восстановления истцу срока для принятия наследства, признан Судебной коллегией ошибочным.

Определение № 5-КГ18-268

Разрешение споров, связанных с трудовыми отношениями

10. Срок для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора может быть восстановлен судом исходя из совокупности всех обстоятельств, не позволивших лицу своевременно обратиться в суд за защитой нарушенного трудового права.

По делам о восстановлении на работе участие прокурора является обязательным на любой стадии процесса, в том числе и на стадии предварительного судебного заседания.

И. 29 декабря 2017 г. обратился в суд с иском к местной администрации (работодатель) о восстановлении на работе, взыскании заработной платы, компенсации морального вреда.

Судом установлено и следует из материалов дела, что И. с 29 февраля 2008 г. состоял в трудовых отношениях с местной администрацией, работал в должности директора муниципального унитарного предприятия (далее – МУП), с ним 29 февраля 2008 г. был заключен трудовой договор на неопределенный срок.

В период трудовых отношений между местной администрацией и И. неоднократно заключались соглашения от 28 апреля 2012 г., от 1 апреля 2013 г. и от 29 января 2014 г. о дополнении условий трудового договора об оплате труда, которыми повышался размер должностного оклада истца.

31 мая 2017 г. местной администрацией И. вручено уведомление об изменении с 1 августа 2017 г. условий трудового договора в части оплаты труда с изменением п. 4 трудового договора «Оплата труда и социальные гарантии руководителя» и изложением его в новой редакции. И. работодателем было предложено в срок до 1 августа 2017 г. подать письменное заявление о его согласии либо несогласии на продолжение работы в новых условиях, а также разъяснено, что в случае отказа И. от продолжения работы в новых условиях трудовой договор с ним будет расторгнут по основаниям, предусмотренным Трудовым кодексом Российской Федерации (п. 7 ч. 1 ст. 77, п. 2 ч. 1 ст. 81).

10 июля 2017 г. И. направил работодателю ответ на указанное уведомление, в котором выразил свое несогласие на продолжение работы в новых условиях. Данный ответ поступил в местную администрацию 31 июля 2017 г.

Распоряжением местной администрации от 1 августа 2017 г. И. был уволен с должности директора МУП по п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (отказ работника от продолжения работы в связи с изменением определенных сторонами условий трудового договора).

Из материалов дела усматривается, что в периоды с 3 августа по 22 августа, с 30 августа по 13 сентября, с 14 сентября по 2 октября, с 3 октября по 17 октября, с 18 октября по 7 ноября, с 8 ноября по 13 ноября 2017 г. И. в связи с заболеванием был временно нетрудоспособен.

14 ноября 2017 г. И. установлена инвалидность III группы по причине «общее заболевание» на срок до 14 ноября 2018 г.

Судом также установлено, что в связи с обращением И. государственной инспекцией труда в субъекте Российской Федерации была проведена проверка соблюдения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в местной администрации. В ходе данной проверки было выявлено, что при увольнении И. местной администрацией допущено нарушение требований ч. 3 ст. 74 ТК РФ, а именно И. не была в письменной форме предложена другая имеющаяся у работодателя работа, а равно он не был уведомлен об отсутствии вакантных должностей на момент увольнения.

По результатам проверки государственной инспекцией труда местная администрация и глава местной администрации признаны виновными в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ (нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права), и на основании постановлений государственной инспекции труда от 26 декабря 2017 г. привлечены к административной ответственности в виде предупреждения и штрафа соответственно.

15 ноября 2017 г. государственной инспекцией труда И. был направлен ответ на его обращение, в котором И. разъяснено его право на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора.

13 декабря 2017 г. И. обратился к работодателю с письменной претензией в порядке досудебного урегулирования спора и просьбой о восстановлении его на работе в добровольном порядке, полагая состоявшееся увольнение незаконным ввиду нарушения работодателем трудового законодательства, а также по причине допущенной в отношении И. дискриминации.

22 декабря 2017 г. И. был проинформирован работодателем о том, что его претензия от 13 декабря 2017 г. отклонена со ссылкой на то, что в силу ст. 391 ТК РФ индивидуальные трудовые споры по заявлению работника о восстановлении на работе рассматриваются непосредственно в суде.

29 декабря 2017 г. И. подал в суд иск к местной администрации о восстановлении на работе, взыскании заработной платы, компенсации морального вреда.

Дело рассмотрено судом в предварительном судебном заседании в порядке ч. 6 ст. 152 ГПК РФ.

Решением суда И. отказано в удовлетворении иска в связи с пропуском им срока на обращение в суд без исследования иных фактических обстоятельств.

Суд апелляционной инстанции, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, дополнительно указал на то, что действующее трудовое законодательство не связывает возможность обращения работника в суд за защитой трудовых прав с необходимостью проведения досудебного урегулирования спора с работодателем, так как работник не лишен права одновременно использовать различные способы защиты своих трудовых прав, а потому досудебное урегулирование И. спора не приостанавливает течение срока обращения в суд для разрешения индивидуального трудового спора. По мнению суда апелляционной инстанции, обращение истца в компетентные органы, осуществляющие проверки, не являлось препятствием для его обращения в суд за защитой нарушенного права.

Признавая несостоятельными доводы апелляционной жалобы И. о том, что дело было рассмотрено судом первой инстанции в предварительном судебном заседании без участия прокурора, суд апелляционной инстанции сослался на то, что суд первой инстанции по существу требования не рассматривал, судом оценивались доводы сторон о причине пропуска срока обращения в суд при том, что в суде апелляционной инстанции прокурор участвовал и поддержал принятое судом первой инстанции решение.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело в суд первой инстанции для рассмотрения по существу, указав следующее.

Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации основными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются, в частности, обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту; обеспечение права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров (абзацы пятнадцатый и шестнадцатый ст. 2 ТК РФ).

Статьей 381 ТК РФ установлено, что индивидуальный трудовой спор – это неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении

индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров. Индивидуальным трудовым спором признается спор между работодателем и лицом, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим работодателем, а также лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с работодателем, в случае отказа работодателя от заключения такого договора.

Индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами (ст. 382 ТК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 392 ТК РФ работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки.

При пропуске по уважительным причинам названных сроков они могут быть восстановлены судом (ч. 4 ст. 392 ТК РФ).

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что в качестве уважительных причин пропуска срока обращения в суд могут расцениваться обстоятельства, препятствовавшие данному работнику своевременно обратиться с иском в суд за разрешением индивидуального трудового спора (например, болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие непреодолимой силы, необходимость осуществления ухода за тяжелобольными членами семьи).

Согласно абзацу первому ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд.

В случае отказа в иске в связи с признанием неуважительными причин пропуска срока исковой давности или срока обращения в суд в мотивировочной части решения суда указывается только на установление судом данных обстоятельств (абзац третий ч. 4 ст. 198 ГПК РФ).

Таким образом, по смыслу ч. 4 ст. 198 ГПК РФ обстоятельства, касающиеся причин пропуска работником срока на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора, и их оценка судом должны быть отражены в решении.

Из приведенных нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению следует, что

лицам, не реализовавшим свое право на обращение в суд в установленный законом срок по уважительным причинам, этот срок может быть восстановлен в судебном порядке. При этом перечень уважительных причин, при наличии которых пропущенный срок для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора может быть восстановлен судом, законом не установлен. Указанный же в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации перечень уважительных причин пропуска срока обращения в суд исчерпывающим не является.

Соответственно, с учетом положений ст. 392 ТК РФ в системной взаимосвязи с требованиями ст. 2 (задачи гражданского судопроизводства), ст. 67 (оценка доказательств), ст. 71 (письменные доказательства) ГПК РФ суд, оценивая, является ли то или иное обстоятельство достаточным для принятия решения о восстановлении пропущенного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, не должен действовать произвольно, а обязан проверять и учитывать всю совокупность обстоятельств конкретного дела, не позволивших лицу своевременно обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора.

Судебными инстанциями при рассмотрении заявления И. о восстановлении пропущенного срока на обращение в суд указанные выше правовые нормы и разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2, не учтены.

Признавая неуважительными причины пропуска И. предусмотренного ч. 1 ст. 392 ТК РФ месячного срока для обращения в суд за разрешением спора о восстановлении на работе, судебные инстанции в нарушение требований ч. 4 ст. 67 ГПК РФ не приняли во внимание всю совокупность обстоятельств, не позволивших ему своевременно обратиться с иском в суд.

Так, обращаясь в суд за защитой нарушенных трудовых прав, И. указывал на то, что месячный срок, предусмотренный ч. 1 ст. 392 ТК РФ, был пропущен им по уважительной причине. При этом И. ссылался на совокупность обстоятельств, препятствовавших ему своевременно обратиться в суд, в числе которых состояние его здоровья, длительное нахождение на лечении, оформление инвалидности, обращение в государственную инспекцию труда с заявлением о нарушении его трудовых прав действиями работодателя по изменению существенных условий трудового договора и последующему в связи с этим увольнению.

Однако эти доводы истца об уважительности причин пропуска месячного срока на обращение в суд с иском о восстановлении на работе

не получили с учетом положений чч. 1 и 3 ст. 392 ТК РФ надлежащей правовой оценки суда.

Из материалов дела усматривается, что в периоды с 3 августа по 22 августа, с 30 августа по 13 сентября, с 14 сентября по 2 октября, с 3 октября по 17 октября, с 18 октября по 7 ноября, с 8 ноября по 13 ноября 2017 г. И. вследствие заболевания был временно нетрудоспособен, проходил лечение как амбулаторно, так и в условиях стационара (с 20 сентября по 2 октября и с 18 октября по 3 ноября 2017 г.). 14 ноября 2017 г. бюро медико-социальной экспертизы И. установлена инвалидность III группы по причине «общее заболевание» на срок до 14 ноября 2018 г.

Вместе с тем в деле отсутствуют данные о характере заболевания истца, в связи с чем выводы судебных инстанций о том, что имеющееся у И. заболевание не препятствовало ему обратиться в суд в установленный срок, основаны на предположениях, что не отвечает требованиям ч. 4 ст. 198 ГПК РФ.

Делая вывод о том, что обращение И. в государственную инспекцию труда по вопросу нарушения его трудовых прав не мешало истцу обратиться с иском в суд, поскольку Трудовой кодекс Российской Федерации не содержит положений об обязательности предварительного внесудебного порядка разрешения трудового спора, судебные инстанции не приняли во внимание, что названное обстоятельство (обращение в государственную инспекцию труда) с учетом нормативных положений о способах защиты гражданами своих прав и свобод, государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, указано истцом в качестве одной из причин, свидетельствующих об уважительности пропуска им месячного срока для обращения в суд.

Так, в ст. 352 ТК РФ определено, что каждый имеет право защищать свои трудовые права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Основными способами защиты трудовых прав и свобод являются в том числе государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и судебная защита.

Частью 1 ст. 353 ТК РФ предусмотрено, что федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, осуществляется федеральной инспекцией труда в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 354 ТК РФ федеральная инспекция труда – это единая централизованная система, состоящая из федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение

федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и его территориальных органов (государственных инспекций труда).

В соответствии с возложенными на нее задачами федеральная инспекция труда реализует следующие основные полномочия: осуществляет федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, посредством проверок, выдачи обязательных для исполнения предписаний об устранении нарушений, составления протоколов об административных правонарушениях в пределах полномочий, подготовки других материалов (документов) о привлечении виновных к ответственности в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации; анализирует обстоятельства и причины выявленных нарушений, принимает меры по их устранению и восстановлению нарушенных трудовых прав граждан; ведет прием и рассматривает заявления, письма, жалобы и иные обращения граждан о нарушениях их трудовых прав, принимает меры по устранению выявленных нарушений и восстановлению нарушенных прав (абзацы второй, третий и пятнадцатый ст. 356 ТК РФ).

Государственные инспекторы труда при осуществлении федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, имеют право в том числе предъявлять работодателям и их представителям обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, о восстановлении нарушенных прав работников, привлечении виновных в указанных нарушениях к дисциплинарной ответственности или об отстранении их от должности в установленном порядке (абзац шестой ст. 357 ТК РФ).

Из данных норм следует, что государственные органы инспекции труда наделены законом полномочиями по рассмотрению заявлений, писем, жалоб и иных обращений граждан о нарушении их трудовых прав и применению по результатам рассмотрения обращений граждан определенных мер реагирования в виде предъявления должностным лицам предписаний об устранении нарушений закона.

Обращаясь в государственную инспекцию труда с заявлением о нарушении его трудовых прав при изменении существенных условий трудового договора и его увольнении, И. правомерно ожидал, что в отношении работодателя будет принято соответствующее решение о восстановлении его трудовых прав во внесудебном порядке.

Указанные фактические обстоятельства и доводы истца о том, что вопреки его ожиданиям о разрешении государственной инспекцией труда вопроса о незаконности изменения работодателем существенных условий труда и вопроса о незаконности его увольнения ответом этого органа от 15 ноября 2017 г. ему было лишь разъяснено его право на обращение в суд, после чего он в кратчайший срок подал иск в суд, дают основание в совокупности с иными обстоятельствами (нахождение И. на лечении, оформление им инвалидности) для вывода о наличии уважительных причин пропуска И. месячного срока для обращения в суд по спору об увольнении, предусмотренного ч. 1 ст. 392 ТК РФ.

Таким образом, вывод судов первой и апелляционной инстанций об отказе И. в восстановлении пропущенного срока для обращения в суд по спору об увольнении в связи с отсутствием уважительных причин для пропуска указанного срока является неправомерным, поскольку он сделан без учета приведенных норм права и названной выше совокупности установленных по данному делу юридически значимых обстоятельств.

Суждение суда апелляционной инстанции о том, что обращение истца в досудебном порядке к работодателю не приостанавливает течение срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, не основано на материалах настоящего дела, поскольку И. перед судебными инстанциями был поставлен вопрос о восстановлении пропущенного им месячного срока для обращения в суд с требованиями о восстановлении на работе, а не о приостановлении течения этого срока.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала отказ в восстановлении пропущенного срока для обращения в суд за разрешением спора об увольнении И. нарушающим его права на судебную защиту и противоречащим задачам гражданского судопроизводства, как они определены в ст. 2 ГПК РФ, а причины, по которым И. несвоевременно обратился в суд с иском о восстановлении на работе и иными исковыми требованиями, уважительными.

Судебная коллегия также указала на существенное нарушение судами первой и апелляционной инстанций положений ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, в соответствии с которыми прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий.

Из изложенного следует, что участие прокурора по указанным в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ категориям дел, к которым относятся дела о восстановлении на работе, является обязательным на любой стадии

процесса, в том числе и на стадии предварительного судебного заседания.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о необязательности участия прокурора в предварительном судебном заседании при решении судом вопроса о пропуске работником срока на обращение в суд с иском о восстановлении на работе признан Судебной коллегией ошибочным.

Определение № 44-КГ18-33

Процессуальные вопросы

11. Суд, привлекая соответчика к участию в деле по своей инициативе, обязан рассмотреть иск не только в отношении тех ответчиков, которые указаны истцом, но и в отношении лица, привлеченного им самим.

Р. обратился в суд к страховой компании II с иском о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, штрафа в размере 50% от суммы, присужденной в пользу потребителя, расходов на оплату услуг оценщика, расходов на оплату услуг представителя, расходов по нотариальному удостоверению доверенности.

В обоснование иска указано, что в связи с причинением в результате дорожно-транспортного происшествия автомобилю Р. повреждений истец обратился с заявлением о выплате страхового возмещения в порядке прямого возмещения ущерба к страховщику, который данную выплату не произвел. Вступившим в законную силу решением суда со страховщика в пользу Р. взысканы страховое возмещение, неустойка, компенсация морального вреда, штраф и судебные расходы. В связи с неисполнением данного решения и отзывом у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности истец обратился в Российский Союз Автостраховщиков (далее – РСА), который в осуществлении компенсационной выплаты отказал. Тогда истец подал заявление о выплате страхового возмещения в организацию, застраховавшую гражданскую ответственность причинителя вреда. Ответчик в выплате страхового возмещения отказал, что и явилось основанием для обращения в суд с данным иском.

Определением суда на основании абзаца второго ч. 3 ст. 40 ГПК РФ к участию в деле в качестве соответчика привлечен РСА.

Как установлено судом и следует из материалов дела, в результате дорожно-транспортного происшествия с участием двух транспортных средств принадлежащий Р. автомобиль получил повреждения.

Гражданская ответственность истца на момент дорожно-транспортного происшествия была застрахована в страховой компании I, а виновного в дорожно-транспортном происшествии – в страховой компании II.

Р. обратился в страховую компанию I с заявлением о прямом возмещении убытков, однако выплату указанный страховщик не произвел.

Решением суда со страховой компании I в пользу Р. взысканы страховое возмещение, неустойка, компенсация морального вреда, штраф, а также судебные расходы. Данное решение суда вступило в законную силу и взыскателю выдан исполнительный лист.

Приказом Банка России у страховой компании I отозвана лицензия на осуществление страховой деятельности. В связи с этим Р. обратился в РСА, приложив к своему заявлению состоявшееся решение суда и исполнительный лист.

РСА возвратил указанные документы без исполнения, разъяснив Р. необходимость обращения к страховщику, застраховавшему гражданскую ответственность причинителя вреда.

Р. направил в страховую компанию II заявление о выплате страхового возмещения, в удовлетворении которого ему было отказано.

Обращаясь в суд с иском к страховой компании II, Р. полагал, что ввиду неисполнения решения суда от 16 декабря 2014 г. и отзыва у его страховщика (должника по исполнительному производству) лицензии на осуществление страховой деятельности он вправе рассчитывать на выплату страхового возмещения страховщиком ответственности причинителя вреда.

Рассмотрев 13 апреля 2017 г. в предварительном судебном заседании вопрос о составе участвующих в деле лиц, судья по своей инициативе привлек РСА к участию в данном деле в качестве соответчика.

Разрешая данный спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что РСА является надлежащим ответчиком и Р. имеет право на обращение к нему с требованием о компенсационной выплате.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их обоснованиями, указав, в свою очередь, на то, что спор правильно рассмотрен по тому иску, который предъявлен, и только в отношении того ответчика, который указан истцом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с существенным нарушением норм процессуального права.

В силу абзаца четвертого ст. 148 и п. 4 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ судья при подготовке дела к судебному разбирательству разрешает вопрос о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса и о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора, а также разрешает вопросы о замене ненадлежащего ответчика.

Согласно ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение только по заявленным истцом требованиям. Однако суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Абзацем вторым ч. 3 ст. 40 этого же кодекса предусмотрено, что в случае невозможности рассмотрения дела без участия соответчика или соответчиков в связи с характером спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе.

В п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» разъяснено, что разрешение при подготовке дела к судебному разбирательству вопроса о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (п. 4 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ), необходимо для правильного определения состава лиц, участвующих в деле. Невыполнение этой задачи в стадии подготовки может привести к принятию незаконного решения, поскольку разрешение вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, является существенным нарушением норм процессуального права, влекущим безусловную отмену решения суда в апелляционном и кассационном порядке (ч. 1 ст. 330, п. 4 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ).

Если при подготовке дела судья придет к выводу, что иск предъявлен не к тому лицу, которое должно отвечать по иску, он с соблюдением правил ст. 41 ГПК РФ по ходатайству ответчика может произвести замену ответчика. Такая замена производится по ходатайству или с согласия истца. После замены ненадлежащего ответчика подготовка дела проводится с самого начала. Если истец не согласен на замену ненадлежащего ответчика другим лицом, подготовка дела, а затем его рассмотрение проводятся по предъявленному иску. При предъявлении иска к части ответчиков суд не вправе по своей инициативе и без согласия истца привлекать остальных ответчиков к участию в деле в качестве соответчиков. Суд обязан разрешить дело по тому иску, который предъявлен, и только в отношении тех ответчиков, которые указаны истцом. Только в случае невозможности рассмотрения дела без участия соответчика или соответчиков в связи с характером

спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе (ч. 3 ст. 40 ГПК РФ).

Из приведенных правовых норм и акта их толкования следует, что, приняв решение о привлечении лица к участию в деле в качестве соответчика в порядке абзаца второго ч. 3 ст. 40 ГПК РФ, суд обязан рассмотреть иск не только в отношении тех ответчиков, которые указаны истцом, но и в отношении лица, привлеченного по инициативе самого суда. В противном случае, отказывая в иске к такому соответчику по мотиву непредъявления к нему исковых требований, суд лишает истца возможности в будущем подать соответствующий иск.

Поскольку суд первой инстанции данные требования закона не выполнил и отказал Р. в удовлетворении иска ко всем соответчикам, чем лишил истца права на возмещение ущерба с кого-либо из них, постановленное решение нельзя признать законным. Суд апелляционной инстанции ошибки нижестоящего суда не исправил.

Определение № 36-КГ18-9

12. Оспаривание начальной продажной цены имущества либо ее изменение возможно путем обжалования решения суда в этой части или в порядке, предусмотренном ст. 203 ГПК РФ.

К. обратилась в суд с иском к управлению Росимущества о признании недействительными результатов публичных торгов по продаже недвижимого имущества. В обоснование исковых требований истец указала, что 17 ноября 2017 г. управлением Росимущества проведены публичные торги по продаже принадлежащих ей жилого дома общей площадью 131,3 кв. м и земельного участка. Поскольку общая площадь жилого дома составляет 70 кв. м, истец полагала, что введение участвующих в торгах лиц в заблуждение указанием площади жилого дома 131,3 кв. м повлияло на результат проведения торгов и на определение цены продаваемого имущества.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения состоявшиеся судебные акты, указав следующее.

Судом установлено, что между банком и К. в обеспечение обязательств по кредитному договору заключен договор ипотеки, по условиям которого К. переданы в залог банку принадлежащие К. на праве собственности жилой дом общей площадью 70 кв. м и земельный участок.

Вступившим в законную силу решением суда с К. в пользу общества (владельца закладной) взысканы кредитная задолженность по основному долгу, проценты за пользование кредитом, неустойка и расходы на уплату государственной пошлины.

Судом обращено взыскание на предмет залога, установлена начальная продажная цена жилого дома в размере 1 702 000 руб., земельного участка – 644 000 руб., определен способ реализации недвижимого имущества в виде продажи с публичных торгов.

25 марта 2016 г. судебным приставом-исполнителем в отношении должника К. в пользу взыскателя на основании решения суда возбуждено исполнительное производство.

Согласно выписке из ЕГРН, изготовленной на основании запроса судебного пристава-исполнителя, К. на праве собственности принадлежал указанный выше жилой дом общей площадью 131,3 кв. м.

4 сентября 2017 г. судебным приставом-исполнителем вынесено постановление о передаче земельного участка и жилого дома общей площадью 131,3 кв. м на торги, а также подана заявка на проведение торгов.

14 сентября 2017 г. управлением Росимущества в службу судебных приставов направлено извещение о готовности к реализации имущества.

В связи с отсутствием заявок на участие назначенные на 19 октября 2017 г. торги по продаже жилого дома и земельного участка должника К. признаны несостоявшимися, постановлением судебного пристава-исполнителя от 20 октября 2017 г. цена указанного выше имущества снижена на 15%.

В установленном порядке опубликованы извещения о проведении 17 ноября 2017 г. торгов по продаже названного выше жилого дома площадью 131,3 кв. м и земельного участка с указанием начальной цены 1 994 100 руб.

Победителем торгов признан М., цена продажи имущества составила 2 029 100 руб.

21 ноября 2017 г. между управлением Росимущества и М. заключен договор купли-продажи арестованного имущества в виде жилого дома общей площадью 131,3 кв. м и земельного участка.

22 января 2018 г. за М. произведена государственная регистрация права собственности на данные объекты недвижимости.

В п. 71 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» разъяснено, что публичные торги могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица в течение одного года со дня их проведения,

если будет установлено, что они проведены с нарушением правил, предусмотренных законом (п. 1 ст. 449, п. 1 ст. 449[1] ГК РФ, ст. 93 Закона об исполнительном производстве).

Приведенный в п. 1 ст. 449 ГК РФ перечень оснований для признания публичных торгов недействительными не является исчерпывающим. Такими основаниями могут быть, в частности, публикация информации о проведении публичных торгов в ненадлежащем периодическом издании (с учетом объема тиража, территории распространения, доступности издания); нарушение сроков публикации и полноты информации о времени, месте и форме публичных торгов, их предмете, о существующих обременениях продаваемого имущества и порядке проведения публичных торгов, в том числе об оформлении участия в них, определении лица, выигравшего публичные торги, а также сведений о начальной цене (п. 2 ст. 448 ГК РФ); необоснованное недопущение к участию в публичных торгах; продолжение публичных торгов, несмотря на поступившее от судебного пристава-исполнителя сообщение о прекращении обращения взыскания на имущество.

Нарушения, допущенные организатором публичных торгов, признаются существенными, если с учетом конкретных обстоятельств дела судом будет установлено, что они повлияли на результаты публичных торгов (в частности, на формирование стоимости реализованного имущества и на определение победителя торгов) и привели к ущемлению прав и законных интересов истца.

Между тем каких-либо нарушений правил проведения торгов, которые в соответствии с приведенными положениями закона и разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации могли бы служить основанием для признания недействительными торгов и заключенного по их результатам договора купли-продажи, судами не установлено.

Так, обращение взыскания на принадлежащий истцу индивидуально определенный жилой дом без указания его площади произведено на основании решения суда, которым установлена начальная продажная цена этого дома.

Таким образом, оспаривание начальной продажной цены жилого дома либо ее изменение было возможно путем обжалования решения суда в этой части либо в порядке, предусмотренном ст. 203 ГПК РФ.

Из установленных судом обстоятельств следует, что заявитель с требованиями об изменении начальной продажной цены не обращалась.

Доводов о нарушении самой процедуры проведения торгов, включая передачу имущества на торги, извещение о торгах, признание первых торгов несостоявшимися, снижение вследствие этого начальной

продажной цены, определение победителя повторных торгов и т.п., К. не приведено ни в исковом заявлении, ни в объяснениях по делу.

Площадь жилого дома в извещениях о торгах и договоре купли-продажи, заключенном по результатам торгов, приведена в соответствии со сведениями ЕГРН и, соответственно, не могла быть указана иначе.

Определение № 50-КГ18-24

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

13. В случае создания должником искусственных условий для изменения территориальной подсудности дела о банкротстве посредством формальной смены регистрационного учета, не сопровождаемой фактическим переездом, для целей затруднения кредиторам реализации принадлежащих им прав на получение с должника причитающегося исполнения в процедуре несостоятельности дело о банкротстве при наличии соответствующего ходатайства подлежит передаче на рассмотрение в суд по месту постоянного или преимущественного проживания должника.

Кредиторы П. и Т. 21 мая 2018 г. опубликовали в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц сообщения о намерении обратиться в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о банкротстве главы крестьянского (фермерского) хозяйства Ч.

На следующий день (22 мая 2018 г.) Ч. обратился с заявлением о прекращении статуса главы крестьянского (фермерского) хозяйства.

После этого 23 мая 2018 г. Ч. осуществил действия по снятию с регистрационного учета по адресу в городе Москве, и в этот же день Ч. зарегистрирован по новому адресу в Ставропольском крае.

Ч. 29 мая 2018 г. был снят с регистрационного учета в качестве главы крестьянского (фермерского) хозяйства.

Ч. обратился 31 мая 2018 г. в Арбитражный суд Ставропольского края с заявлением о признании себя несостоятельным.

После возбуждения производства по делу о банкротстве должника кредитор П. заявил ходатайство о передаче дела по подсудности в Арбитражный суд города Москвы.

Определением Арбитражного суда Ставропольского края ходатайство о передаче дела на рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции названное определение отменено, в удовлетворении ходатайства отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Действительно, место регистрации гражданина в органах регистрационного учета в подавляющем большинстве случаев имеет решающее значение для определения территориальной подсудности дела о банкротстве.

Так, согласно ч. 4 ст. 38 АПК РФ, п. 1 ст. 33 Закона о банкротстве заявление о признании гражданина банкротом подается в арбитражный суд по месту его жительства.

Под местом жительства в частноправовых отношениях понимается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает (п. 1 ст. 20 ГК РФ).

При этом по смыслу абзаца второго п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве)» предполагается, что место жительства гражданина совпадает с местом его регистрационного учета (часть четвертая ст. 2 и часть вторая ст. 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»).

Однако в исключительных случаях данная презумпция может быть опровергнута, если заинтересованное лицо (например, кредитор) докажет, что содержащаяся в документах регистрационного учета информация не отражает сведения о настоящем месте жительства должника. В целях выяснения соответствующих обстоятельств во внимание в первую очередь могут приниматься факты, свидетельствующие о необычном характере поведения должника при смене регистрационного учета в период инициирования дела о несостоятельности.

Если заинтересованное лицо привело убедительные доводы и представило доказательства относительно несоответствия данных регистрационного учета должника реальному положению дел, на последнего переходит бремя подтверждения того, что изменение учетных данных обусловлено объективными причинами и связано с переездом на жительство в другой регион.

В рассматриваемом случае судом первой инстанции установлено, что непосредственно после публикации кредиторами сообщений о намерении Ч. предпринял действия по прекращению статуса главы крестьянского (фермерского) хозяйства и по смене регистрационного учета с города Москвы на Ставропольский край. Из указанных фактов, а также последующего поведения должника по подаче заявления о собственном банкротстве очевидно следует, что прекращение статуса главы крестьянского (фермерского) хозяйства было необходимо Ч. для того, чтобы получить право на обращение с заявлением о банкротстве ранее, чем такое право получат кредиторы, по подсудности, не соответствующей его месту жительства.

Совершенная Ч. в этот же период за несколько дней до подачи заявления о банкротстве смена регистрационного учета была направлена на искажение действительных данных о месте постоянного или преимущественного проживания.

Судом апелляционной инстанции не были опровергнуты сделанные, в том числе на основе показаний собственника домовладения в Ставропольском крае, выводы суда первой инстанции о том, что Ч. по адресу расположения указанного дома зарегистрировался лишь формально и после этого уехал обратно в город Москву, где фактически и проживает.

Кроме того, суд первой инстанции установил, что значительная часть имущества должника, большинство кредиторов, а также юридических лиц, с которыми Ч. связан корпоративными правоотношениями, находятся в городе Москве, то есть фактически город Москва является центром основных интересов должника, местом его деятельности и фактического проживания.

Определение № 308-ЭС18-25635

14. Положения п. 9 ст. 45 Закона о банкротстве о таком основании прекращения производства по делу о несостоятельности, как непредставление суду кандидатуры арбитражного управляющего в течение трех месяцев, не подлежат применению к отношениям, вытекающим из банкротства граждан.

По заявлению К. возбуждено производство по делу о признании его несостоятельным (банкротом).

Рассмотрение обоснованности заявления К. о его банкротстве шесть раз откладывалось судом первой инстанции с июля по октябрь 2017 года по причине непредставления предложенными должником

саморегулируемыми организациями кандидатуры финансового управляющего.

Пять саморегулируемых организаций арбитражных управляющих в ответ на запросы суда указали на то, что ни один из их членов не дал согласия на утверждение своей кандидатуры в качестве финансового управляющего в деле о банкротстве К.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, производство по делу прекращено. Суды исходили из истечения установленного законом трехмесячного срока для утверждения кандидатуры арбитражного управляющего (п. 9 ст. 45 Закона о банкротстве).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Суды не приняли во внимание, что применительно к настоящему делу право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции Российской Федерации, включает в себя не только возможность гражданина обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве, но и предполагает обеспечение со стороны государства реальных условий для использования им всего механизма потребительского банкротства.

В рассматриваемом случае суды фактически лишили К. данного права исходя из поведения иных субъектов, на которых должник не мог и не должен был влиять, – членов пяти саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, не пожелавших исполнять функции финансового управляющего за определенное законом вознаграждение. Такой поход следует признать ошибочным.

Согласно п. 1 ст. 213^9 Закона о банкротстве участие финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина является обязательным. Пункт 4 ст. 213^4 Закона о банкротстве предусматривает, что в заявлении гражданина о признании его банкротом указывается саморегулируемая организация, из числа членов которой утверждается финансовый управляющий.

Коль скоро право на потребительское банкротство закреплено в законе и оно не может быть осуществлено гражданином без участия финансового управляющего, суд обязан обеспечить условия для реализации названного права. Это означает, что в ситуации, когда неоднократные попытки гражданина, предлагающего саморегулируемые организации предусмотренным законом способом – путем подачи нескольких ходатайств с указанием известных ему организаций – не приводят к положительному результату, суд должен занять активную позицию в решении вопроса об утверждении арбитражного

управляющего, в частности с согласия гражданина, при сохранении у него интереса к дальнейшему ведению дела о банкротстве, одновременно направить запросы во все оставшиеся саморегулируемые организации.

При поступлении ответов с указанием претендентов из нескольких организаций суд утверждает арбитражного управляющего, кандидатура которого указана в ходатайстве, поступившем в суд первым, если для этого нет установленных Законом о банкротстве препятствий (п. 1 ст. 6 ГК РФ, абзац третий п. 7 ст. 45 Закона о банкротстве).

Реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих ведет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (ст. 29 Закона о банкротстве, постановление Правительства Российской Федерации Российской Федерации от 3 февраля 2005 г. № 52 «О регулирующем органе, осуществляющем контроль за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих»). Содержащиеся в упомянутом реестре сведения, в частности о месте нахождения саморегулируемых организаций, размещаются на официальном сайте службы в сети Интернет, доступны для всеобщего ознакомления без взимания платы и иных ограничений (приложения № 1 и № 4 к приказу Минэкономразвития России от 8 июля 2010 г. № 284).

Как видно из общедоступного реестра саморегулируемых организаций, в настоящее время соответствующим статусом обладают порядка пятидесяти организаций. Суд первой инстанции направил запросы только в пять из них.

Вопреки выводам суда первой инстанции, общие положения п. 9 ст. 45 Закона о банкротстве о таком основании прекращения производства по делу о несостоятельности, как непредставление суду кандидатуры арбитражного управляющего в течение трех месяцев, не подлежали применению к отношениям, вытекающим из потребительского банкротства, поскольку они противоречат смыслу и целям законодательного регулирования в этой специальной сфере. Трехмесячный срок, отведенный суду на разрешение вопроса о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом, установленный п. 5 ст. 213^6 Закона о банкротстве, носит организационный характер. Само по себе его истечение не является основанием для прекращения производства по делу.

Определение № 301-ЭС18-13818

15. Денежное требование кредитора, преобразовавшееся из требования участника долевого строительства о передаче нежилого помещения в собственность, к застройщику-банкроту обеспечивается залогом. Указанный кредитор вправе претендовать на распределение вырученных от реализации предмета залога денежных средств по правилам п. 1 ст. 201^{14} Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника К. обратилась с заявлением о включении в реестр кредиторов ее требования как обеспеченного залогом нежилого помещения.

К. обосновывала свои требования тем, что ранее она заключила с должником (застройщиком) договор участия в долевом строительстве нежилого помещения, по которому передала денежные средства, однако обязательство по передаче нежилого помещения должником исполнено не было.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование кредитора включены в четвертую очередь, в удовлетворении остальной части заявленных требований отказано. Суды отказали в признании за долгом залогового статуса, мотивируя это тем, что по смыслу статей 201^{1} и 201^{9} Закона о банкротстве у К. как приобретателя нежилого помещения отсутствует статус участника строительства для целей применения норм о банкротстве застройщика.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названые судебные акты в части отказа в удовлетворении требований, признала требование К. обеспеченным залогом по следующим основаниям.

По смыслу п. 2 ст. 2, ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) участниками долевого строительства (далее – участники строительства, дольщики) являются лица, перед которыми у застройщика возникла обязанность передать в будущем как жилые, так и нежилые помещения.

Соответственно, положения ст. 12^{1} и 13 названного закона об обеспечении исполнения обязательства застройщика перед такими лицами применяются независимо от конкретного вида (жилое или нежилое помещение) объекта долевого строительства.

В ситуации, когда застройщик начинает испытывать финансовые трудности и впадает в несостоятельность, алгоритм исполнения обязательств перед дольщиками изменяется с учетом специального

банкротного регулирования, в том числе в зависимости от того, какой вид помещения (жилое или нежилое) являлся предметом договора. Законодательством о несостоятельности (здесь и далее – в редакции, применяемой к спорным отношениям) предусмотрены определенные механизмы, в результате применения которых к дольщикам в итоге должно будет перейти право собственности на оплаченные жилые помещения (например, передача участникам строительства объекта незавершенного строительства, передача жилых помещений в уже построенном доме и т.д. – ст. 201^{10}–201^{11} Закона о банкротстве). В отношении нежилых помещений подобные законодательные механизмы не установлены. Лица, заключившие договор участия в долевом строительстве, предметом которого является передача нежилого помещения, вправе заявить о включении в реестр своего денежного требования на общих основаниях. Такое требование подлежит включению в четвертую очередь реестра (подп. 4 п. 1 ст. 201^{9} Закона о банкротстве).

Согласно позиции, сформулированной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2018 г. № 305-ЭС16-10864 (5) применительно к жилым помещениям, положения Закона № 214-ФЗ о возникновении залогового обеспечения в отношении незавершенного строительством многоквартирного дома, о правах залогодержателя на него в равной мере распространяются и на требования отказавшихся от исполнения договоров участников строительства (залогодержателей) к застройщикам о возврате внесенных денежных средств.

Поскольку покупатель, вложивший свои средства в приобретение нежилого помещения, законодательно лишен возможности требовать от застройщика неденежного исполнения имущественного характера (передать нежилые помещения), то фактически его статус совпадает с указанными выше лицами, отказавшимися от договора (наличие права заявить только денежное требование). А потому следует признать, что денежное требование такого дольщика сохраняет залоговый статус. Каких-либо законных оснований полагать, что залоговое обеспечение в банкротстве застройщика сохраняется только в отношении жилых помещений, вопреки выводам нижестоящих инстанций, не имеется. Ни ГК РФ, ни Закон № 214-ФЗ, ни Закон о банкротстве не предусматривают такое основание для прекращения права залога, возникшего в силу предписания закона, как возбуждение в отношении залогодателя дела о банкротстве. Более того, это входило бы в противоречие с существом залога как обеспечительной конструкции, устанавливаемой в первую очередь на случай неоплатности должника и главной целью которой является наделение залогодержателя приоритетом при удовлетворении своих требований из стоимости предмета залога по отношению к другим кредиторам залогодателя.

Из этого следует, что залоговый кредитор по денежному требованию, преобразовавшемуся из требования о передаче нежилого помещения, вправе претендовать на распределение вырученных от реализации предмета залога денежных средств по правилам п. 1 ст. 201^{14} Закона о банкротстве, то есть на приоритетное получение шестидесяти процентов от стоимости заложенного имущества.

Если дом введен в эксплуатацию и поскольку нежилое помещение не может быть передано покупателю в натуре, то оно включается в конкурсную массу и застройщик обязан зарегистрировать за собой право собственности на него. В таком случае право залога дольщика трансформируется далее (по сравнению с тем, как это предусмотрено ст. 13 Закона № 214-ФЗ, не рассчитанной на ситуацию банкротства), а именно: его требования становятся обеспеченными залогом не всех помещений в доме (как созалогодержателя), а лишь того помещения, которое подлежало передаче по условиям договора участия в долевом строительстве (как единоличного залогодержателя, если только на данное помещение не установлены другие залоги третьих лиц). При этом в деле о банкротстве застройщика, исходя из особенностей правового регулирования отношений по участию в долевом строительстве и положений § 7 гл. IX Закона о банкротстве, требования такого кредитора, включенные в реестр, считаются обеспеченными залогом нежилого помещения независимо от того, было ли им заявлено соответствующее требование или установил ли залоговый статус суд при включении требования в реестр, если только такой кредитор явно не выразил волю на отказ от залогового обеспечения или суд прямо не указал на отсутствие права залога в судебном акте.

Определение № 308-ЭС18-15980

16. При недостаточности имущества должника для удовлетворения кредиторов соответствующей очереди любой кредитор этой очереди признается заинтересованным лицом в целях оспаривания торгов по продаже имущества должника по общим основаниям, предусмотренным ГК РФ.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества Г., являющийся кредитором общества второй очереди, обратился в суд с заявлением о признании недействительными на основании п. 1 ст. 449 ГК РФ торгов по продаже имущества должника.

Определением суда первой инстанции заявление Г. удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции отменено, производство по заявлению Г. прекращено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Требование о признании торгов недействительными предъявлено Г. по общим основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 449 ГК РФ, а не по специальным основаниям, установленным ст. 61^2 или 61^3 Закона о банкротстве. Несмотря на то, что такое требование, как разъяснено в п. 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», подлежит разрешению в рамках дела о банкротстве, в материальном смысле правом на его предъявление обладают любые заинтересованные лица, а не только субъекты, указанные в ст. 61^9 Закона о банкротстве.

По смыслу разъяснений, данных в п. 2 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2005 г. № 101 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с признанием недействительными публичных торгов, проводимых в рамках исполнительного производства» (далее – информационное письмо № 101), интересы взыскателя, по требованию которого обращалось взыскание на имущество должника, затрагиваются при нарушении порядка проведения публичных торгов.

Г. является кредитором должника, задолженность перед которым по выплате заработной платы включена в реестр требований кредиторов. Он имеет право на погашение данной задолженности за счет выручки, полученной от реализации имущества на спорных торгах. По сути, Г. относится к числу тех лиц, в интересах которых эти торги проводились. Его правовое положение сходно с правовым положением взыскателя в исполнительном производстве, и поэтому к рассматриваемым отношениям подлежали применению разъяснения, изложенные в п. 2 информационного письма № 101.

Вывод об отсутствии у Г. как у кредитора второй очереди интереса в оспаривании торгов мог быть сделан судами лишь в ситуации, когда конкурсной массы с учетом средств, полученных по результатам торгов, хватило бы на полное погашение требований всех кредиторов одной с ним очереди удовлетворения.

Определение № 305-ЭС16-13381

17. Мораторные проценты начисляются с даты введения процедуры реструктуризации долгов в рамках дела о банкротстве гражданина, в том числе в случае отсутствия плана реструктуризации.

В рамках дела о банкротстве должника между кредитором и финансовым управляющим возникли разногласия по вопросу начисления мораторных процентов на требования кредитора за период процедуры реструктуризации.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, на финансового управляющего имуществом должника возложена обязанность выплатить кредитору мораторные проценты при условии достаточности у должника денежных средств для уплаты данных процентов.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, в удовлетворении заявления кредитора отказано. Суд исходил из того, что по смыслу п. 2 ст. 213^{19} Закона о банкротстве требования кредиторов о начислении и выплате процентов могут быть предъявлены с даты введения процедуры реструктуризации долгов гражданина только при условии утверждения арбитражным судом плана реструктуризации долгов, поскольку в указанном плане отражается расчет источников дохода, за счет которого производится удовлетворение требований кредиторов. Суд округа также отметил, что в данной ситуации не допускается применение по аналогии норм законодательства о банкротстве о последствиях введения процедуры наблюдения в отношении юридических лиц. При таких условиях суд округа отказал в начислении мораторных процентов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Общим последствием введения процедуры банкротства является установление моратория, то есть запрета на начисление неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по обязательствам должника. Для кредитора это означает, что он утрачивает право на согласованный в договоре или законодательно предусмотренный возможный прирост к имеющемуся перед ним долгу, опосредующий, как правило, ответственность за неисполнение обязательства. Вместо этого по смыслу законодательства о банкротстве данный кредитор получает право на специальные проценты, именуемые мораторными.

Главой X Закона о банкротстве, регулирующей вопросы несостоятельности граждан, предусмотрено, что мораторий наступает непосредственно после введения первой процедуры – реструктуризации (абзац четвертый п. 2 ст. 213^{11} Закона о банкротстве). При этом положения о начислении мораторных процентов содержатся только в норме о последствиях утверждения плана реструктуризации (п. 2 ст. 213^{19} Закона).

Даты введения процедуры реструктуризации и утверждения соответствующего плана (либо отказа в его утверждении и введения следующей процедуры) не совпадают, разрыв между названными датами, как правило, составляет несколько месяцев (например, ст. 213^{8}, 213^{12} и 213^{17} Закона о банкротстве).

Поскольку в отношении требования кредитора действует мораторий, из-за которого он лишается права на договорные или законные санкции и проценты, то такой кредитор не может быть лишен специальных процентов (как правило, в пониженном размере), установленных на случай моратория законодательством о банкротстве. Иное бы приводило к тому, что кредитор при неизменности собственного статуса оказывался бы в разном положении в рамках одной процедуры реструктуризации в зависимости от того, утвержден план или нет, а для должника нахождение в процедуре реструктуризации без утвержденного плана становилось бы крайне выгодным, поскольку вовсе отсутствовали бы какие-либо негативные последствия от невозврата долга.

Таким образом, толкование судом округа указанных норм Закона о банкротстве приводит к освобождению должника от ответственности, что не согласуется с требованиями добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ), нарушает баланс интересов кредиторов и должника в процедуре несостоятельности.

Определение № 304-ЭС17-2162 (2)

Применение законодательства о вещных правах, земельного и градостроительного законодательства

18. Размер обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, для собственников жилых и нежилых помещений определяется органами управления товарищества собственников жилья.

Если реорганизованному юридическому лицу (правопредшественнику) принадлежало недвижимое имущество на праве собственности, это право переходит к вновь возникшему

юридическому лицу независимо от государственной регистрации права на недвижимость и возникает с момента завершения реорганизации.

Товарищество собственников жилья (далее – ТСЖ) обратилось в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности по расходам за содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном жилом доме за период с июня 2012 г. по ноябрь 2017 г. Данная задолженность рассчитана исходя из утвержденного решением общего собрания собственников тарифа на содержание и ремонт общего имущества для жилых и нежилых помещений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что право собственности на нежилое помещение в многоквартирном жилом доме зарегистрировано за обществом в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) в августе 2017 г. Кроме того, суды сослались на отсутствие в материалах дела доказательств оказания истцом услуг по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома, в том числе первичных документов, подтверждающих факт выполнения работ на заявленную сумму.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из положений ст. 210, 249 ГК РФ, ч. 3 ст. 30, ст. 36, 37, 39, 154, 158 ЖК РФ следует, что собственник помещения в многоквартирном доме, в том числе собственник нежилого помещения, обязан нести расходы на содержание принадлежащего ему помещения, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения платы за содержание и текущий ремонт общего имущества, коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества и взносов на капитальный ремонт.

Данная обязанность возникает в силу закона и не обусловлена наличием договорных отношений собственника нежилого помещения с управляющей компанией или товариществом собственников жилья.

Указанный вывод подтвержден п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности».

Право собственности общества было оформлено им в августе 2017 г. на основании судебного решения, согласно выводам которого у общества возникло право собственности на спорное помещение в феврале 1992 г. в результате реорганизаций, а государственная регистрация права в ЕГРН в 2017 г. носила лишь правоподтверждающий характер.

Пунктом 1 ст. 8^1 и ст. 131 ГК РФ предусмотрено, что права на недвижимое имущество подлежат государственной регистрации.

В соответствии с ч. 5 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218), действующий с 1 января 2017 г., государственная регистрация права на недвижимое имущество в ЕГРН является единственным доказательством существования зарегистрированного права, которое может быть оспорено только в судебном порядке.

Аналогичная норма содержалась в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (здесь и далее – в редакции до 1 января 2017 г., далее – Закон № 122).

В силу п. 2 ст. 8^1 ГК РФ права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом.

Частью 2 ст. 69 Закона № 218, а также ч. 2 ст. 6 Закона № 122 права на объекты недвижимости, возникшие до дня вступления в силу Закона № 122, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации в ЕГРН. Государственная регистрация таких прав в ЕГРН проводится по желанию их обладателей.

Государственная регистрация прав на объекты недвижимости, указанные в чч. 1 и 2 ст. 69 Закона № 218, в ЕГРН обязательна при государственной регистрации перехода таких прав, их ограничения и обременения объектов недвижимости, установленных в чч. 1 и 2 ст. 69 Закона № 218, или совершенной после дня вступления в силу Закона № 122 сделки с указанным объектом недвижимости, если иное не установлено ГК РФ и Законом № 218 (п. 3 ст. 69 Закона № 218).

Аналогичная норма содержалась в п. 2 ст. 6 Закона № 122.

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление № 10/22) разъяснено, что граждане, юридические лица являются собственниками имущества, созданного ими для себя или приобретенного от других лиц на основании сделок об отчуждении

этого имущества, а также перешедшего по наследству или в порядке реорганизации (ст. 218 ГК РФ). В силу п. 2 ст. 8 ГК РФ права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают с момента регистрации соответствующих прав на него, если иное не установлено законом. Иной момент возникновения права определен, в частности, для случаев реорганизации юридического лица (абзац третий п. 2 ст. 218 ГК РФ). Так, если реорганизованному юридическому лицу (правопредшественнику) принадлежало недвижимое имущество на праве собственности, это право переходит к наследнику или вновь возникшему юридическому лицу независимо от государственной регистрации права на недвижимость.

Между тем в рассматриваемом деле суды не исследовали приведенные ТСЖ и обществом доводы применительно к п. 2 ст. 218, п. 5 ст. 58 ГК РФ,п. 3 ст. 153 ЖК РФ, пп. 11, 59 постановления № 10/22.

Конституционный суд в постановлении от 29 января 2018 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 181^4 и 181^5 ГК РФ и ч. 1 ст. 158 ЖК РФ в связи с жалобой гражданина С.А. Логинова» сделал вывод, что справедливое распределение необходимых расходов на содержание общего имущества многоквартирного жилого дома между собственниками жилых и нежилых помещений как участниками общей собственности согласуется с предписаниями ст. 19 Конституции Российской Федерации, которая не предполагает, с учетом ч. 1 ст. 37 ЖК РФ, произвольного определения размера платы за содержание жилого помещения и взносов на капитальный ремонт многоквартирного дома.

Правительство Российской Федерации во исполнение полномочий, возложенных на него ч. 3 ст. 39 и ч. 1.2 ст. 161 ЖК РФ, постановлением от 13 августа 2006 г. № 491 утвердило Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме (далее – Правила № 491), устанавливающие, в частности, порядок определения состава общего имущества в многоквартирном доме и исчисления размера расходов на его содержание, а постановлением от 3 апреля 2013 г. № 290 – Правила оказания услуг и выполнения работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и минимальный перечень таких услуг и работ.

Конкретная форма участия собственников помещений в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме зависит от способа управления многоквартирным домом; один из таких способов - управление товариществом собственников жилья, который выбирается на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме и может быть изменен в любое время его же решением (п. 4 ч. 2 ст. 44, чч. 2 и 3 ст. 161 ЖК РФ).

Исходя из этого Правила № 491 закрепляют обязанность собственников помещений нести бремя соответствующих расходов соразмерно их долям в праве общей собственности на это имущество в случае управления многоквартирным домом товариществом собственников жилья путем внесения обязательных платежей и взносов (п. 28); размер же обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, для собственников помещений, являющихся членами товарищества собственников жилья, а также размер платы за содержание жилого помещения для собственников помещений, не являющихся членами указанных организаций, определяются органами управления товарищества собственников жилья на основе утвержденной этими органами сметы доходов и расходов на содержание общего имущества на соответствующий год (п. 33); при этом размеры платы за содержание жилого помещения и размеры обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, должны быть соразмерны утвержденному перечню, объемам и качеству услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме (п. 35).

Таким образом, при избранном способе управления многоквартирным домом размер обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, для собственников жилых и нежилых помещений определяется органами управления товарищества собственников жилья.

Определение № 308-ЭС18-14220

19. Действия органа кадастрового учета по пересчету значений координат характерных точек границ земельного участка в связи с изменением системы координат, в которой осуществляется ведение государственного кадастра недвижимости, не могут повлечь за собой изменение фактического пространственного местоположения земельного участка, его площади, иных уникальных характеристик и не должны нарушать законные требования к порядку уточнения местоположения границ земельного участка.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными действий кадастровой палаты по внесению изменений относительно координат угловых и поворотных точек земельного участка; возложении на кадастровую палату обязанности устранить допущенные нарушения путем восстановления в государственном кадастре недвижимости (далее – ГКН) координат

угловых и поворотных точек земельного участка, имевшихся на дату его постановки на кадастровый учет в соответствии с данными кадастрового паспорта.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано.

Рассмотрев дело по правилам, установленным АПК РФ для рассмотрения дел судом первой инстанции, суд апелляционной инстанции решение суда отменил, в удовлетворении заявленных требований отказал.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды посчитали, что оспаривание обществом действий органа кадастрового учета по существу направлено на защиту прав заявителя на спорный земельный участок и имеется спор о местоположении его границ, и пришли к выводу о невозможности применения избранного обществом способа защиты и рассмотрения возникшего спора в порядке гл. 24 АПК РФ, указав, что аналогичный правовой подход сформулирован в п. 28 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты, заявление удовлетворила частично: признаны незаконными действия кадастровой палаты по внесению изменений в сведения государственного кадастра недвижимости об угловых и поворотных точках земельного участка, в остальной части дело направлено на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции по следующим основаниям**.**

Согласно ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (в редакции, действующей на момент спорных правоотношений, далее – Закон о кадастре) описание местоположения границ и площади земельного участка отнесено к уникальным характеристикам объекта недвижимости, которые позволяют идентифицировать объект недвижимости как индивидуально-определенную вещь.

Постановка на учет и снятие с учета объекта недвижимости, а также кадастровый учет в связи с изменением уникальных характеристик объекта возможны в силу ч. 2 ст. 16 Закона о кадастре,

если иное не установлено названным Законом, только по заявлению правообладателя либо по согласованию с ним.

Как установили суды при рассмотрении дела, спорный земельный участок был образован в результате раздела иного земельного участка, находящегося в аренде у общества, в результате выполнения кадастровых работ в 2011 году подготовлен межевой план. Угловые и поворотные точки образуемого земельного участка определены кадастровым инженером в действующей в тот период системе координат. Тогда же сведения о земельном участке внесены в ГКН.

Судами также установлено, что принадлежащий компании земельный участок, являющийся смежным по отношению к спорному земельному участку, был приобретен ею в собственность по договору купли-продажи, государственная регистрация права осуществлена в 2014 году.

В 2015 году из письма кадастровой палаты общество узнало об изменении угловых и поворотных точек (координат) спорного земельного участка, произведенном при кадастровом учете изменений земельного участка, принадлежащего компании.

Поскольку в силу ч. 2 ст. 16 Закона о кадастре изменение таких сведений возможно только по заявлению правообладателя либо по согласованию с ним, а общество самостоятельно такого заявления не подавало, осуществление действий по ведению кадастрового учета в отношении одного земельного участка не может являться поводом для изменения сведений, содержащихся в кадастре, в отношении другого земельного участка без соблюдения соответствующей процедуры и оснований, предусмотренных законом. Сохранение конфигурации спорного земельного участка при изменении иных его уникальных характеристик не свидетельствует о правомерности действий кадастровой палаты.

При этом судебная коллегия соглашается с доводом общества о том, что изменение системы координат в целях ведения государственного кадастра недвижимости и координат характерных точек границ земельного участка в связи с переходом на иную систему координат не может повлечь за собой изменение местоположения границ земельного участка, его площади и иных уникальных характеристик.

Учитывая, что в результате действий кадастровой палаты изменились уникальные характеристики спорного земельного участка и его местоположение по сведениям, содержащимся в кадастре недвижимости, в результате чего он частично налагается на водный объект общего пользования, что, по сути, является грубейшим нарушением требований земельного законодательства и ведения государственного кадастра недвижимости, оспариваемые обществом

действия нарушают его права, подлежащие в соответствии со ст. 13 ГК РФ в связи с этим восстановлению.

В п. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», применимом в данном случае, указано, если лицо полагает, что государственным регистратором допущены нарушения при осуществлении государственной регистрации права или сделки, оно вправе обратиться в суд с заявлением по правилам гл. 25 ГПК РФ или гл. 24 АПК РФ с учетом подведомственности дела. Судебный акт по таким делам является основанием для внесения записи в ЕГРП только в том случае, когда об этом указано в его резолютивной части. Суд вправе сделать такой вывод, если изменение ЕГРП не повлечет нарушения прав и законных интересов других лиц, а также при отсутствии спора о праве на недвижимость.

Пункт 28 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г. (далее – Обзор), содержит указание на то, что возникший спор о праве или межевой спор не может быть разрешен лишь посредством удовлетворения требования о снятии земельного участка с учета, заявленного обществом к органу кадастрового учета. В приведенном примере общество не было согласно с описанием местоположения одной из границ земельного участка, что свидетельствует о наличии по делу межевого спора, который не может быть рассмотрен в порядке гл. 24 АПК РФ и без привлечения собственника и товарищества к участию в деле в качестве ответчиков; в рассматриваемом случае действия органа кадастрового учета были признаны законными и обоснованными, а требования заявителя – как направленные на разрешение межевого спора.

По настоящему делу требование о восстановлении сведений в ГКН заявлено в совокупности с признанием незаконными действий кадастровой палаты, что не противоречит положениям гл. 24 АПК РФ и ч. 5 ст. 201 АПК РФ, предусматривающей наряду с указанием в резолютивной части о признании оспариваемых действий органа, осуществляющего публичные полномочия незаконными, принятие мер по восстановлению нарушенных прав, в том числе посредством возложения на него обязанности совершения определенных действий, принятие решений или иным образом устранения допущенных нарушений прав и законных интересов заявителя (ч. 5 ст. 201 АПК РФ). Учитывая, что это требование заявлено обществом не в связи с существующим между заявителем по делу и компанией межевым

спором, а ввиду совершения незаконных действий кадастровой палатой, применение арбитражным судом округа п. 28 Обзора является ошибочным.

Определение № 308-КГ18-6724

20. При решении вопроса о правомерности перераспределения земельных участков из земель, государственная собственность на которые не разграничена, необходимо установить наличие оснований для перераспределения, указанных в п. 1 ст. 39[28] ЗК РФ, а также отсутствие оснований для отказа в заключении соглашения о перераспределении земельных участков, перечисленных в п. 9 ст. 39[29] ЗК РФ.

Предприниматель обратилась в арбитражный суд с иском к уполномоченному органу (далее – департамент) о признании права на перераспределение земельного участка из земель, государственная собственность на которые не разграничена.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленное требование удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, по следующим основаниям.

Основания перераспределения земельных участков установлены п. 1 ст. 39[28] ЗК РФ.

Предприниматель обратилась в суд с требованием по делу, ссылаясь на подп. 2 п. 1 ст. 39[28] ЗК РФ.

Согласно указанной норме перераспределение земель и (или) земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и земельных участков, находящихся в частной собственности, допускается в целях приведения границ земельных участков в соответствие с утвержденным проектом межевания территории для исключения вклинивания, вкрапливания, изломанности границ, чересполосицы при условии, что площадь земельных участков, находящихся в частной собственности, увеличивается в результате этого перераспределения не более чем до установленных предельных максимальных размеров земельных участков.

Из этой нормы следует, что для осуществления перераспределения судам необходимо было установить наличие одновременно трех условий:

1) в результате перераспределения границы земельных участков должны приводиться в соответствие с утвержденным проектом межевания территории;

2) целью перераспределения должно служить исключение вклинивания, вкрапливания, изломанности границ, чересполосицы;

3) размер увеличившегося земельного участка не должен превышать установленные пределы.

Между тем, как следует из судебных актов по делу, суды не исследовали наличие предусмотренных в указанной норме обстоятельств, в силу которых возможно перераспределение, то есть существование вклинивания, вкрапливания, изломанности границ, чересполосицы у земельного участка, принадлежащего предпринимателю, для цели исключения которых оно должно осуществляться за счет земель, государственная собственность на которые не разграничена.

Установление оснований для перераспределения, то есть наличие предусмотренных подп. 2 п. 1 ст. 39^{28} ЗК РФ обстоятельств, являлось необходимым для решения вопроса о возможности перераспределения спорных участков.

При этом наличие проекта межевания территории, предусматривающего перераспределение спорных земельных участков, само по себе не может выступать единственным основанием для осуществления перераспределения в отсутствие предусмотренных подп. 2 п. 1 ст. 39^{28} ЗК РФ обстоятельств.

Исходя из смысла п. 9 ст. 39^{29} ЗК РФ основания для отказа в заключении соглашения о перераспределении земельных участков, предусмотренные подп. 2 - 13, в том числе в связи с наличием возможности образовать самостоятельный земельный участок (подп. 9), подлежат рассмотрению в случае, если существуют условия, указанные в п. 1 ст. 39^{28} ЗК РФ. В противном случае уполномоченный орган принимает решение об отказе на основании подп. 1 п. 9 ст. 39^{29} ЗК РФ, поскольку заявление о перераспределении земельных участков подано в случаях, не предусмотренных п. 1 ст. 39^{28} ЗК РФ.

Следовательно, для решения вопроса о правомерности перераспределения земельных участков необходимо не только установить наличие оснований для перераспределения, указанных в п. 1 ст. 39^{28} ЗК РФ, но и отсутствие оснований для отказа, перечисленных в п. 9 ст. 39^{29} ЗК РФ.

Определение № 303-ЭС18-3686

21. При разрешении межевого спора суд устанавливает фактическую и (или) юридическую границу смежных земельных участков, принимая во внимание в том числе сведения о местоположении границ таких участков и их согласовании на момент образования спорных участков.

При наличии межевого спора иск о признании отсутствующим зарегистрированного права собственности на земельный участок является ненадлежащим способом защиты права.

Предприниматель П. обратился в арбитражный суд с иском к предпринимателю Б. о признании отсутствующим права собственности на его земельный участок в части наложения границ на земельный участок П., признании границ земельного участка Б. не установленными в соответствии с требованиями законодательства, а площади декларированной и подлежащей уточнению при межевании, установлении общей межевой границы между этими земельными участками, внесении изменений в сведения государственного кадастра недвижимости о координатах поворотных точек границ земельного участка Б.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования частично удовлетворены. Суд установил (определил) общую межевую границу между спорными земельными участками. На кадастровую палату возложена обязанность по внесению изменений в сведения государственного кадастра недвижимости (далее – ГКН) о координатах поворотных точек границ земельного участка, принадлежащего Б., изменив их на координаты, приведенные в резолютивной части судебного акта. Признано отсутствующим право собственности Б. на его земельный участок в части его наложения на участок П. В остальной части в иске отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, по следующим основаниям.

Суды, рассматривая требования П., считали его целью установление границ смежных земельных участков.

Основанием для обращения в суд с требованием об установлении границ земельного участка (межевого спора) является наличие возражений относительно местоположения его границ, предметом иска – определение надлежащей границы земельного участка.

Учитывая, что у П. возникли возражения относительно местоположения границ земельного участка, принадлежащего Б. как

правообладателю смежного земельного участка, между сторонами возник межевой спор.

Как следует из ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», к основным сведениям об объекте недвижимости относятся характеристики объекта недвижимости, позволяющие определить такой объект недвижимости в качестве индивидуально-определенной вещи, а также характеристики, которые определяются и изменяются в результате образования земельных участков, уточнения местоположения границ земельных участков, строительства и реконструкции зданий, сооружений, помещений и машиномест, перепланировки помещений.

Установление судом границ земельного участка позволяет провести его окончательную индивидуализацию и поставить его на соответствующий государственный учет, создает определенность в отношениях по использованию заинтересованными лицами смежных земельных участков.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 39 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (далее - Закон о кадастре недвижимости) местоположение границ земельных участков подлежит обязательному согласованию заинтересованными лицами - правообладателями земельных участков, границы которых одновременно служат границами земельного участка, являющегося объектом кадастровых работ; местоположение границ земельных участков подлежит в установленном этим Законом порядке обязательному согласованию с заинтересованными лицами.

В силу чч. 1, 2 ст. 40 Закона о кадастре недвижимости результат согласования местоположения границ оформляется кадастровым инженером в форме акта согласования и является частью межевого плана. Местоположение границ земельного участка считается согласованным при наличии в акте согласования личных подписей всех заинтересованных лиц или их представителей.

В целях разрешения межевого спора, возникшего между сторонами по делу, следовало установить также площадь каждого из смежных земельных участков, которая как одна из его уникальных характеристик зависит от конфигурации границ соответствующего земельного участка, а изменение местоположения границ смежных земельных участков может повлечь изменение их площади.

Судам также необходимо было установить соответствие юридической и фактической границы земельных участков, оценить наличие несовпадения закрепленным в государственном кадастре недвижимости сведениям об их местоположении фактическому, существующему на местности нахождению границ, выявить его причину.

Как следует из принятых по делу судебных актов, Б. при рассмотрении дела указывал, что юридическая граница между спорными участками была согласована прежними его собственниками в 2004 году и с тех пор не изменялась, уточнение местоположения границ его участка не повлекло изменения их площади и конфигурации.

Б. при этом полагал, что фактическая граница между участками изменилась в связи с возведением предпринимателем П. постройки, права на которую не зарегистрированы, и забора.

Поскольку по состоянию на 2004 год имеются сведения о надлежащем согласовании границ участков (в том числе по тыльной и фасадной линиям) между предыдущими владельцами, Б. полагает необходимым привлечь к участию в деле прежних владельцев для выяснения местоположения границ земельных участков до приобретения их сторонами. По таким же основаниям полагает необходимым привлечь к участию в деле администрацию муниципального образования.

О возможности и необходимости участия в спорном деле прежних собственников земельных участков в целях надлежащего рассмотрения межевого спора указано в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 6002/13.

Таким образом, выводы судов об установлении границ спорных земельных участков, основанных прежде всего на результатах экспертизы, но без оценки всех необходимых обстоятельств и исследования документов, связанных с установлением и изменением границ земельных участков, собственниками которых стороны стали уже после их формирования и постановки на кадастровый учет, нельзя признать обоснованными.

Кроме того, судами удовлетворено требование о признании отсутствующим права собственности Б. на его земельный участок в части наложения его на земельный участок П., признав уменьшение принадлежащего ему земельного участка на эту площадь.

Между тем в п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 указано, что оспаривание зарегистрированного права на недвижимое имущество осуществляется путем предъявления исков, решения по которым являются основанием для внесения записи в ЕГРП. В частности если в резолютивной части судебного акта решен вопрос о наличии или отсутствии права либо обременения недвижимого имущества, о возврате имущества во владение его собственника, о применении последствий недействительности сделки в виде возврата недвижимого имущества

одной из сторон сделки, то такие решения являются основанием для внесения записи в ЕГРП.

Правовых оснований для удовлетворения этого требования, резолютивная часть по которому является основанием для внесения записи в реестр недвижимости и влечет, по сути, изменение объема имущественных прав ответчика, а также обоснования признания его надлежащим способом защиты прав истца в спорной ситуации по делу, судами не приведено.

Определение № 308-ЭС18-10260

23. Если сведения о земельном участке, внесенные в государственный кадастр недвижимости, не носят временного характера, то такой земельный участок может быть снят с кадастрового учета только вследствие его преобразования или в случаях, прямо предусмотренных законом.

Администрация муниципального образования (далее – администрация) постановлением от 2 июня 2016 г. № 111 (далее – постановление № 111) утвердила проект планировки территории и проект межевания территории, расположенной в границах кадастрового квартала.

На основании указанного проекта в результате проведения кадастровых работ было сформировано 592 земельных участка, осуществлен их государственный кадастровый учет и регистрация права муниципальной собственности.

Впоследствии, по результатам проведенных публичных слушаний, администрация постановлением от 28 декабря 2016 г. № 335 утвердила новую документацию по планировке территории (проект планировки территории и проект межевания территории), расположенной в границах того же кадастрового квартала.

Администрация, ссылаясь на признание утратившим силу постановления № 111, послужившего основанием для государственного кадастрового учета 592 земельных участков, и отсутствие в связи с этим оснований для сохранения государственной регистрации права на земельные участки, измененные новым проектом планировки территории, а также на то, что заявительный порядок об аннулировании сведений об учтенных и зарегистрированных участках Федеральным законом от 3 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218-ФЗ) не предусмотрен, обратилась в арбитражный суд с заявлением к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в субъекте

Российской Федерации (далее – управление Росреестра, регистратор) об исключении сведений из ЕГРН.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной и арбитражного суда округа, требования администрации удовлетворены. На управление Росреестра возложена обязанность исключить из ЕГРН сведения о спорных земельных участках.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, в удовлетворении заявленных требований отказала по следующим основаниям.

Установленных в законе оснований для снятия земельных участков с кадастрового учета в спорной по делу ситуации не имеется, а в отсутствие таковых суд не может принимать решение о снятии земельных участков с кадастрового учета. Отмена указанного ненормативного акта администрации не может создавать основания для снятия с кадастрового учета ранее поставленных на учет в соответствии с требованиями закона земельных участков.

На недопустимость снятия с кадастрового учета земельного участка в случаях, не предусмотренных действующим законодательством, указано также в п. 21 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г. (далее – Обзор), согласно которому, если сведения о земельном участке, внесенные в государственный кадастр недвижимости, не носят временного характера, то такой земельный участок может быть снят с кадастрового учета только вследствие его преобразования или в случае, прямо предусмотренном законом.

В настоящем случае процедура преобразования «учтенных» в ЕГРН земельных участков не осуществлялась.

Снятие с кадастрового учета объекта недвижимости может явиться следствием признания незаконными действий регистратора при осуществлении кадастрового учета объектов недвижимости в соответствии с абзацами вторым и третьим п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

Однако администрация к управлению Росреестра ранее по вопросу снятия земельных участков с кадастрового учета не обращалась, его акты или действия не оспаривает. В ситуации, когда со стороны регистратора отсутствует факт совершения действий (бездействия) по осуществлению государственного кадастрового учета и такие действия

(бездействие) не являлись предметом рассмотрения судов, возложение на управление Росреестра, в отношении которого не доказан факт нарушения прав администрации, обязанности по снятию с кадастрового учета земельных участков противоречит нормам процессуального законодательства и приводит к нарушению баланса прав и законных интересов сторон.

Таким образом, поскольку приведенные администрацией обстоятельства не предусмотрены действующим законодательством в качестве основания для исключения из ЕГРН сведений о поставленных на кадастровый учет земельных участках, выводы судов о необходимости возложения на управление Росреестра соответствующей обязанности по исключению из ЕГРН сведений о земельных участках нельзя признать обоснованными, как противоречащие вышеприведенным положениям закона и правовой позиции, изложенной в п. 21 Обзора.

Кроме того, судебная коллегия считает, что выводы судов об отсутствии у администрации иных способов защиты нарушенного права, иначе, чем с использованием механизма судебной защиты сделаны без учета того, что заключение кадастрового инженера, положенное в основу обращения администрации об исключении из ЕГРН сведений о 323 земельных участках, в связи с отсутствием возможности осуществления кадастровых работ по образованию земельных участков в соответствии с новой документацией по планировке территории не содержит вывода о принципиальной невозможности осуществления соответствующих кадастровых работ, а лишь свидетельствует о необходимости изменения вида разрешенного использования части исходных земельных участков.

Доказательств, свидетельствующих о наличии объективных препятствий к реализации администрацией прав собственника на преобразование земельных участков в установленном действующим законодательством порядке, администрацией в материалы дела не представлено.

Поскольку у регистратора отсутствуют законные основания для снятия с кадастрового учета спорных земельных участков, а их собственник не лишен возможности совершения предусмотренных законом действий по преобразованию земельных участков, судебная коллегия полагает, что оснований для удовлетворения требования администрации не имелось.

Определение № 306-КГ18-16823

24. Ничтожным является договор аренды, заключенный органом муниципального образования в отношении земельного участка водного фонда, в границах которого находятся водные объекты, отнесенные к федеральной собственности.

Прокурор обратился в арбитражный суд с иском к администрации муниципального образования и обществу о признании недействительной (ничтожной) сделкой договора аренды земельных участков водного фонда, в границах которых находятся водные объекты, отнесенные к федеральной собственности, и о понуждении к освобождению земельных участков и расположенных на них водных объектов.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, по следующим основаниям.

Согласно п. 3 ст. 129 ГК РФ земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах.

Согласно ч. 1 ст. 8 ВК РФ водные объекты находятся в собственности Российской Федерации (федеральной собственности), за исключением случаев, установленных ч. 2 ст. 8 ВК РФ.

Пруд, обводненный карьер, расположенные в границах земельного участка, принадлежащего на праве собственности субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, физическому лицу, юридическому лицу, находятся соответственно в собственности субъекта Российской Федерации, муниципального образования, физического лица, юридического лица, если иное не установлено федеральными законами (ч. 2 ст. 8 ВК РФ).

Таким образом, исходя из системного толкования приведенных положений ст. 1, 5, 8 ВК РФ в собственности субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических и юридических лиц могут находиться только пруды (состоящие из поверхностных вод и покрытых ими земель в пределах береговой линии), обладающие признаками изолированности и обособленности от других поверхностных водных объектов, то есть не имеющие гидравлической связи с иными водными объектами.

Если пруд не обособлен и не изолирован от других поверхностных водных объектов и имеет с ними гидравлическую связь, он относится к собственности Российской Федерации, в том числе в случае, когда пруд

образован на водотоке (реке, ручье, канале) с помощью водонапорного сооружения.

В силу п. 1 ст.102 ЗК РФ к землям водного фонда относятся земли: 1) покрытые поверхностными водами, сосредоточенными в водных объектах; 2) занятые гидротехническими и иными сооружениями, расположенными на водных объектах.

На землях, покрытых поверхностными водами, не осуществляется образование земельных участков (п. 2 ст. 102 ЗК РФ).

Из приведенных норм права следует, что пруды состоят из поверхностных вод и покрытых ими земель в пределах береговой линии, поэтому если водный объект относится к федеральной собственности, то его составная часть – покрытая поверхностными водами земля в пределах береговой линии – также является федеральной собственностью.

При этом земельный участок как объект земельных отношений не формируется и в этом качестве не может быть предоставлен в аренду. В пользование предоставляется водный объект на основании договора водопользования или решения о предоставлении водного объекта в пользование (ст. 11 ВК РФ).

Следовательно, если орган местного самоуправления, уполномоченный на распоряжение землями, государственная собственность на которые не разграничена, предоставил в аренду хозяйствующему субъекту земельный участок земель водного фонда, покрытый поверхностными водами пруда, находящегося в федеральной собственности, такая сделка является недействительной (ничтожной) в силу ст. 168 ГК РФ, поскольку противоречит требованиям ст. 1, 5, 8 ВК РФ, ст. 102 ЗК РФ.

Определение № 301-ЭС18-10194

25. Добросовестный арендатор земельного участка, предназначенного для ведения сельскохозяйственного производства, имеет право на заключение договора аренды на новый срок без проведения торгов в соответствии с условиями, закрепленными подп. 31 п. 2 ст. 39^6 ЗК РФ. В этом случае опубликования извещения о предоставлении земельного участка не требуется.

Администрацией муниципального образования (арендодатель; далее – администрация) и главой КФХ (арендатор) в марте 2016 г. заключен договор аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения с видом разрешенного использования «для сельскохозяйственных угодий (пашни, огороды)» (далее – договор

аренды) на основании заявления В. о предоставлении земельного участка без проведения торгов

Согласно условиям договора срок его действия – 11 месяцев с даты заключения; если арендатор будет иметь намерение заключить договор на новый срок, то он обязан уведомить об этом арендодателя не менее чем за один месяц до окончания действия договора; если ни одна из сторон после истечения срока действия договора не заявит о его расторжении, то договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок.

Федеральным законом от 3 июля 2016 № 334-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в абзац четвертый п. 2 ст. 3.3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» были внесены изменения, согласно которым предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органом местного самоуправления муниципального района в отношении земельных участков, расположенных на территории сельского поселения, входящего в состав этого муниципального района.

В связи с передачей полномочий Комитет по управлению муниципальным имуществом муниципального образования (далее – комитет) от имени муниципального образования и глава КФХ в феврале 2017 г. заключили дополнительное соглашение к договору аренды, которым установили иной размер арендной платы и продлили срок действия договора на пять лет до марта 2021 г.

Полагая, что названные сделки были совершены администрацией, комитетом и главой КФХ с нарушением требований ЗК РФ и Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», прокурор на основании ч. 1 ст. 52 АПК РФ обратился в суд с иском о признании недействительным договора аренды и о применении последствий недействительности сделки.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Суды исходили из того, что спорный земельный участок подлежал предоставлению в аренду только на торгах.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Подпунктом 31 п. 2 ст. 39^6 ЗК РФ в редакции, действовавшей до 15 июля 2016 г., предусмотрено, что без проведения торгов допускается заключение договора аренды земельного участка, предназначенного для

ведения сельскохозяйственного производства, арендатору, который надлежащим образом использовал такой земельный участок, при условии, что заявление о заключении нового договора аренды такого земельного участка подано этим арендатором до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды такого земельного участка.

Данным подпунктом в редакции, действующей после 15 июля 2016 г., установлено, что без проведения торгов допускается заключение договора аренды земельного участка, предназначенного для ведения сельскохозяйственного производства, с арендатором, в отношении которого у уполномоченного органа отсутствует информация о выявленных в рамках государственного земельного надзора и неустраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании такого земельного участка, при условии, что заявление о заключении нового договора аренды такого земельного участка подано этим арендатором до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды такого земельного участка.

Исходя из буквального толкования названной нормы права в приведенных редакциях данный способ предоставления земельного участка без торгов обусловлен наличием ранее заключенного договора аренды этого земельного участка; такое право законодатель предоставил арендаторам, надлежащим образом использующим земельный участок для ведения сельскохозяйственного производства; заявление о заключении нового договора аренды должно быть подано арендатором в соответствующий орган местного самоуправления до дня истечения срока действия ранее заключенного договора; возможность заключения договора аренды на новый срок распространяется не только на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, но и на все земельные участки, предназначенные для ведения сельскохозяйственного производства независимо от категории земель в соответствии с установленными видами разрешенного использования; в случае если при использовании земельного участка были выявлены в рамках государственного земельного надзора нарушения, они должны быть устранены к моменту обращения заявителя за заключением договора аренды земельного участка, соответствующая информация должна иметься у уполномоченных органов.

Правила составления заявления и перечень документов, которые заявителю необходимо приложить к нему, урегулированы ст. 39^{17} ЗК РФ, согласно п. 5 которой в срок не более чем тридцать дней со дня поступления заявления о предоставлении земельного участка уполномоченный орган рассматривает поступившее заявление, проверяет наличие или отсутствие оснований, предусмотренных ст. 39^{16}

ЗК РФ, и по результатам указанных рассмотрения и проверки совершает соответствующие действия, предусмотренные названным пунктом.

В данном случае опубликования извещения о предоставлении земельного участка не требуется.

При рассмотрении дела судами трех инстанций стороны сделки поясняли, что глава КФХ использовал спорный земельный участок на протяжении 10 лет по договорам аренды, заключаемым ежегодно, начиная с 2006 года, для ведения деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, проводил необходимые сельскохозяйственные работы по возделыванию и обработке земельного участка, посев и сбор урожая.

Администрация в отзыве также пояснила, глава КФХ направил арендодателю заявление о заключении договора аренды на новый срок.

Между тем суды не применили подп. 31 п. 2 ст. 39^6 ЗК РФ, в нарушение ст. 71 АПК РФ не исследовали и не оценили доводы сторон договоров аренды, имеющих отношение к предмету спора.

Определение № 302-ЭС18-22715

26. Если уполномоченный орган выдал разрешение на строительство, но впоследствии установил, что оно выдано в противоречие с действующим законодательством на момент его выдачи, то прекращение действия такого разрешения на строительство является правомерным.

В декабре 2016 г. уполномоченный орган (далее – служба) выдал обществу разрешение на строительство, из которого следует, что на земельном участке разрешено строительство многоквартирного жилого дома.

Получив вынесенное по результатам проверки в марте 2017 г. представление заместителя прокурора и согласившись с мотивами, изложенными в нем, служба, руководствуясь ст. 51 ГрК РФ, в апреле 2017 г. решила прекратить действие выданного ею ранее обществу разрешения на строительство от декабря 2016 г. При этом служба посчитала, что при выдаче разрешения ею не учтено, что земельный участок предполагаемого строительства расположен в 150-метровой защитной зоне ансамбля, который является памятником истории и культуры и включен в Государственный список недвижимых памятников градостроительства и архитектуры местного значения.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к службе о признании недействительным решения о прекращении действия разрешения на строительство.

Решением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении заявления общества отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, оспариваемое решение службы признано незаконным. Суды исходили только из отсутствия у службы оснований, предусмотренных ч. 21^1 ст. 51 ГрК РФ, для прекращения действия разрешения на строительство.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 34^1 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об объектах культурного наследия) защитными зонами объектов культурного наследия являются территории, которые прилегают к включенным в реестр памятникам и ансамблям (за исключением указанных в п. 2 ст. 34^1 Закона об объектах культурного наследия объектов культурного наследия) и в границах которых в целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия и композиционно-видовых связей (панорам) запрещаются строительство объектов капитального строительства и их реконструкция, связанная с изменением их параметров (высоты, количества этажей, площади), за исключением строительства и реконструкции линейных объектов.

Согласно пп. 3, 6 ст. 34^1 Закона об объектах культурного наследия, введенной в действие с 3 октября 2016 г., в границах защитных зон объектов культурного наследия запрещаются строительство и реконструкция капитальных объектов. Для ансамблей их граница располагается на расстоянии 150 м от внешних границ объекта. Защитная зона объекта культурного наследия прекращает существование со дня утверждения в установленном порядке проекта зон охраны такого объекта культурного наследия.

В силу ч. 1 ст. 48 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» муниципальные правовые акты могут быть отменены или их действие может быть приостановлено органами местного самоуправления или должностными лицами местного самоуправления, принявшими (издавшими) соответствующий муниципальный правовой акт.

Исходя из содержания указанной нормы, орган местного самоуправления вправе в порядке самоконтроля отменить ранее принятый им правовой акт в случае выявления его противоречия закону.

Таким образом, суды должны проверить законность и обоснованность разрешения на строительство исходя из действующих на момент его выдачи нормативно-правовых актов.

Определение № 307-КГ18-21642

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

27. Если обязательство по оплате потребления энергетических ресурсов было исполнено до момента вынесения решения судом о взыскании законной неустойки за просрочку его исполнения, размер ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации для расчета подлежащей взысканию неустойки определяется на день фактической оплаты основного долга.

Компания (исполнитель) обратилась в арбитражный суд с иском к обществу (заказчик) о взыскании законной неустойки, начисленной в связи с нарушением обществом установленных пунктом 15(3) Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861, и договором порядка и сроков оплаты оказанных услуг.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены частично. При исчислении неустойки суд применил учетную ставку банковского процента, действующую на дату вынесения решения.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, исковые требования удовлетворены в полном объеме.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

При вынесении постановления суд апелляционной инстанции не учел правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации о невозможности начисления неустойки на авансовые платежи, если это прямо не предусмотрено договором (определения Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2018 г. № 305-ЭС18-151 и от 29 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-11668).

При этом суд первой инстанции неверно определил ставку расчета пени.

Согласно разъяснениям, изложенным в ответе на вопрос 3 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016),

утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 октября 2016 г., законная неустойка подлежит взысканию по ключевой ставке Центрального банка Российской Федерации, действовавшей на дату вынесения резолютивной части решения.

Между тем разъяснения, изложенные в ответах на вопросы 1 и 3 названного Обзора, распространяются исключительно на случаи, когда основной долг не погашен.

В п. 2 ст. 26, пп. 1 и 2 ст. 37 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» предусмотрено, что пени уплачиваются в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации (ключевой ставки), действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки. Отсутствие в названных нормах указания, с днем фактической оплаты чего – долга или пеней – связывается ключевая ставка Банка России, допускает возможность их различного толкования. Вместе с тем с учетом акцессорного характера неустойки и ее зависимости от уплаты основной задолженности положения Закона об электроэнергетике об ответственности потребителей за несвоевременное внесение платежей подлежат истолкованию как предусматривающие определение размера ставки рефинансирования (ключевой ставки) на день фактической оплаты задолженности, а не неустойки.

Поскольку в настоящем деле долг фактически был оплачен в ноябре и декабре 2017 года, при расчете неустойки подлежит применению ключевая ставка Центрального банка Российской Федерации, действовавшая на день фактической оплаты долга.

Определение № 305-ЭС18-20107

28. Лицо, участвовавшее в переговорах от имени должника и умышленно представившее кредитору ложную информацию об имущественном состоянии должника, обязано возместить причиненный кредитору вред.

Решением единственного участника общества Е. одобрено заключение двух кредитных договоров с банком на 550 000 000 рублей.

Банком и обществом заключен договор о предоставлении кредитной линии в размере 500 000 000 рублей, денежные средства обществу предоставлены.

В период заключения договора с банком и получения заемных средств обязанности генерального директора и главного бухгалтера общества исполняли А. и Я., которые представляли банку

бухгалтерскую документацию, свидетельствующую о наличии у общества значительных (по сумме превышающих сумму займа) оборотных активов в виде запасов, а также дебиторской задолженности обществ Б. и Р.

Общество частично осуществило возврат заемных средств.

Впоследствии на основании судебного решения общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении его введена процедура конкурсного производства сроком на шесть месяцев. Установлено, что у должника имеется задолженность перед обществами Б. и Р., которые были включены в реестр требований кредиторов.

Требования банка также были включены в реестр требований кредиторов должника.

Конкурсное производство в отношении общества завершено; требования банка не удовлетворены.

В ЕГРЮЛ внесена запись о прекращении деятельности общества в связи с ликвидацией.

Банк, ссылаясь на положения ст. 15 ГК РФ, ст. 10, 61^2, 61^3 Закона о банкротстве, обратился в суд с исковым заявлением о привлечении А., Е. и Я. в солидарном порядке к субсидиарной ответственности по обязательствам общества: о взыскании задолженности по договору о предоставлении кредитной линии.

Банк в обоснование требований о привлечении А., Е. и Я. к ответственности указывал на то, что действия единственного участника и директоров общества были направлены на необоснованное получение обществом кредита, который заемщик заведомо не намеревался возвращать, в результате чего банк понес убытки в размере невозвращенной части кредита и неуплаченных процентов за пользование заемными денежными средствами.

В подтверждение доводов банк представил суду документы, полученные в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества, свидетельствовавшие с очевидностью о том, что информация, изложенная в представленной должником бухгалтерской документации, не соответствовала действительности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают, в частности, вследствие причинения вреда другому лицу.

Факт наличия права требования к одному лицу не может сам по себе освобождать от ответственности другое лицо (другие лица) за тот же вред.

Банком в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества было заявлено требование, вытекающее из договора кредита, которое не удовлетворено, что не лишает его права на обращение с требованием о возмещении убытков в порядке ст. 1064 ГК РФ к лицам, причинившим своими действиями такой вред.

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что, если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со статьей 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора (абзац второй). По смыслу части 1 статьи 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования (абзац третий).

Таким образом, арбитражный суд не связан правовой квалификацией истцом заявленных требований (спорных правоотношений), а должен рассматривать иск исходя из предмета и оснований (фактических обстоятельств), определяя по своей инициативе круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, проверке и установлению по делу, а также решить, какие именно нормы права подлежат применению в конкретном спорном правоотношении.

Отказ в иске в связи с ошибочной квалификацией недопустим, поскольку не обеспечивает разрешение спора, определенность в отношениях сторон, соблюдение баланса их интересов, не способствует максимально эффективной защите прав и интересов лиц, участвующих в деле.

В силу п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу

юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Для целей возмещения убытков по смыслу ст. 1064 ГК РФ необходимо наличие убытков у потерпевшего лица, противоправности действий причинителя и причинно-следственной связи между данными фактами. При этом противоправное поведение (в частности, умышленный обман контрагента) лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, или иного представителя, повлекшее причинение вреда третьим лицам, может рассматриваться в качестве самостоятельного состава деликта.

Вместе с тем для установления неправомерности действий ответчиков необходимо исследование обстоятельств, при которых банку предоставлялась информация о состоянии активов общества и умысла А., Е. и Я. в представлении недостоверной информации.

Кроме того, при разрешении требований банка суду надлежит проверить, являлись ли осмотрительными действия самого истца при выдаче кредита и осуществлении им экспертизы сведений, представленных ответчиками (п. 2 ст. 1083 ГК РФ).

Отказывая в удовлетворении требований, суды в качестве одного из оснований сослались на отсутствие доказательств оспаривания сделки в порядке, предусмотренном ст. 178, 179 ГК РФ.

Однако о факте представления недостоверной информации банк узнал при рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве) общества, в связи с чем оспаривание сделки не могло бы привести к восстановлению предполагаемо нарушенных прав истца и не явилось бы более эффективным способом защиты, чем предъявление настоящего требования.

Определение № 305-ЭС18-15540

29. Осуществление лицом, причинившим вред окружающей среде, рекультивационных мероприятий, которые в полной мере не привели к восстановлению окружающей среды до состояния, существовавшего до причинения вреда, не освобождает данное лицо от возмещения вреда в полном объеме. При определении размера возмещения оставшейся части в денежной форме подлежат учету добросовестно понесенные, обоснованные и разумные затраты причинителя вреда по устранению загрязнения окружающей среды.

Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений субъекта Российской Федерации (далее – Природнадзор) обратилась в

арбитражный суд с иском к обществу о взыскании денежных средств в возмещение вреда, причиненного лесам, вследствие нарушения лесного законодательства.

Не оспаривая факт причинения вреда, а также размер ущерба, общество указывало на то, что произвело комплекс работ по рекультивации загрязненного участка, направленных на полное восстановление нарушенного состояния окружающей среды.

Решением суда первой инстанции требование удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение отменено, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды пришли к выводу о том, что одной из форм возмещения вреда является выполнение восстановительных работ в натуре, в связи с чем взыскание денежной суммы уже возмещенного окружающей среде вреда не предусмотрено законом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 1064 ГК РФ и ст. 77 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) привлечение к имущественной ответственности возможно при представлении истцом доказательств, подтверждающих наличие вреда, обосновывающих с разумной степенью достоверности его размер и причинно-следственную связь между действиями (бездействием) ответчика и причиненным вредом.

Частью 1 ст. 77 Закона об охране окружающей среды установлена обязанность полного возмещения вреда юридическими и физическими лицами, причинившими вред окружающей среде в соответствии с законодательством.

Часть 1 ст. 78 Закона об охране окружающей среды, которая определяет порядок компенсации причиненного окружающей среде вреда, устанавливает правила исчисления размера вреда окружающей среде, причиненного юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, который определяется в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии – исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

При этом ч. 2 ст. 78 Закона об охране окружающей среды содержит указание на то, что решением суда или арбитражного суда с целью возмещения вреда окружающей среде на ответчика может быть возложена обязанность по восстановлению нарушенного состояния

окружающей среды за счет его средств в соответствии с проектом восстановительных работ.

Целью ответственности за причинение вреда окружающей среде является достижение компенсации, восстановления ее нарушенного состояния, в связи с чем истец вправе выбрать способы, предусмотренные ст. 1082 ГК РФ, ст. 78 Закона об охране окружающей среды при обращении за судебной защитой, а суд с учетом конкретных обстоятельств по делу, оценивая в каждом случае эффективность этих способов, применить тот, который наиболее соответствует этим целям.

Согласно пп. 13 и 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды (ст. 1082 ГК РФ, ст. 78 Закона об охране окружающей среды). При этом выбор способа возмещения причиненного вреда при обращении в суд осуществляет истец. Вместе с тем, принимая во внимание необходимость эффективных мер, направленных на восстановление состояния окружающей среды, в котором она находилась до причинения вреда, наличие публичного интереса в благоприятном состоянии окружающей среды, суд с учетом позиции лиц, участвующих в деле, и конкретных обстоятельств дела вправе применить такой способ возмещения вреда, который наиболее соответствует целям и задачам природоохранного законодательства.

В случае если восстановление состояния окружающей среды, существовавшее до причинения вреда, в результате проведения восстановительных работ возможно лишь частично (в том числе в силу наличия невосполнимых и (или) трудновосполнимых экологических потерь), возмещение вреда в соответствующей оставшейся части осуществляется в денежной форме.

Таким образом, возмещение вреда, причиненного окружающей среде, возможно как в денежной форме посредством взыскания исчисленной по правилам ч. 1 ст. 78 Закона об охране окружающей среды суммы убытков, так и в виде выполнения мероприятий по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды.

Однако проект восстановительных работ не может быть произвольным, разработанным и выполненным причинителем вреда без согласования с соответствующим органом по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды с определением обоснованности, необходимости и разумности данных мероприятий.

Судами первой и апелляционной инстанций по настоящему делу были проведены судебные экспертизы, из заключений экспертов следует, что обществом проведен ряд рекультивационных работ.

При этом проведение только одной рекультивации не является способом полного возмещения причиненного экологического вреда, а является лишь средством устранения препятствий к воссозданию экологической системы.

Между тем суд первой инстанции, удовлетворяя иск полностью, не учел добросовестно понесенные обоснованные и разумные затраты общества по восстановлению земельного участка. Суды апелляционной и кассационной инстанций, отказывая в иске полностью, не определили обоснованность и разумность затрат общества на восстановление спорного земельного участка, а также соотношение данных затрат и заявленных Природнадзором убыткоы и с учетом этого возможность и обоснованность возложения на общество обязанности возместить ущерб сверх, понесенных обществом затрат.

Кроме того, суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа не проверили доводы Природнадзора о том, что осуществление мер по рекультивации нарушенного земельного участка преимущественно направлено на поверхностное устранение возникших в результате нарушения негативных последствий; реальная стоимость работ по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды может значительно превышать стоимость работ по рекультивации нарушенных земель. При определении полного экологического вреда учету подлежат не только затраты на восстановление нарушенной природной среды, но и экологические потери, которые в силу своих особенностей невосполнимы и (или) трудновосполнимы.

Определение № 304-ЭС18-11722

Практика применения законодательства о защите конкуренции

30. Ограничения, установленные постановлением Правительства РФ от 5 февраля 2015 г. № 102 «Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд», распространяются как на договоры купли-продажи товаров, в отношении которых устанавливается ограничение допуска, так и на смешанные договоры, содержащие элементы договора купли-продажи таких товаров.

Общество обратилось в антимонопольный орган с заявлением о нарушении заказчиком оформления аукционной документации. По мнению общества, установленные в документации ограничения допуска отдельных видов медицинских изделий, описание объекта закупки, положения проекта контракта нарушают положения Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работу, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ).

Решением антимонопольного органа заявление общества признано необоснованным.

Не согласившись с решением антимонопольного органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды установили, что предметом проводимой закупки является поставка слуховых аппаратов, требования к которым установлены в техническом задании, а также оказание услуг по слуховому протезированию, в связи с чем сочли, что контракт, заключаемый по результатам проводимой закупки, является смешанным договором, в котором присутствуют элементы договора возмездного оказания услуг и договора поставки.

При этом суды отметили, что аукционная документация заказчика правомерно не содержит ссылок на постановление Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2015 г. № 102 «Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – постановление Правительства № 102), поскольку ограничения, установленные данным постановлением, распространяются исключительно на поставку медицинских изделий, а не на оказание услуг.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 59 Закона № 44-ФЗ под аукционом в электронной форме (электронным аукционом) понимается аукцион, при котором информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе извещения о проведении такого аукциона и документации о нем, к участникам закупки предъявляются единые

требования и дополнительные требования, проведение такого аукциона обеспечивается на электронной площадке ее оператором.

В силу п. 4 ст. 42 Закона № 44-ФЗ в извещении об осуществлении закупки должна содержаться, если иное не предусмотрено Законом № 44-ФЗ, в том числе информация об ограничении участия в определении поставщика (подрядчика, исполнителя).

Согласно п. 7 ч. 5 ст. 63 Закона № 44-ФЗ в извещении о проведении электронного аукциона наряду с информацией, указанной в ст. 42 Закона № 44-ФЗ, обозначаются условия, запреты и ограничения допуска товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами.

В целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты внутреннего рынка Российской Федерации, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей Правительством Российской Федерации устанавливаются запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, и ограничения допуска указанных товаров, работ, услуг для целей осуществления закупок. Определение страны происхождения указанных товаров осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 14 Закона № 44-ФЗ).

Постановлением Правительства № 102 утвержден Перечень отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, в отношении которых устанавливается ограничение допуска для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – перечень).

К таким медицинским изделиям, согласно перечню постановления Правительства № 102 (в редакции, действующей в период проведения аукциона), относятся слуховые аппараты неимплантируемые с кодом ОКПД 26.60.14.120 по вступившему в силу ОК 034-2014, закупаемые заказчиком в рамках спорной закупки.

Суды, исходя из буквального содержания документации об аукционе и проекта контракта, правомерно установили, что предметом закупки в данном случае являются именно закупка товаров (медицинских изделий) и закупка услуг (слуховое протезирование), а проект контракта как неотъемлемая часть документации об аукционе не является договором оказания услуг, но относится к смешанному договору, содержащему элементы договора купли-продажи товара и возмездного оказания услуг.

В связи с тем, что в рассматриваемом случае в рамках приобретения услуг по слуховому протезированию заказчиком также

планировалось осуществить в том числе и закупку медицинских изделий, извещение об аукционе и аукционная документация, в соответствии с требованиями Закона № 44-ФЗ (п. 7 ч. 5 ст. 63), должны были отражать условия, запреты и ограничения допуска товаров, происходящих из иностранного государства, предусмотренные постановлением Правительства № 102.

Определение № 309-КГ18-16754

Практика применения законодательства о налогах и сборах

31. Размер штрафных санкций за совершение налогового правонарушения не может быть снижен до нуля рублей при наличии смягчающих ответственность обстоятельств, поскольку это будет означать освобождение лица от ответственности за совершение налогового правонарушения.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о привлечении общества к налоговой ответственности, в результате которого обществу начислена недоимка по НДС и по налогу на прибыль, штраф за неполную уплату налогов, а также штраф за неправомерное неперечисление в установленный срок налога на доходы физических лиц.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным (с учетом смягчающих ответственность обстоятельств).

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано. Суд пришел к выводу, что общество, имея возможность по своевременному перечислению в бюджет денежных средств, удержанных в счет уплаты НДФЛ за наемных работников, неправомерно использовало денежные средства для собственных нужд, что свидетельствует о недобросовестном характере его действий и пренебрежительном отношении к выполнению своих прямых обязанностей, в связи с чем примененный налоговым органом размер штрафа соответствует степени вины заявителя.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, требование удовлетворено. Суд исходил из несоразмерности назначенного штрафа совершенному правонарушению. Также суд отметил, что на день принятия налоговым органом решения допущенное правонарушение совершено обществом впервые, ранее общество не привлекалось к ответственности за несвоевременное перечисление указанного налога.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено в части признания решения налогового органа незаконным по эпизоду, связанному с доначислением НДС и налога на прибыль, и в соответствующей части решение суда первой инстанции оставлено в силе. В остальной части постановление суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной и кассационной инстанций в части привлечения общества к ответственности за неправомерное неперечисление в установленный срок налога на доходы физических лиц и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Согласно п. 1 ст. 112 НК РФ обстоятельствами, смягчающими ответственность за совершение налогового правонарушения, признаются в том числе иные обстоятельства, которые судом или налоговым органом, рассматривающим дело, могут быть признаны смягчающими ответственность. В силу п. 4 ст. 112 НК РФ обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения, устанавливаются налоговым органом или судом, рассматривающим дело, и учитываются при применении налоговых санкций.

При наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не меньше чем в два раза по сравнению с размером, установленным соответствующей статьей НК РФ (п. 3 ст. 114).

Учитывая, что п. 3 ст. 114 НК РФ обозначен лишь минимальный предел снижения налоговой санкции, суд по результатам оценки соответствующих обстоятельств (например, характера совершенного правонарушения, количества смягчающих ответственность обстоятельств, личности налогоплательщика, его материального положения) вправе уменьшить размер взыскания и более чем в два раза.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлениях от 12 мая 1998 г. № 14-П, 15 июля 1999 г. № 11-П, 30 июля 2001 г. № 13-П и в определении от 14 декабря 2000 г. № 244-О, санкции, налагаемые органами государственной власти, являются мерой юридической ответственности, поэтому размер взыскания должен отвечать критерию соразмерности и применяться с соблюдением принципов справедливости наказания, его индивидуализации и дифференцированности с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств.

Из приведенных положений следует, что сумма штрафа определяется в виде процента от суммы налога, подлежащей фактической уплате (перечислению) в бюджет за соответствующий период; снижение суммы подлежащего к взысканию штрафа при наличии смягчающих ответственность обстоятельств возможно и более чем в два раза.

Однако уменьшение суммы штрафа более чем в два раза не свидетельствует о возможности получить от совершенного действия нулевой результат.

При этом, снижая размер подлежащего взысканию штрафа до нуля рублей, суды фактически освободили общество от ответственности за совершение налогового правонарушения, что не соответствует положениям п. 3 ст. 114 НК РФ.

Вместе с тем законодатель разграничил между собой юридические факты, с наличием которых он связывает возможность снижения размера штрафных санкций и освобождения от ответственности за совершение налогового правонарушения.

При этом перечень обстоятельств, исключающих привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения, предусмотрен ст. 109 НК РФ и является закрытым. Такие обстоятельства, исключающие вину общества в совершении налогового правонарушения и, соответственно, привлечение его к ответственности за совершение налогового правонарушения, судами не установлены. В связи с этим уменьшение штрафа, подлежащего взысканию с налогоплательщика до нуля рублей, произведено судом апелляционной инстанции при неправильном применении норм материального права.

Определение № 309-КГ18-14683

32. Сам по себе факт ликвидации объектов основных средств не является основанием для корректировки ранее принятых при приобретении этих объектов вычетов НДС посредством восстановления налога к уплате в бюджет, поскольку приводит к прекращению физического существования этих объектов, а не к их дальнейшему использованию в необлагаемой деятельности.

По результатам камеральной налоговой проверки уточненных налоговых деклараций по НДС, представленных обществом, налоговый орган вынес решения об отказе в возмещении налога и о привлечении общества к ответственности за неполную уплату налога.

Основанием доначисления НДС послужили выводы налогового органа о том, что суммы налога, ранее правомерно принятые к вычету

по частично амортизированным основным средствам, подлежат восстановлению в силу п. 3 ст. 170 НК РФ.

Как установил налоговый орган, объекты основных средств (производственное оборудование) пришли в негодность в результате произошедшей аварии и списаны с учета, оставшиеся после ликвидации данных объектов запасные части и отходы лома цветных металлов приняты обществом к учету в качестве материалов. По мнению налогового органа, в такой ситуации налог должен быть восстановлен пропорционально остаточной стоимости основных средств, так как операции по реализации металлолома, оставшегося после ликвидации данных объектов, не подлежат налогообложению.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать принятые налоговым органом решения недействительными.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом суд согласился с выводами налогового органа, сделанными по результатам камеральных налоговых проверок.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принят новый судебный акт об удовлетворении заявленных требований. Суд апелляционной инстанции отметил, что отходы лома, образовавшиеся из объектов основных средств в результате аварии, не являются специально произведенным обществом товаром и не представляют из себя товар, приобретенный для производства продукции. Реализованные товары (отходы в виде лома цветных металлов) по своим функциональным и физическим характеристикам отличаются от объектов основных средств, в связи с чем обязанность по восстановлению налога, ранее принятого к вычету при приобретении объектов основных средств, у общества в рассматриваемой ситуации не возникла.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции, признав его выводы правильными.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, обратив внимание на следующее.

На основании п. 3 ст. 3 НК РФ необходимо принимать во внимание, что по своей экономико-правовой природе НДС является налогом на потребление товаров (работ, услуг), системно взимаемым на каждой стадии их производства и реализации субъектами хозяйственного оборота до передачи потребителю исходя из стоимости (цены), добавленной на каждой из указанных стадий.

Признание НДС в качестве налога, перелагаемого на потребителей, означает, что хозяйствующим субъектам, приобретающим товары (работы, услуги) для использования при совершении облагаемых операций, должна быть предоставлена возможность вычесть из НДС, исчисленного при совершении собственных облагаемых операций и предъявленного к уплате покупателям, суммы так называемого «входящего» налога – суммы НДС, предъявленные контрагентами самому налогоплательщику при приобретении у них товаров (работ, услуг).

При этом в силу принципа нейтральности НДС по отношению к хозяйствующим субъектам, вытекающего из природы данного налога как налога на личное и приравненное к нему потребление и отражающего закрепленное п. 1 ст. 3 НК РФ требование равного отношения к налогоплательщикам, хозяйствующие субъекты, юридически признаваемые плательщиками НДС и осуществляющие одинаковые облагаемые налогом операции, не должны подвергаться различному налогообложению, в частности при решении вопроса о возможности предоставления им права вычета сумм «входящего» НДС, в отсутствие к тому разумных и объективных причин, согласующихся с природой налога.

Как установлено п. 2 ст. 171 НК РФ, вычетам подлежат суммы налога, предъявленные налогоплательщику при приобретении товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации для осуществления операций, признаваемых объектами налогообложения.

В случаях приобретения товаров (работ, услуг), в том числе основных средств, используемых для операций по производству и (или) реализации товаров (работ, услуг), не подлежащих налогообложению, суммы налога, предъявленные покупателю при приобретении товаров (работ, услуг), учитываются в их стоимости (подп. 1 п. 2 ст. 170 НК РФ).

Несовпадение предполагаемого использования товаров (работ, услуг) на момент применения налоговых вычетов и фактического способа распоряжения товарами, результатами работ и оказанных услуг в той мере, в какой это свидетельствует о нарушении установленного п. 2 ст. 171 НК РФ условия вычета, может влечь за собой необходимость последующей корректировки заявленных вычетов.

В целях такой корректировки положениями подп. 2 п. 3 ст. 170 НК РФ предусмотрено восстановление принятых к вычету сумм налога, если приобретенные товары (работы, услуги), в том числе основные средства, в дальнейшем начинают использоваться для осуществления операций, указанных в п. 2 ст. 170 НК РФ, не влекущих необходимость исчисления и уплаты НДС при их совершении.

Особенностью основных средств при этом является то, что данные товары, как правило, предназначены для длительной эксплуатации в

качестве средств производства, их стоимость переносится на стоимость произведенных товаров (работ, услуг) не единовременно, а по мере эксплуатации. Соответственно, подп. 2 п. 3 ст. 170 НК РФ закреплен механизм восстановления налога пропорционально остаточной стоимости объектов основных средств.

Однако ликвидация объектов основных средств не образует основание восстановления налога, указанное в подп. 2 п. 3 ст. 170 НК РФ, поскольку приводит к прекращению физического существования этих объектов, а не к их дальнейшему использованию в необлагаемой деятельности.

Иной подход к толкованию положений главы 21 НК РФ не отвечал бы принципу нейтральности НДС и, следовательно, требованиям пп. 1 и 3 ст. 3 НК РФ, поскольку приводил бы к возложению различной налоговой нагрузки на хозяйствующих субъектов, приобретших объекты основных средств для использования в качестве средств производства при осуществлении облагаемых НДС операций, в зависимости от результатов хозяйственной деятельности и возникших в рамках ее осуществления потерь.

Таким образом, само по себе прекращение использования оборудования в связи с произошедшей на производстве аварией не должно влечь корректировку (восстановление) налога, ранее принятого к вычету при приобретении объектов основных средств, в части, приходящейся на их остаточную стоимость.

Следовательно, вывод суда первой инстанции и суда округа о необходимости восстановления налога пропорционально остаточной стоимости основных средств является неправомерным.

В то же время, поскольку по итогам ликвидации объектов основных средств общество реализовало лом цветных металлов, операции по реализации которого освобождены от налогообложения, не может считаться правомерным и вывод суда апелляционной инстанции о признании незаконными произведенных доначислений в полном объеме. Тот факт, что операции по реализации лома цветных металлов освобождены от налогообложения, позволял ставить вопрос о корректировке налоговых вычетов лишь в части стоимости металлолома, принятого к учету по результатам ликвидации объектов основных средств и реализованного налогоплательщиком.

Определение № 306-КГ18-13567

33. Если покупатель при возврате товаров продавцу не передал уточненный счет-фактуру, то продавец вправе принять ранее исчисленную сумму НДС к вычету на основании выставленного им самим корректировочного счета-фактуры.

Общество заключило договор купли-продажи с покупателем, по условиям которого общество обязалось передать покупателю в собственность здание и земельный участок. В рамках данной сделки общество выставило покупателю счет-фактуру с выделенной в нем суммой НДС и зарегистрировало его в книге продаж и налоговой декларации по НДС.

В связи с неоплатой покупателем приобретенных объектов договор купли-продажи расторгнут по соглашению сторон. При возврате имущества общество самостоятельно оформило корректировочный счет-фактуру и заявило к вычету НДС, ранее исчисленный при передаче здания, отразив вычет в налоговой декларации по НДС.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, в результате которого ему начислены недоимка по НДС, пени и штраф. Основанием для принятия указанного решения послужил вывод налогового органа о неправомерном заявлении вычета по НДС на основании составленного налогоплательщиком корректировочного счета-фактуры.

По мнению налогового органа, сумма НДС, ранее начисленная к уплате при передаче имущества, могла быть принята к вычету обществом только при условии получения счета-фактуры от покупателя, поскольку до расторжения договора покупатель принял переданное имущество к своему учету.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа принятые судебные акты отменены, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда в связи со следующим.

В соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ объектом обложения НДС признаются совершаемые на территории Российской Федерации операции по реализации товаров. При этом с учетом экономико-

правовой природы НДС как косвенного (перелагаемого на потребителей) налога в п. 1 ст. 168 НК РФ указано, что суммы НДС, исчисленные продавцом при реализации товаров, подлежат предъявлению к уплате покупателю.

При возврате товара продавцу, обусловленном расторжением договора купли-продажи ввиду нарушения его условий покупателем, реализация товара считается несостоявшейся и налог не может быть предъявлен к уплате покупателю, то есть объект налогообложения отсутствует. Следовательно, налогоплательщик вправе требовать корректировки сумм НДС, ранее исчисленных при передаче товара покупателю, учитывая гарантированное подп. 5 п. 1 ст. 21 НК РФ право на возврат сумм налога, внесенных в бюджет излишне – при отсутствии объекта налогообложения.

Для случаев возврата товара п. 5 ст. 171 и п. 4 ст. 172 НК РФ установлены специальные правила корректировки ранее начисленных продавцом сумм налога посредством их заявления к вычету при условии отражения операций по возврату в бухгалтерском учете и не позднее одного года с момента возврата товара.

Судами установлен факт возврата имущества, являвшегося предметом договора купли-продажи, в том налоговом периоде, за который налогоплательщиком применен спорный налоговый вычет. Отражение в учете налогоплательщика операций по возврату имущества и соблюдение срока заявления налога к вычету налоговым органом при рассмотрении дела не оспаривались. Налогоплательщиком, в соответствии с п. 3 ст. 168 НК РФ, также оформлен корректировочный счет-фактура применительно к такому основанию его выставления, как изменение стоимости отгруженных товаров.

Таким образом, судами установлено выполнение налогоплательщиком всей совокупности условий, с наличием которых закон связывает возможность корректировки сумм НДС, ранее исчисленных при передаче имущества, в случае возврата товаров.

Суд округа, отменяя принятые по делу судебные акты и указывая на возможность осуществления обществом права корректировки налога только при наличии счета-фактуры, полученного от покупателя, сослался на подп. «а» п. 7 Правил ведения журнала учета полученных и выставленных счетов-фактур, применяемых при расчетах по НДС, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2011 г. № 1137, которым предусмотрено выставление покупателем счета-фактуры продавцу при возврате принятых покупателем на учет товаров.

Вместе с тем, в силу конституционного требования о необходимости уплаты только законно установленных налогов и сборов во взаимосвязи с предписаниями ст. 15 и 18 Конституции Российской

Федерации, механизм налогообложения должен обеспечивать полноту и своевременность взимания налогов и сборов с обязанных лиц и одновременно – надлежащий правовой характер деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, связанной с изъятием средств налогообложения.

Учитывая изложенное и принимая во внимание положения п. 2 ст. 22 НК РФ, устанавливающие обязанность налоговых органов обеспечивать права налогоплательщиков, налоговое администрирование должно осуществляться с учетом принципа добросовестности, предполагающего учет законных интересов плательщиков налогов и недопустимость создания условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону.

Соответственно, недопустим отказ в осуществлении прав налогоплательщиков только по формальным основаниям, не связанным с существом реализуемого права, и по мотивам, обусловленным лишь удобством налогового администрирования.

Согласно решению Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2008 г. № 11461/08 установленный на уровне подзаконных актов порядок оформления возврата товаров, предполагающий выставление покупателем счета-фактуры продавцу, ранее также изложенный в письме Министерства финансов Российской Федерации от 7 марта 2007 г. № 03-07-15/29, признан не вступающим в противоречие с НК РФ в той мере, в какой он не является обременительным и позволяет четко и объективно отразить в бухгалтерских документах совершаемые продавцом и покупателем действия, обуславливающие возможность предъявления продавцом к вычету сумм НДС, уплаченных с реализации, а покупателю – уплатить в бюджет суммы этого налога, ранее заявленные к вычету из бюджета.

Из этого вытекает, что определенный на уровне подзаконного акта и правоприменительной практики налоговых органов порядок оформления возврата товаров, предполагающий выставление покупателем «обратного» счета-фактуры, имеет своей целью исключение риска злоупотребления правом участниками сделки – недопущение ситуаций, когда исчисленные при первоначальной отгрузке товара суммы НДС корректируются (заявляются к вычету) продавцом без совершения покупателем, возвращающим товар, аналогичной корректировки сумм налога, принятых к вычету.

Однако, как установлено судом первой инстанции и по существу не опровергнуто налоговым органом, покупатель не принял к вычету НДС при приобретении имущества у общества. Более того, судом округа констатировано, что покупатель в действительности исчислил налог при возврате товара обществу, отразив соответствующую сумму НДС в своей налоговой отчетности. То есть обстоятельство, доказательством

которого должен был выступить выставленный обществу «обратный» счет-фактура, нашло свое подтверждение.

Вменение налогоплательщику основанной на подзаконном акте обязанности получить счет-фактуру от покупателя, не передавшего данный документ добровольно, в качестве условия реализации законного права общества на корректировку излишне уплаченного НДС в такой ситуации становится обременительной (избыточной) мерой, имея в виду, что требование ее выполнения не связано с достижением той цели, для которой Правительством Российской Федерации в Правилах ведения журнала учета полученных и выставленных счетов-фактур, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость от 26 декабря 2011 г. № 1137 установлен порядок оформления счетов-фактур при возврате товаров – предотвращение риска наступления неблагоприятных последствий для казны в результате злоупотреблений.

Учитывая, что данное требование не позволило реализовать законные права налогоплательщика и привело к взиманию налога в отсутствие объекта налогообложения, произведенные налоговым органом доначисления не могли быть признаны правомерными.

Определение № 301-КГ18-20421

Практика применения бюджетного законодательства

34. Само по себе исчерпание выделенных лимитов бюджетных обязательств не может служить законным основанием для отказа в предоставлении субсидий, если обязательность компенсации затрат (недополученных доходов) отдельным категориям хозяйствующих субъектов в форме предоставления субсидий установлена законодательством.

Общество оказало услуги по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов ряду пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от платы за эти услуги.

На этом основании общество направило в агентство воздушного транспорта (далее – агентство) заявление о предоставлении субсидии в размере стоимости оказанных услуг. Агентство отказало в предоставлении субсидии в связи с исчерпанием лимитов бюджетных ассигнований, доведенных ему на цели предоставления субсидий.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа агентства в предоставлении субсидии незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что исчерпание лимитов бюджетных ассигнований, предоставленных главному распорядителю, обеспечивающему принятие и исполнение бюджетных обязательств по выплате спорной субсидии, является самостоятельным основанием для отказа в ее предоставлении, поскольку агентство вправе принимать бюджетные обязательства исключительно в пределах доведенных до него лимитов бюджетных обязательств.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования, указав следующее.

Исходя из взаимосвязанных положений ст. 69 и 78 БК РФ субсидии юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам – производителям товаров, работ и услуг являются безвозмездными и безвозвратными бюджетными ассигнованиями, имеющими целевой характер – возмещение недополученных доходов и (или) финансовое обеспечение (возмещение) затрат в связи с производством (реализацией) товаров, выполнением работ, оказанием услуг хозяйствующими субъектами.

По смыслу приведенных положений законодательства использование юридической конструкции субсидий позволяет государству оказывать финансовую поддержку хозяйствующим субъектам в виде предоставления денежных средств на безвозмездной и безвозвратной основе в тех случаях, когда это необходимо для решения публично значимых задач. При этом природа стимулирующих субсидий как финансовой поддержки, предоставляемой в силу усмотрения публичной власти, а не ее обязанностей, означает, что участники хозяйственного оборота, по общему правилу, не вправе требовать от публично-правового образования (его уполномоченных органов) принятия решения о предоставлении субсидии, равно как не вправе требовать выплаты стимулирующих субсидий при фактическом отсутствии в бюджете денежных средств на эти бюджетные ассигнования либо при исчерпании выделенных средств.

Однако в отличие от субсидий стимулирующего характера в случаях, когда обязательность компенсации затрат (неполученных доходов) отдельным категориям хозяйствующих субъектов в форме предоставления субсидий установлена законодательством и обусловлена ограничением свободы предпринимательской деятельности таких субъектов, решение вопроса о предоставлении субсидии не является предметом усмотрения публично-правового образования и право на получение субсидии в случае его нарушения подлежит судебной защите.

Согласно п. 3 ст. 69 Воздушного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) на Правительство Российской Федерации возложена обязанность установить порядок возмещения расходов на аэронавигационное обслуживание, обеспечение полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от взимания платы за аэронавигационное обслуживание и обеспечение полетов воздушных судов.

Во исполнение данной нормы закона Правительство Российской Федерации установило, что субсидии предоставляются единовременно в порядке очередности поступления от организаций заявлений о предоставлении субсидии в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период, и лимитов бюджетных обязательств, утвержденных в установленном порядке Федеральному агентству воздушного транспорта (пп. 3 и 6 Правил предоставления субсидий, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 25 января 2013 г. № 37, далее – Правила).

В то же время Правила не предусматривали такого основания для отказа в удовлетворении заявления лица, обратившегося за получением субсидии, как исчерпание выделенных на эти цели бюджетных ассигнований.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2018 г. № 32-П положения п. 3 ст. 69 ВК РФ и пп. 3 и 6 Правил признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (чч. 1 и 2), 34 (ч. 1), 35 (ч.1) и 55 (ч. 3) в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования ими не обеспечивается определенность условий возмещения юридическим лицам за счет средств федерального бюджета расходов на предоставление услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от взимания платы за оказанные услуги, в случае исчерпания доведенных лимитов бюджетных обязательств на возмещение недополученных доходов от предоставления соответствующих услуг и при отказе уполномоченного государственного органа в предоставлении субсидии по этой причине.

Следовательно, само по себе исчерпание выделенных лимитов бюджетных обязательств не могло служить законным основанием для отказа в предоставлении субсидии обществу, поскольку возможность такого отказа с учетом природы рассматриваемой субсидии не вытекает из положений ст. 69 и 78 БК РФ и не предусмотрена Правилами.

Вопреки выводам судов, исчерпание выделенных лимитов бюджетных обязательств в ситуации, когда осуществление соответствующих выплат из бюджета является обязанностью публично-правового образования, является не основанием для отказа в осуществлении таких выплат, а обязывает главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств использовать предусмотренные п. 6 ч. 1 ст. 158 БК РФ полномочия по изменению лимитов текущего финансового года и формированию лимитов в достаточном размере на очередной финансовый год.

В данном случае, отказав в предоставлении субсидии по мотиву исчерпания выделенных лимитов бюджетных обязательств, агентство, по существу, лишило общество права на возмещение стоимости оказанных услуг. В результате общество вынуждено нести бремя частичного финансирования мероприятий, связанных с обеспечением полетов воздушных судов, в рамках выполнения ими государственных задач без какого-либо возмещения понесенных затрат. Однако в силу изложенного выше государство не вправе в одностороннем порядке отказываться
от установленной законом обязанности.

Кроме того, вопреки положениям ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, общество было поставлено в неравное положение по сравнению с иными хозяйствующими субъектами, осуществляющими оказание таких же услуг и получивших возмещение их стоимости из федерального бюджета, при том что обстоятельств, которые бы свидетельствовали о нарушении обществом порядка предоставления субсидии, установленного Правительством Российской Федерации, суды не установили.

Определение № 305-ЭС18-17266

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

35. Если лицо признано не обладающим правом на взыскание задолженности по кредитному договору, то оно не может быть признано виновным в нарушении порядка взыскания такой задолженности и, соответственно, не подлежит привлечению к административной ответственности по ст. 15.41 КоАП РФ.

Постановлением административного органа прекращено производство по делу об административном правонарушении в отношении общества по факту предъявления заемщику, имеющему место жительства на территории Республики Крым, требований по

погашению обязательств, вытекающих их кредитных договоров, заключенных с банками, действовавшими на территории Республики Крым, лицом, не обладающим правом на взыскание задолженности, в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности. Между тем этим же постановлением общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ст. 15.41 КоАП РФ, за нарушение требований ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2015 года № 422-ФЗ «Об особенностях погашения и внесудебном урегулировании задолженности заемщиков, проживающих на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, и внесении изменений в Федеральный закон «О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя» (далее – Закон № 422-ФЗ), выразившихся в нарушении порядка взыскания задолженности.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления административного органа незаконным в части привлечения к административной ответственности, предусмотренной ст. 15.41 КоАП РФ.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, обществу в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды пришли к выводу о нарушении обществом требований ч. 1 ст. 2 Закона № 422-ФЗ при осуществлении взыскания задолженности, поскольку при наличии разногласий с заемщиком по вопросам погашения задолженности общество обязано было обратиться в некоммерческий фонд (далее – фонд) с заявлением об урегулировании разногласий, однако с таким заявлением общество в фонд не обратилось. Наличием разногласий между обществом и заемщиком суды признали факт обращения заемщика в административный орган с жалобой на действия общества, выразившиеся в направлении заемщику уведомления о погашении задолженности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 1 Закона № 422-ФЗ задолженность физических лиц, в том числе осуществлявших предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, имеющих место жительства на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя (далее – заемщики), по кредитным договорам, заключенным с банками, действовавшими на территории

Республики Крым и (или) на территории города федерального значения Севастополя, в отношении которых Национальным банком Украины было принято решение о прекращении их деятельности (закрытии их обособленных подразделений) на территории Республики Крым и (или) на территории города федерального значения Севастополя (далее – банки, действовавшие на территории Республики Крым и (или) на территории города федерального значения Севастополя), погашается в порядке, установленном федеральными законами с учетом особенностей, установленных Законом № 422-ФЗ.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона № 422-ФЗ действие данного закона распространяется на правоотношения по взысканию задолженности заемщиков перед банками, действовавшими на территории Республики Крым и (или) на территории города федерального значения Севастополя, лицами, имеющими право требовать погашения задолженности.

Таким образом, поскольку по факту предъявления обществом требования о погашении задолженности к заемщику, имеющему место жительства на территории Республики Крым, общество признано лицом, не имеющим права требовать с такого заемщика погашения задолженности в соответствии с Законом № 422-ФЗ, общество не могло быть одновременно признано виновным в нарушении порядка взыскания задолженности, установленного Законом № 422-ФЗ в отношении лиц, имеющих право требовать погашения задолженности с заемщиков, имеющих место жительства на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя.

Кроме того, сам по себе факт обращения заемщика с жалобой на действия общества в административный орган не может расцениваться как разногласия заемщика по вопросу погашения задолженности, о которых было известно обществу и с наличием которых Закон № 422-ФЗ связывает обязанность лица, имеющего право требовать погашения задолженности, обратиться с заявлением в письменной форме об урегулировании этих разногласий в фонд.

Доводы о том, что в отсутствие письменного согласия заемщика на совершение обществом действий по погашению задолженности общество должно было обратиться в фонд с письменным заявлением об урегулировании возникших разногласий, не могут быть приняты во внимание, поскольку, в силу ч. 1 ст. 2 Закона № 422-ФЗ, указанная обязанность обращения в фонд с названным заявлением поставлена в зависимость от наличия разногласий между заемщиком и лицом, имеющим право требовать погашения задолженности с соответствующего заемщика. При этом наличие разногласий и отсутствие письменного согласия заемщика не являются тождественными понятиями.

Таким образом, не будучи уведомленным о наличии у заемщика разногласий по вопросу погашения задолженности, общество не имело возможности для обращения в фонд с заявлением об урегулировании возникших разногласий в целях исполнения обязанности досудебной процедуры урегулирования возникшего спора, предусмотренной Законом № 422-ФЗ.

Учитывая изложенное, согласно положениям ст. 1.5 и ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, в отсутствие вины общества в совершении вменяемого правонарушения оно не могло быть привлечено к административной ответственности.

Определение № 307-АД18-14721

36. Невыполнение арбитражным управляющим обязанности по оплате публикации сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения в 10-дневный срок при своевременном направлении такого сообщения для опубликования влечет применение к нему административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, за неисполнение обязанности по направлению в 10-дневный срок для опубликования в официальном издании в порядке, установленном ст. 28 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ), сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Суды пришли к выводу об отсутствии в действиях арбитражного управляющего события вменяемого правонарушения, поскольку предусмотренная п. 1 ст. 68 Закона № 127-ФЗ обязанность по направлению в 10-дневный срок для опубликования в официальном издании сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения, неисполнение которой вменяется арбитражному управляющему, исполнена им путем направления указанного сообщения в пределах установленного 10-дневного срока с даты введения в отношении должника процедуры наблюдения и утверждения арбитражного управляющего временным управляющим должника. При этом осуществление арбитражным управляющим несвоевременной оплаты за публикацию сообщения о введении в отношении должника

процедуры наблюдения, повлекшее опубликование этого сообщения с нарушением срока, не вменяется в вину арбитражному управляющему.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

Согласно п. 1 ст. 68 Закона № 127-ФЗ временный управляющий обязан направить для опубликования в порядке, установленном ст. 28 Закона № 127-ФЗ, сообщение о введении наблюдения.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Закона № 127-ФЗ сведения, подлежащие опубликованию, при условии их предварительной оплаты включаются в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве и опубликовываются в официальном издании, определенном Правительством Российской Федерации в соответствии с федеральным законом.

В п. 29 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» разъяснено, что до определения регулирующим органом на основании абзаца второго п. 1 ст. 28 Закона № 127-ФЗ срока опубликования сведений о введении наблюдения данные сведения, в силу аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ), подлежат направлению временным управляющим для опубликования в 10-дневный срок с даты его утверждения (п. 1 ст. 128 Закона № 127-ФЗ).

Таким образом, согласно положениям указанных норм, установленный ст. 28 Закона № 127-ФЗ порядок опубликования сведений о введении в отношении должника процедуры наблюдения предусматривает, что соответствующие сведения должны быть направлены для опубликования в 10-дневный срок, в пределах которого временный управляющий должен не только направить такие сведения в официальное издание, но и предварительно оплатить их публикацию.

Учитывая изложенное, предусмотренная п. 1 ст. 68 Закона № 127-ФЗ обязанность по направлению для опубликования в порядке ст. 28 Закона № 127-ФЗ сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения признается исполненной временным управляющим при условии направления для публикации в официальном издании предварительно оплаченного сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения в 10-дневный срок с даты его утверждения.

Таким образом, направив в официальное издание для опубликования сообщение о введении в отношении должника процедуры наблюдения в 10-дневный срок, но не оплатив публикацию этого сообщения в указанный срок, арбитражный управляющий не

исполнил обязанность, установленную п. 1 ст. 68 Закона № 127-ФЗ, а соответственно, такие действия арбитражного управляющего образуют состав административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Определение № 310-АД18-16560

37. Законодательство не содержит положений, обязывающих банки представлять в антимонопольный орган по его мотивированному требованию документы, составляющие банковскую тайну, и отказ банка в представлении таких документов не образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Антимонопольный орган направил в банк запрос о представлении сведений обо всех операциях (выписку о движении денежных средств) по всем открытым и закрытым счетам банка с указанием контрагентов и наименования операций.

В ответ на указанный запрос банк направил в антимонопольный орган письмо об отказе в представлении запрашиваемой информации, поскольку такая информация относится к сведениям, содержащим банковскую тайну, а в силу положений ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон № 395-1) во взаимосвязи с положениями ч. 3 ст. 25 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ) антимонопольный орган не относится к числу субъектов, которым может быть представлена информация, содержащая банковскую тайну. При повторном истребовании антимонопольным органом указанных сведений банк их представил.

Постановлением антимонопольного органа банк привлечен к административной ответственности по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о признании постановления антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что Закон № 135-ФЗ не содержит ограничений по составу и объему запрашиваемой информации, необходимой для осуществления антимонопольным органом его задач и функций. Объем запрашиваемых сведений, состав документов (информации), порядок и сроки их представления должны определяться антимонопольным органом в каждом конкретном случае в зависимости от предмета

проверки и иных существенных обстоятельств, обуславливаться необходимостью осуществления им возложенных на него задач и функций.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования банка по следующим основаниям.

Согласно ч. 6 ст. 44 Закона № 135-ФЗ в ходе рассмотрения заявления или материалов антимонопольный орган вправе запрашивать у коммерческих организаций и некоммерческих организаций, их должностных лиц, федеральных органов исполнительной власти, их должностных лиц, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, их должностных лиц, органов местного самоуправления, их должностных лиц, иных осуществляющих функции указанных органов или организаций, их должностных лиц, а также государственных внебюджетных фондов, их должностных лиц, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, с соблюдением требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне, банковской тайне, коммерческой тайне или об иной охраняемой законом тайне документы, сведения, пояснения в письменной или устной форме, связанные с обстоятельствами, изложенными в заявлении или материалах.

Таким образом, положения ч. 6 ст. 44 Закона № 135-ФЗ предоставляют антимонопольному органу право запрашивать у соответствующих организаций (органов, лиц) документы с соблюдением требований, установленных федеральным законодательством о государственной тайне, банковской тайне, коммерческой тайне или об иной охраняемой законом тайне.

В рассматриваемом случае таким федеральным законом, устанавливающим требования к представлению информации, содержащей банковскую тайну, является Закон № 395-1.

Статья 26 Закона № 395-1 устанавливает положения о банковской тайне клиентов кредитной организации, гарантирующие защиту интересов клиентов и корреспондентов кредитной организации, Банка России, организации, осуществляющей функции по обязательному страхованию вкладов, а также определяет перечень лиц, которым могут быть представлены сведения, содержащие банковскую тайну. Органы Федеральной антимонопольной службы в данный перечень не включены.

Учитывая изложенное, ст. 26 Закона № 395-1 ограничивает предоставленные антимонопольному органу ч. 6 ст. 44 Закона № 135-ФЗ полномочия запрашивать документы, содержащие банковскую тайну.

Согласно ч. 2 ст. 25 Закона № 135-ФЗ Центральный банк Российской Федерации обязан представлять в федеральный

антимонопольный орган по письменному запросу этого органа принятые Центральным банком Российской Федерации нормативные акты, а также информацию (за исключением информации, составляющей банковскую тайну), необходимую для проведения федеральным антимонопольным органом анализа состояния конкуренции на рынке услуг, оказываемых поднадзорными Центральному банку Российской Федерации финансовыми организациями, и осуществления контроля за состоянием конкуренции.

Освободив Центральный банк Российской Федерации от обязанности представлять в федеральный антимонопольный орган по письменному запросу этого органа информацию, составляющую банковскую тайну, законодатель не имел в виду иное в отношении банков и иных кредитных организаций.

При этом в ч. 3 ст. 25 Закона № 135-ФЗ также отсутствует указание на представление в антимонопольный орган информации, составляющей банковскую тайну.

С учетом вышеизложенного не имеется оснований полагать, что под иной охраняемой законом тайной следует понимать и банковскую тайну, поскольку в ч. 6 ст. 44 Закона № 135-ФЗ банковская тайна указана наряду с иной охраняемой законом тайной.

Таким образом, ст. 25 Закона № 135-ФЗ во взаимосвязи с положениями ч. 6 ст. 44 Закона № 135-ФЗ и ст. 26 Закона № 395-1 не содержит положений, обязывающих банк представлять в антимонопольный орган по его мотивированному требованию документы, составляющие банковскую тайну.

Учитывая изложенное, у банка отсутствовала обязанность исполнять запрос антимонопольного органа о представлении сведений, содержащих банковскую тайну, следовательно, в действиях банка отсутствует состав административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Определение № 305-АД18-18535

38. Срок давности привлечения к административной ответственности за правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ, исчисляется со дня, следующего за последним днем периода, предоставленного для исполнения соответствующей обязанности.

Постановлением таможенного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ, за невыполнение в срок до 28 декабря 2015 г. включительно

обязанности по получению на свои банковские счета денежных средств, причитающихся обществу за переданные нерезиденту товары в рамках договора поставки.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления таможенного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление общества удовлетворено. При этом суды пришли к выводу об истечении установленного ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срока давности привлечения к административной ответственности на момент вынесения таможенным органом 29 декабря 2016 г. оспариваемого постановления о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ. Суды исходили из того, что годичный срок давности привлечения к административной ответственности подлежал исчислению с 29 декабря 2015 г. со дня, следующего за последним днем периода, предоставленного для исполнения соответствующей обязанности, и истек 28 декабря 2016 г.

Арбитражный суд округа отменил указанные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, поскольку указанный срок подлежал исчислению с 30 декабря 2015 г. – со дня, следующего за днем совершения правонарушения.

При новом рассмотрении суд первой инстанции пришел к выводу, что срок давности привлечения к ответственности не истек к моменту вынесения таможенным органом оспариваемого постановления, и отказал обществу в удовлетворении заявленных требований. Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение суда первой инстанции без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и оставила в силе первоначальное решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции в связи со следующим.

Согласно положениям ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ в редакции, действующий в спорный период, постановление по делу об административном правонарушении в области валютного законодательства Российской Федерации не может быть вынесено по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

Как следует из чч. 1, 2 ст. 4.8 КоАП РФ, сроки, предусмотренные КоАП РФ, исчисляются часами, сутками, днями, месяцами, годами. Течение срока, определенного периодом, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено начало срока. Срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Срок, исчисляемый месяцами, истекает в

соответствующее число последнего месяца, а если этот месяц не имеет соответствующего числа, срок истекает в последние сутки этого месяца. Срок, исчисляемый годами, истекает в соответствующие месяц и число последнего года.

В силу примечания к ст. 4.8 КоАП РФ ее положения не применяются, если другими статьями КоАП РФ установлен иной порядок исчисления сроков, а также при исчислении сроков административных наказаний.

Таким образом, положения ч. 1 ст. 4.8 КоАП РФ об исчислении срока, определенного периодом, со следующего дня после календарной даты или наступления события, которыми определено начало срока, не отменяют установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ порядок исчисления срока для вынесения постановления по делу об административном правонарушении со дня совершения административного правонарушения.

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», срок давности привлечения к ответственности исчисляется по общим правилам исчисления сроков – со дня, следующего за днем совершения административного правонарушения (за днем обнаружения правонарушения). В случае совершения административного правонарушения, выразившегося в форме бездействия, срок привлечения к административной ответственности исчисляется со дня, следующего за последним днем периода, предоставленного для исполнения соответствующей обязанности.

В рассматриваемом случае суды установили, что последним днем периода, предоставленного обществу для исполнения соответствующей обязанности по получению на свой банковский счет выручки, причитающейся за поставленный нерезиденту товар, являлось 28 декабря 2015 г.

Соответственно, годичный срок привлечения к административной ответственности подлежал исчислению с 29 декабря 2015 г. – со дня, следующего за последним днем периода, предоставленного для исполнения соответствующей обязанности, и истек 28 декабря 2016 г.

Таким образом, оспариваемое постановление таможенного органа от 29 декабря 2016 г. вынесено по истечении установленного ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ годичного срока давности привлечения к административной ответственности.

Определение № 305-АД18-18265

Процессуальные вопросы

39. Заявление о взыскании финансовых санкций с организации может быть подано органами Пенсионного фонда Российской Федерации в суд в течение шести месяцев после отмены судебного приказа.

На основании решения пенсионного фонда о привлечении общества к ответственности, предусмотренной ст. 17 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» (далее – Закон № 27-ФЗ), за непредставление в установленный законом срок сведений о всех застрахованных лицах за отчетный период пенсионный фонд выставил обществу требование об уплате финансовой санкции, которое было направлено обществу по почте заказным письмом 17 апреля 2017 г.

В связи с неисполнением обществом в добровольном порядке указанного требования в установленный срок пенсионный фонд обратился в арбитражный суд с заявлением о выдаче судебного приказа на взыскание с общества финансовой санкции.

Арбитражный суд выдал пенсионному фонду судебный приказ от 19 октября 2017 г., однако 16 ноября 2017 г. судебный приказ был отменен в соответствии с положениями ч. 4 ст. 229.5 АПК РФ.

Пенсионный фонд обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с общества финансовой санкции.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды исходили из того, что на момент обращения в суд с первоначальным заявлением о выдаче судебного приказа пенсионным фондом уже был пропущен шестимесячный срок, установленный положениями п. 3 ст. 46 НК РФ для взыскания в судебном порядке спорной задолженности после истечения срока исполнения требования об уплате спорной финансовой санкции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно положениям ст. 17 Закона № 27-ФЗ в течение 10 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение правонарушения страхователю, в отношении которого вынесено данное решение, направляется требование об уплате финансовых санкций. Требование об уплате финансовых санкций может быть передано страхователю (его уполномоченному представителю) лично под расписку, направлено по почте заказным письмом или

передано в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи. В случае направления указанного требования по почте заказным письмом оно считается полученным по истечении шести дней с даты отправления заказного письма. Требование об уплате финансовых санкций должно быть исполнено страхователем в течение 10 календарных дней со дня получения указанного требования, если более продолжительный период времени для уплаты не указан в этом требовании.

В соответствии с п. 53 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», согласно абзацу первому п. 6 ст. 69 НК РФ, в случае направления требования об уплате налога по почте заказным письмом оно считается полученным по истечении шести дней с даты направления заказного письма. При рассмотрении споров судам необходимо исходить из того, что, в силу прямого указания закона, соответствующая налоговая процедура признается соблюденной независимо от фактического получения налогоплательщиком (его представителем) требования об уплате налога, направленного заказным письмом.

Поскольку в требовании не был указан срок для уплаты спорной финансовой санкции, то, следуя названным положениям Закона № 27-ФЗ, суды неправомерно определили срок добровольного исполнения этого требования, направленного обществу по почте заказным письмом, без учета сроков, установленных ст. 17 Закона № 27-ФЗ (6 дней с даты отправления требования + 10 дней для добровольного исполнения требования).

В то же время ст. 2 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (далее – Закон № 167-ФЗ) относит положения Закона № 27-ФЗ к составной части законодательства Российской Федерации об обязательном пенсионном страховании и в качестве общего правила устанавливает, что правоотношения, связанные с уплатой обязательных платежей на обязательное пенсионное страхование, в том числе в части осуществления контроля за их уплатой, регулируются законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Статья 46 НК РФ, устанавливающая порядок взыскания налога, сбора, страховых взносов, а также пеней, штрафа за счет денежных средств с организаций и индивидуальных предпринимателей, не содержит правил исчисления срока взыскания задолженности для случаев отмены судебного приказа.

Между тем в п. 3 ст. 48 НК РФ указано, что такие требования могут быть предъявлены не позднее шести месяцев со дня вынесения судом определения об отмене судебного приказа.

Таким образом, на основании ст. 2 Закона № 167-ФЗ и применительно к п. 3 ст. 48 НК РФ по требованиям органов Пенсионного фонда Российской Федерации о взыскании финансовых санкций, предусмотренных ст. 17 Закона № 27-ФЗ, заявление о взыскании спорной суммы может быть подано в суд в течение шести месяцев после отмены судебного приказа.

Определение № 305-КГ18-17885

40. Государственная пошлина не взыскивается с налогоплательщика при условии добровольного удовлетворения налоговым органом требований налогоплательщика после его обращения в суд.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения налогового органа о приостановлении операций по счетам налогоплательщиков в банке, а также переводов электронных денежных средств.

На момент рассмотрения дела в суде налоговый орган принял решение об отмене оспариваемого решения о приостановлении операций по счетам общества в банке. Тем не менее решением суда первой инстанции обществу отказано в удовлетворении заявленных требований.

Дополнительным решением суда первой инстанции с общества в доход федерального бюджета взыскана государственная пошлина, поскольку при обращении в суд обществу была предоставлена отсрочка по ее уплате, а по результатам рассмотрения дела судебный акт принят не в пользу общества.

Постановлением апелляционного суда дополнительное решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Постановлением арбитражного суда округа дополнительное решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены в части взыскания с общества государственной пошлины, в остальной части судебные акты остались без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и возвратила обществу излишне уплаченную государственную пошлину, отметив следующее.

В соответствии с п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах

применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – постановление Пленума № 1) при прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска в связи с добровольным удовлетворением его требований ответчиком после обращения истца в суд судебные издержки взыскиваются с ответчика (ч. 1 ст. 101 ГПК РФ, ч. 1 ст. 113 КАС РФ, ст. 110 АПК РФ).

При этом следует иметь в виду, что отказ от иска является правом, а не обязанностью истца, поэтому возмещение судебных издержек истцу при указанных обстоятельствах не может быть поставлено в зависимость от заявления им отказа от иска. Следовательно, в случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком после обращения истца в суд и принятия судебного решения по такому делу судебные издержки также подлежат взысканию с ответчика.

Аналогично решается вопрос и о взыскании государственной пошлины, которая наряду с судебными издержками относится к судебным расходам.

После обращения общества в суд с настоящим заявлением, не оспаривая своевременное направление обществом расчета по форме 6-НДФЛ в налоговый орган (2 октября 2017 г.) и его получение налоговым органом 6 октября 2017 г. и, как следствие, отсутствие у налогового органа правовых оснований для принятия оспариваемого решения о приостановлении операций по счетам общества в банке, налоговый орган принял решение об отмене оспариваемого решения о приостановлении операций по счетам общества в банке. Указанные обстоятельства отражены в решении суда первой инстанции. Доказательств того, что у налогового органа имелись правовые основания для принятия оспариваемого решения о приостановлении операций по счетам общества в банке, материалы дела не содержат.

Таким образом, в рассматриваемом случае имело место добровольное удовлетворение налоговым органом заявленного обществом требования после обращения общества с этим требованием в суд. Доказательств обратного налоговым органом в материалы дела не представлено и доводов, опровергающих добровольное удовлетворение требований общества, налоговым органом не приведено. Поэтому добровольное удовлетворение налоговым органом заявленного обществом требования свидетельствует о наличии права общества на его удовлетворение и судом.

Учитывая изложенное, применительно к абзацу второму п. 26 постановления Пленума № 1, при наличии обстоятельств добровольного удовлетворения налоговым органом заявленного обществом требования после обращения общества в суд, не уплаченная в федеральный бюджет государственная пошлина за рассмотрение дела в суде ввиду предоставленной отсрочки до окончания рассмотрения дела по существу

не подлежала взысканию в федеральный бюджет с общества, несмотря на принятие судом решения об отказе ему в удовлетворении заявленного требования.

Согласно положениям ст. 76 НК РФ приостановление операций по счету означает прекращение банком всех расходных операций по данному счету, если иное не предусмотрено п. 2 ст. 76 НК РФ. Приостановление операций по счету не распространяется на платежи, очередность исполнения которых в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации предшествует исполнению обязанности по уплате налогов и сборов, а также на операции по списанию денежных средств в счет уплаты налогов (авансовых платежей), сборов, страховых взносов, соответствующих пеней и штрафов и по их перечислению в бюджетную систему Российской Федерации.

Следовательно, принятие налоговым органом в порядке п. 3.2 ст. 76 НК РФ решения о приостановлении операций по счетам хотя и направлено на обеспечение механизма законного поведения налоговых агентов (плательщиков страховых взносов) при исполнении публичной обязанности по уплате налогов и сборов, в частности по представлению в установленные сроки соответствующего расчета сумм налога на доходы физических лиц, но тем не менее создает препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

В то же время, согласно подп. 1.1 п. 1 ст. 333.37 НК РФ, налоговые органы, выступающие по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации, арбитражными судами, в качестве истцов или ответчиков, освобождены от уплаты государственной пошлины.

В соответствии с п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июля 2014 г. № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах», в случае если ответчик освобожден от уплаты государственной пошлины, а истцу, в пользу которого принят судебный акт, которым заканчивается рассмотрение спора по существу, была предоставлена отсрочка ее уплаты и государственная пошлина истцом не уплачена, государственная пошлина не взыскивается с ответчика, поскольку отсутствуют основания для ее взыскания в федеральный бюджет.

Поэтому у суда первой инстанции не имелось оснований для вынесения дополнительного решения по вопросу о распределении судебных расходов в части взыскания государственной пошлины.

Определение № 304-КГ18-20452

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

41. В соответствии со ст. 9 УК РФ мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, совершенное до 12 июня 2015 г., подлежит квалификации по статье 159^4 УК РФ.

По приговору суда от 20 октября 2017 г. (с учетом последующих изменений) О. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 5 годам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе адвоката в защиту осужденного, изменила приговор и переквалифицировала действия О. с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 3 ст. 159^4 УК РФ в редакции Федерального закона от 29 ноября 2012 г. №207-ФЗ, по которой назначила ему наказание в виде лишения своды сроком на 2 года.

Судебная коллегия указала следующее.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьями 159^1-159^6 УК РФ, разграничивающими составы мошенничества.

При этом согласно ч. 1 ст. 159^4 УК РФ мошенничеством в сфере предпринимательской деятельности признается мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Субъектом данного преступления является лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, - собственник предприятия (организации), руководитель (директор и т.п.), индивидуальный предприниматель, их представители.

Как усматривается из приговора и установлено судом, совершенное в период с 23 октября 2012 г. по сентябрь 2013 г. О. хищение чужого имущества путем обмана было сопряжено с преднамеренным неисполнением им, как руководителем (директором) юридического лица – Общества с ограниченной ответственностью, договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Давая юридическую оценку действиям осужденного, суд указал, что исследованные в судебном заседании доказательства свидетельствуют о наличии у последнего преступного умысла, направленного именно на мошенничество, поскольку выполнять условия заключенных договоров финансовой аренды (лизинга) он не намеревался, а осуществление платежей в адрес акционерного общества произведено им с целью придания законности своим действиям и введения в заблуждение представителей акционерного общества относительно своих преступных планов по хищению лизинговой техники, в связи с чем квалифицировал действия осужденного по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Между тем на момент совершения О. преступления действовала ст. 159^4 УК РФ в редакции Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, которая в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. признана утратившей силу с 12 июня 2015 г.

Несмотря на это деяния, подпадающие под признаки состава преступления, предусмотренного данным законом, совершенные до 12 июня 2015 г., в силу ст. 10 УК РФ не могут быть квалифицированы по ст. 159 УК РФ, устанавливающей за них более строгое наказание, такие деяния следует квалифицировать по ст. 159^4 УК РФ.

Определение № 20-УД19-9

42. Хищение денежных средств на сумму не более 2 500 рублей, совершенное путем мошенничества при отсутствии квалифицирующих признаков, признается административным правонарушением и не влечет уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ.

По приговору мирового судьи от 11 мая 2016 г., Л. осужден за совершение четырех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ, к 7 месяцам лишения свободы за каждое. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 1 год 8 месяцев лишения свободы. В соответствии со ст. 73 УК РФ наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 2 года.

Приговор постановлен в особом порядке судебного разбирательства в соответствии с главой 40 УПК РФ.

Апелляционным постановлением от 17 июня 2016 г. приговор в отношении Л. изменен: его вводная часть уточнена указанием на предыдущую судимость Л. по приговору от 4 мая 2016 г.; наказание за

каждое из четырех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ, усилено до 8 месяцев лишения свободы, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 2 года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима; исключено указание о применении положений ст. 73 УК РФ.

Постановлением президиума Верховного Суда Чувашской Республики от 7 сентября 2018 г. апелляционное постановление изменено: для отбывания наказания Л. назначена исправительная колонии общего режима.

Л. признан виновным в хищении путем обмана денежных средств: П. на сумму 2 500 руб., Ч. на сумму 3 000 руб., С. на сумму 2 890 руб. и Общества с ограниченной ответственностью на сумму 2 500 руб. Преступления совершены 25 сентября 2015 г.

В кассационной жалобе осужденный выражал несогласие с состоявшимися судебными решениями, ссылаясь на то, что с учетом изменений, внесенных в законодательство Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ, по двум эпизодам хищений его действия подпадают под признаки административного правонарушения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор по следующим основаниям.

Как следует из приговора, Л. осужден, в частности, за совершение хищения денежных средств индивидуального предпринимателя П. в размере 2 500 руб., а также Общества с ограниченной ответственностью на такую же сумму, то есть за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ, по которым ему назначено наказание, с учетом внесенных в приговор изменений, в виде 8 месяцев лишения свободы за каждое.

Между тем, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», вступившим в силу на момент рассмотрения данного дела президиумом Верховного Суда Чувашской Республики, ст. 7.27 КоАП РФ изложена в новой редакции, согласно которой, хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, стоимостью более 1000 рублей, но не более 2500 рублей, при отсутствии иных квалифицирующих признаков преступлений, относится к мелкому хищению и признается административным правонарушением.

Однако указанные изменения, улучшающие положение осужденного, в нарушение требований ч. 1 ст. 10 УК РФ не были учтены судом кассационной инстанции при рассмотрении дела, что не могло не повлиять на исход дела и на размер назначенного ему наказания.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия изменила приговор и все последующие судебные решения в отношении Л. и освободила его от наказания, назначенного по ч. 1 ст. 159 УК РФ по фактам совершения путем мошенничества хищения денежных средств индивидуального предпринимателя П. и Общества с ограниченной ответственностью.

На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ (по факту совершения хищения денежных средств Ч.) и ч. 1 ст. 159 УК РФ (по факту совершения хищения денежных средств С.) путем частичного сложения наказаний назначила Л. наказание в виде лишения свободы сроком 1 год 4 месяца.

Определение № 31-УД19-4

Назначение наказания

43. Судимость за преступление, осуждение за которое признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, не учитывается при признании рецидива преступлений.

По приговору суда от 29 ноября 2018 г. К. (судимый по приговору от 24 марта 2016 г. по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 года 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года) осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 16 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору суда от 24 марта 2016 г. В соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному наказанию частично присоединена неотбытая часть наказания, назначенного по приговору от 24 марта 2016 г., и окончательно К. назначено наказание в виде лишения свободы на 17 лет в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год.

К. признан виновным в убийстве двух лиц, совершенном в апреле 2018 года.

В апелляционном представлении прокурор просил приговор изменить и исключить из него указание о наличии в действиях осужденного опасного рецидива, смягчив назначенное ему наказание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила представление, указав следующее.

Суд в приговоре указал на признание рецидива преступлений обстоятельством, отягчающим наказание, и сослался на то, что рецидив в силу ст. 18 УК РФ является опасным.

При этом во вводной части приговора указана лишь одна непогашенная судимость К. по приговору от 24 марта 2016 г., по которому он был осужден к лишению свободы условно. На момент совершения последнего преступления условное осуждение не отменялось и К. не направлялся для отбывания наказания в места лишения свободы.

В связи с этим Судебная коллегия изменила приговор и исключила из него указание о наличии в действиях К. опасного рецидива преступлений и о признании данного обстоятельства отягчающим наказание, смягчив наказание по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 16 лет 5 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год. В соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров к данному наказанию частично присоединила неотбытую часть наказания, назначенного по приговору от 24 марта 2016 г., и определила К. окончательное наказание в виде лишения свободы на 16 лет 11 месяцев в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год.

Определение № 67-АПУ19-1

44. Для признания в качестве обстоятельства, смягчающего наказание осужденного (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), необходимо его активное способствование раскрытию и расследованию преступлений.

Ф. признан виновным в том, что 18 декабря 2006 г. в ходе ссоры на почве личных неприязненных отношений совершил убийство супругов П.А. и П.О. После этого он с целью скрыть данное преступление убил П.В. Также он признан виновным в краже имущества потерпевших и умышленном повреждении и уничтожении чужого имущества.

По приговору суда Ф. (ранее судимый по приговору от 11 декабря 2006 г. по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч.2 ст. 158 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год) осужден по п. «а» ч.2 ст. 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы, по п. «к» ч.2 ст. 105 УК РФ к 13 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 158 УК РФ (в ред. от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) к 3 годам лишения свободы, по ч. 2 ст. 167 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 24 года лишения свободы. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение по приговору от 11 декабря 2006 г. отменено. В соответствии со ст. 70 УК РФ частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору от

11 декабря 2006 г. и по совокупности приговоров назначено окончательное наказание 24 года 6 месяцев лишения свободы.

В кассационной жалобе осужденный Ф. помимо прочего оспаривал приговор в части назначенного ему наказания, считая его чрезмерно суровым. В своей жалобе осужденный указывал на то, что при назначении наказания суд, признав в качестве обстоятельства, смягчающего его наказание, «способствование следствию по установлению обстоятельств преступлений», при этом не применил положения ст. 62 УК РФ, мотивируя тем, что оно не охватывается п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации кассационную жалобу осужденного оставила без удовлетворения по следующим основаниям.

При назначении наказания суд учел общие начала назначения наказания, указанные в ст. 60 УК РФ.

В приговоре суд правильно указал, что «...способствование следствию по установлению обстоятельств преступлений» нельзя признать как обстоятельство, смягчающее наказание Ф., предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

В ходе предварительного следствия Ф. давал различные показания.

Согласно материалам уголовного дела Ф. был задержан 26 декабря 2006 г. по подозрению в совершении преступлений, в том числе в убийстве трех человек. В тот же день он был допрошен в качестве подозреваемого. Между тем во время допроса он отрицал свою причастность к убийству П.О. и П.В., утверждая при этом, что он убил лишь П.А. при превышении пределов необходимой обороны.

Вместе с тем с учетом установленных судом фактических обстоятельств, связанных с убийством потерпевших, Судебная коллегия переквалифицировала действия Ф. с п. «а» ч. 2 ст. 105 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на пп. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по которой назначила наказание в виде лишения свободы на 19 лет 6 месяцев.

В силу изложенного Судебная коллегия к наказанию назначенному по пп. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ частично присоединила наказание, неотбытое по приговору от 11 декабря 2006 г., и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров назначила осужденному 20 лет лишения свободы.

Определение № 81-019-2

45. Исходя из положений ст. 60 УК РФ, если наряду с обстоятельствами, указанными в ч. 1 ст. 62 УК РФ, суд установит наличие других смягчающих обстоятельств, наказание должно назначаться с учетом всех смягчающих обстоятельств.

По приговору суда (с учетом внесенных изменений) К.осужден к лишению свободы по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 10 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год.

В кассационной жалобе осужденный просил изменить приговор и смягчить ему наказание. Указывал, что суд, применив положения ч. 1 ст. 62 УК РФ, назначил ему максимально возможное наказание, фактически не учел при этом иные установленные смягчающие обстоятельства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и смягчила назначенное К. по ч. 1 ст. 105 УК РФ наказание до 9 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст.61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать 2/3 максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Как следует из приговора, при назначении К. наказания учтены характер и степень общественной опасности им содеянного, данные его личности, влияние назначенного наказания на исправление осужденного, отсутствие отягчающих обстоятельств и наличие смягчающих обстоятельств, к которым отнесены активное способствование раскрытию и расследованию преступления, явка с повинной, состояние здоровья осужденного, наличие у него двоих малолетних детей.

Однако при этом за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, К. назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет, то есть максимально возможное наказание с учетом требований ч. 1 ст. 62 УК РФ, и фактически не приняты во внимание иные установленные судом смягчающие наказание обстоятельства.

Определение № 66-УД19-7

46. Если на момент рассмотрения уголовного дела в апелляционной инстанции истекли сроки давности уголовного преследования, осужденный подлежит освобождению от назначенного ему наказания.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей Н. признан виновным и осужден за незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, совершенное 10 января 2017 г. Этим же

вердиктом Н. признан виновным и осужден за убийство по найму, совершенное 19 февраля 2017 г. при соучастии Д.

По приговору суда от 23 ноября 2018 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Н. осужден по ч. 1 ст. 139 УК РФ к шести месяцам исправительных работ с удержанием 10% заработка в доход государства; по п. «з» ч. 2 ст.105 УК РФ к пятнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы на один год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Н. назначено пятнадцать лет один месяц лишения свободы с ограничением свободы на один год.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 февраля 2019 г., рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного Н., изменила приговор и освободила Н. от назначенного по ч. 1 ст. 139 УК РФ наказания на основании ст. 78 УК РФ за истечением срока давности уголовного преследования, поскольку на момент рассмотрения дела в апелляционной инстанции истекли сроки давности уголовного преследования за указанное преступление.

Из приговора исключено указание о назначении Н. наказания по совокупности преступлений и определено считать Н. осужденным по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к пятнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы на один год.

Определение № 56-АПУ19-1СП

Процессуальные вопросы

47. В соответствии с положениями ч. 3 и 4 ст. 389^{28} и ч. 3 ст. 401^{14} УПК РФ кассационное определение (постановление) должно содержать краткое изложение доводов лица, подавшего жалобу, и мотивы принимаемого по жалобе судебного решения.

По приговору Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края М. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

Постановлением президиума Краснодарского краевого суда указанный приговор был изменен и действия М. квалифицированы по ч. 3 ст. 162 УК РФ по признаку «разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья». В остальной части приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный М. просил отменить постановление президиума. Осужденный обращал внимание на то, что при рассмотрении дела судом кассационной инстанции нарушены

требования уголовно-процессуального закона, поскольку были оставлены без внимания его доводы, изложенные в кассационной жалобе.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 3 ст. 401^{14} УПК РФ определение и постановление суда кассационной инстанции должно соответствовать требованиям ч. 3 и 4 ст. 389^{28} УПК РФ, согласно которым в судебном решении должно быть указано краткое изложение доводов лица, подавшего жалобу, мотивы принятого решения и основания, по которым приговор признается законным, обоснованным и справедливым, а жалоба или представление - не подлежащими удовлетворению, либо основания полной или частичной отмены или изменения обжалованного судебного решения.

Указанные положения уголовно-процессуального закона не предоставляют суду возможность произвольно отклонять доводы жалобы, не приводя фактические и правовые мотивы отказа в удовлетворении заявленных требований, поскольку мотивировка решения суда должна основываться на рассмотрении конкретных обстоятельств, нашедших отражение в материалах дела и дополнительно представленных сторонами материалах, а также на нормах материального и процессуального права, - иначе не может быть обеспечено объективное и справедливое разрешение уголовного дела.

Как видно из материалов уголовного дела, предметом рассмотрения президиума Краснодарского краевого суда была кассационная жалоба осужденного, в которой он выражал несогласие с приговором, поскольку выводы суда основаны на недопустимых и противоречивых доказательствах; просил изменить меру пресечения в связи с тяжелой болезнью; указывал, что его действия квалифицированы неправильно, при этом утверждал, что к преступлению непричастен, на следствии оговорил себя в результате плохого состояния здоровья и давления со стороны сотрудников полиции, явку с повинной написал под диктовку оперативного сотрудника, суд не проверил его алиби.

В постановлении президиума данные доводы, изложенные в жалобе осужденного, были приведены. Однако, как усматривается из содержания постановления президиума, суд кассационной инстанции, внося изменения в приговор, в то же время доводы, изложенные в кассационной жалобе осужденного, оставил без внимания и не высказал по ним никаких суждений, что является нарушением требований ст. 401^{14} УПК РФ.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила постановление президиума Краснодарского краевого суда в отношении

М. и направила уголовное дело с кассационной жалобой на новое рассмотрение в президиум Ростовского областного суда (с учетом положений закона о недопустимости повторного участия судей в рассмотрении дела).

Определение 18-УД19-18

48. Неясность и противоречивость вердикта присяжных заседателей, вызванная неправильной постановкой основного вопроса о доказанности совершения действий осужденного путем разделения его на несколько вопросов, на которые присяжные заседатели дали противоречивые ответы, послужила основанием к отмене как обвинительного, так и оправдательного приговора.

По приговору суда, постановленного с участием присяжных заседателей, Г. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Г. признан невиновным по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных: ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и оправдан на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ и в соответствии с пп. 2 и 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ ввиду непричастности к совершению преступления; ч. 1 ст. 139 УК РФ, и оправдан на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

По приговору суда, вынесенному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, Г. осужден за убийство двух лиц: И. и А.

Этим же приговором он оправдан по обвинению в покушении на убийство Ч. и Н., а также в незаконном проникновении в жилище против воли проживающего в нем лица.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил об отмене приговора в целом и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение ввиду неясности и противоречивости вердикта.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение в тот же суд, со стадии судебного разбирательства, в ином составе суда по следующим основаниям.

В ходе судебного разбирательства уголовного дела присяжные заседатели разрешают только те вопросы, которые предусмотрены п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ и сформулированы в вопросном листе (ст. 334 УПК РФ). Вопросы ставятся в понятных присяжным заседателям формулировках, а вердикт присяжных заседателей должен быть ясным и непротиворечивым.

Законодателем предусмотрена возможность постановки одного основного вопроса, который является соединением всех трех вопросов, указанных в ч. 1 ст. 339 УПК РФ. Вопросы, не отнесенные к компетенции присяжных заседателей, в том числе касающиеся юридической оценки действий подсудимого, разрешаются председательствующим судьей единолично (ч. 2 ст. 334 УПК РФ).

Указанные положения уголовно-процессуального закона по данному уголовному делу председательствующим судьей были нарушены.

Органами следствия Г. предъявлено обвинение в том, что он после совместного распития спиртных напитков в доме Ч. и возникшей с И. ссоры и борьбы, ушел к себе домой, где взял заряженное охотничье ружье, с которым вернулся в тот же дом. Увидев на кухне А. и Н., он через открытый проем входной двери произвел два выстрела в их сторону, причинив А. ранение, квалифицируемое как тяжкий вред здоровью, а Н. - как легкий вред здоровью. После этого Г. выбежал во двор, чтобы перезарядить ружье; вслед за ним выбежали А., Н. и И., чтобы отобрать ружье. Поняв, что Г. успел перезарядить ружье, потерпевшие стали убегать: Н. побежал в сторону калитки, А. забежал обратно в дом и запер входную дверь, а И. спрятался возле двери веранды.

Г. с расстояния не более 10 метров, с целью причинения смерти, произвел один выстрел в убегающего Н., но промахнулся. Затем он произвел один прицельный выстрел в И., от которого последний скончался на месте происшествия. После этого Г. потребовал открыть дверь дома, а услышав за дверью голос Ч., произвел два выстрела из ружья через дверное полотно, в результате этого Ч., получив повреждения, квалифицированные как легкий вред здоровью, упал на пол и потерял сознание. Затем Г., разбив окно, проник в дом, где произвел шесть прицельных выстрелов в А., от которых последний скончался на месте происшествия.

Отвечая на вопросы о доказанности совершения Г. деяния: производства выстрелов из ружья в потерпевших И. и А., в результате которых им были причинены смертельные ранения, присяжные заседатели признали Г. виновным в совершении данного деяния (ответы на вопросы №№ 1,2,4).

Вместе с тем, отвечая на вопрос №7 о доказанности совершения Г. деяния, указанного в вопросе №6, в котором наряду с другими деяниями (производством выстрелов в потерпевших Н. и Ч.) было указано и о производстве выстрелов из ружья в потерпевших И. и А., в результате которых им были причинены смертельные ранения, присяжные заседатели признали недоказанным совершение данного деяния подсудимым Г.

Таким образом, вердикт присяжных заседателей о доказанности причастности Г. к причинению смерти потерпевших И. и А. является противоречивым, поскольку при ответах на вопросы №№ 1, 2 и 4 присяжные заседатели признали доказанным факт производства Г. выстрелов в потерпевших И. и А. и причинения им смерти, а при ответе на вопрос №7 они признали недоказанным причастность Г. к данному деянию.

Следует отметить, что формулировка вопроса №6 в части описания инкриминированных Г. событий преступлений (деяний) во многом совпадает с деяниями, указанными в вопросах №№1 и 2. При этом в первом случае присяжные заседатели в ответе на вопрос №4 признали Г. виновным в совершении этих деяний (убийстве потерпевших) в указанное время, месте и указанным способом - выстрелами из ружья, а в другом случае - при ответе на вопрос №7 - признали не доказанным, что описанное в вопросе №6 деяние совершил подсудимый Г.

Разделение основного вопроса о доказанности деяния на несколько вопросов, отвечая на которые присяжные заседатели дали противоречивые ответы, привело к тому, что вердикт присяжных заседателей оказался неясным и противоречивым.

При этом председательствующим не выполнены требования ч. 2 ст. 345 УПК РФ о том, что при неясности или противоречивости вердикта председательствующий обязан указать на его неясность или противоречивость коллегии присяжных заседателей и предложить им возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

Определение № 74-АПУ18-9СП

49. В соответствии с требованиями ст. 237 УПК РФ уголовное дело может быть возвращено прокурору только в том случае, если при составлении обвинительного заключения допущены такие нарушения положений, изложенных в ст. 220, 225 УПК РФ, которые исключают возможность принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения.

Из материалов уголовного дела усматривается, что следователь по особо важным делам Главного управления по расследованию особо важных дел, с согласия исполняющего обязанности руководителя Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета РФ, направил уголовное дело в отношении Л. с обвинительным заключением заместителю Генерального прокурора РФ.

В связи с поручением заместителя Генерального прокурора РФ принять предусмотренное законом решение по поступившему от следователя уголовному делу с обвинительным заключением в отношении Л., обвинительное заключение было утверждено заместителем прокурора города Москвы.

Постановлением Тверского районного суда города Москвы (оставленное судами апелляционной и кассационной инстанций без изменения) уголовное дело в отношении Л., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, возвращено прокурору города Москвы для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Суд мотивировал принятое решение тем, что обвинительное заключение утверждено неправомочным должностным лицом.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил отменить состоявшиеся судебные решения и направить уголовное дело на новое судебное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанное постановление и последующие судебные решения, а уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение в Тверской районный суд г. Москвы иным составом суда со стадии предварительного слушания.

Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим.

С учетом положений ст. 129 Конституции Российской Федерации и ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которыми прокуратура Российской Федерации является единой централизованной системой с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации, поэтому вышестоящий прокурор в пределах своей компетенции вправе поручить нижестоящему прокурору обязанности по утверждению обвинительного заключения и направлению уголовного дела в суд.

При этом как положения ч. 1 ст. 221 УПК РФ, так и другие нормы уголовно-процессуального закона каких-либо ограничений в данной части не содержат.

Конституционный Суд РФ в определении от 25 ноября 2010 г. №1567-О-О указал, что часть первую статьи 221 УПК РФ следует рассматривать с учетом принципа единства и централизации прокуратуры, установленного Конституцией Российской Федерации (статья 129, часть 1) и Федеральным законом от 17 января 1992 года №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которыми прокуратура является единой централизованной системой с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим (пункт 1 статья 4), прокуроры субъектов Российской Федерации руководят

деятельностью прокуратур городов и районов, иных приравненных к ним прокуратур на основе законов, действующих на территории Российской Федерации, и нормативных актов Генерального прокурора Российской Федерации, издают приказы, указания, распоряжения, обязательные для исполнения всеми подчиненными работниками (статья 18). Следовательно, в системе действующего правового регулирования независимо от того, прокурором какого уровня в системе прокуратуры осуществлялся надзор за производством предварительного расследования, на нижестоящих прокуроров могут возлагаться обязанности по реализации предусмотренных законом полномочий, в том числе и по утверждению обвинительного заключения и направлению уголовного дела в суд.

Таким образом, суд первой, а также суды апелляционной и кассационной инстанций, указав в принятых процессуальных решениях о том, что обвинительное заключение утверждено неправомочным должностным лицом, не учли вышеуказанные положения закона, а также правовую позицию Конституционного Суда РФ.

Определение № 5-УД19-56

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

50. В случае, если на стадии принятия административного искового заявления к производству суда будет установлено, что заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства, поскольку рассматривается и разрешается в порядке гражданского судопроизводства, судье следует самостоятельно передать такое заявление для рассмотрения и разрешения в порядке гражданского судопроизводства, если не имеется иных препятствий для рассмотрения этого заявления в том же суде в ином судебном порядке.

Г. обратился в суд с административным исковым заявлением к органу местного самоуправления о признании незаконными действий по подготовке, организации и проведению аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, признании отсутствующим зарегистрированного в пользу другого лица ограничения (обременения) в виде аренды в отношении земельного участка, возложении обязанности подготовить проект договора аренды земельного участка и направить проект этого договора для подписания.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления отказано. При этом судья исходил из того, что административное исковое заявление не подлежит рассмотрению и разрешению судом в порядке административного судопроизводства, поскольку из содержания этого заявления следует, что имеет место спор о праве на предоставление земельного участка, так как Г. фактически ставит вопрос о наличии либо об отсутствии у него субъективного гражданского права на предоставление в аренду земельного участка, который ранее был предоставлен в аренду иному лицу.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила материал по административному исковому заявлению Г. в суд первой инстанции для рассмотрения вопроса о принятии этого заявления к производству суда по следующим основаниям.

Так, Судебная коллегия указала, что судье следовало принять решение о передаче данного заявления для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, учитывая, что правильное определение судами вида судопроизводства, в котором подлежат защите права и свободы гражданина или организации, зависит от характера правоотношений, из которых вытекает требование лица, обратившегося за судебной защитой, а не от избранной им формы обращения в суд (подача заявления в порядке административного судопроизводства или гражданского судопроизводства).

Согласно ч. 1 ст. 127 КАС РФ вопрос о принятии административного искового заявления к производству суда рассматривается судьей единолично в течение трех дней со дня поступления административного искового заявления в суд, если иной срок не предусмотрен названным кодексом.

Вопрос о принятии искового заявления, поступившего в суд в порядке гражданского судопроизводства, также рассматривается единолично судьей, который в течение пяти дней со дня его поступления в суд обязан рассмотреть вопрос о его принятии к производству суда путем вынесения соответствующего определения (ст. 133 ГПК РФ).

Именно на стадии принятия заявления к производству суда определяется характер спорных правоотношений и процессуальный закон, подлежащий применению, поскольку от этого зависят правила судопроизводства, в том числе распределение между сторонами судебного процесса бремени доказывания.

Таким образом, вид судопроизводства определяет суд.

В связи с этим судье при наличии оснований полагать, что заявление Г. не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства, следовало передать данное заявление для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, если не имелось иных препятствий для рассмотрения этого заявления в том же суде в ином судебном порядке.

Такое процессуальное решение согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 11 ноября 2014 г. № 28-П, о том, что институциональные и процедурные условия осуществления права на доступ к механизмам правосудия должны не только предотвращать неоправданные задержки при рассмотрении дел, но и отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам пришла к выводу о незаконности названных судебных актов.

Определение № 39-КА19-1

51. Осужденные, находящиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и не имеющие в силу своего имущественного положения возможности исполнить обязанность по уплате государственной пошлины, не могут быть лишены права на судебную защиту.

Осужденный С. обратился в суд с административным исковым заявлением к исправительному учреждению об оспаривании действий, связанных с ненадлежащими условиями содержания, просил оказать содействие в сборе доказательств, а также ходатайствовал об освобождении от уплаты государственной пошлины, ссылаясь на отсутствие денежных средств на лицевом счете и нетрудоустроенность.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление оставлено без движения. При этом судья исходил в том числе из того, что представленная осужденным С. финансовая справка об отсутствии денежных средств на лицевом счете не является основанием для освобождения его от уплаты государственной пошлины.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила материал по административному исковому заявлению С. в суд первой инстанции для решения вопроса о его принятии к производству суда, указав следующее.

Согласно ч. 2 ст. 104 КАС РФ основания и порядок освобождения от уплаты государственной пошлины, уменьшения ее размера, предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Налоговый кодекс Российской Федерации предоставляет судам общей юрисдикции, исходя из имущественного положения плательщика, право освобождать его от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым этими судами (п. 1 ст. 1 и п. 2 ст. 333^{20}).

Из представленных материалов усматривалось, что осужденный С., направляя в суд административное исковое заявление, содержащее просьбу об освобождении от уплаты государственной пошлины, приложил к нему финансовую справку исправительного учреждения об отсутствии на лицевом счете денежных средств, в том числе заработанных в этом учреждении.

Вместе с тем судья суда первой инстанции, несмотря на отсутствие у административного истца возможности исполнить обязанность по уплате государственной пошлины, фактически оставил без удовлетворения ходатайство С. об освобождении от уплаты государственной пошлины, по сути, отказав ему в судебной защите прав, свобод и законных интересов, что является недопустимым.

Определение № 31-КА19-1

52. Действия администрации исправительного учреждения, связанные с запретом на пронос и использование в этом учреждении адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденным в целях оказания ему юридической помощи фотоаппаратов, видео-, аудиотехники, электронных носителей и накопителей информации, средств мобильной связи и коммуникации либо комплектующих к ним, обеспечивающих их работу, противоречат действующему законодательству.

В ноябре 2017 г. Ш., являющийся адвокатом, прибыл в исправительное учреждение для оказания юридической помощи осужденной Х. и обратился к начальнику этого учреждения с заявлением о предоставлении свидания с осужденной наедине и конфиденциально. На основании этого заявления Ш. были выданы разовый пропуск и контрольный талон.

На контрольно-пропускном пункте сотрудники исправительного учреждения потребовали от Ш. сдать на временное хранение мобильные

средства связи, диктофон и фотоаппарат, указав, что в противном случае ему не будет предоставлено свидание.

Ввиду отказа Ш. сдать на хранение указанные вещи, необходимые для оказания юридической помощи, он не был допущен на свидание с осужденной.

Полагая, что сотрудниками исправительного учреждения поставлены незаконные дополнительные условия для допуска на свидание, Ш. обратился к руководству учреждения в устной форме с просьбой о предоставлении встречи с Х., однако указанная просьба была оставлена без удовлетворения.

Ш. обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании указанных действий, выразившихся в непредоставлении адвокату свидания с осужденной Х. с использованием технических средств (телефона, диктофона, компьютера и фотоаппарата), а также о возложении обязанности предоставить указанное свидание с использованием перечисленных технических средств, необходимых для оказания юридической помощи.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суд первой инстанции исходил из того, что оспариваемые действия соответствуют требованиям действующего законодательства и не нарушают права, свободы и законные интересы административного истца.

Оставляя без изменения решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал на обоснованность требований Ш. ввиду отсутствия в уголовно-исполнительном законодательстве запрета для адвоката проносить на территорию исправительного учреждения технические средства связи в целях оказания квалифицированной юридической помощи, констатировав, что решением Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № АКПИ17-867 признаны недействующими со дня вступления в законную силу решения суда п. 77 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 295 (далее – Правила) и п. 17 приложения № 1 к Правилам в части, допускающей распространение положений этих пунктов на пронос и использование адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденным фотоаппаратов, видео-, аудиотехники, электронных носителей и накопителей информации, средств мобильной связи и коммуникации либо комплектующих к ним, обеспечивающих их работу. Однако, учитывая, что названное выше решение вступило в законную силу 6 февраля 2018 г., суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что приведенные нормы Правил являются не действующими с

указанной даты, тогда как оспариваемые действия совершены административным ответчиком до вступления в законную силу указанного решения Верховного Суда Российской Федерации.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 82 УИК РФ режим в исправительных учреждениях – установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Согласно ч. 3 названной статьи в исправительных учреждениях действуют Правила, регламентирующие и конкретизирующие соответствующие вопросы деятельности исправительных учреждений, в том числе порядок предоставления осужденным свиданий (глава XIV).

Как следует из содержания ст. 89 УИК РФ, законодатель, регламентируя порядок предоставления свиданий осужденным к лишению свободы, различает, с одной стороны, свидания, которые предоставляются в целях сохранения социально полезных связей с родственниками или иными лицами, и с другой – свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа, устанавливает различные условия реализации данного права в зависимости от вида свидания (чч. 3 и 4).

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 25 октября 2001 г. № 14-П признал не соответствующим Конституции Российской Федерации, а именно ее ст. 48 (ч. 2) и 55 (ч. 3), положение п. 15 части второй ст. 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», допускающее регулирование конституционного права на помощь адвоката (защитника) ведомственными нормативными актами.

В постановлении от 26 декабря 2003 г. № 20-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что именно с учетом различий в правовой природе и сущности названных выше видов свиданий законодатель, хотя и использует для их обозначения один и тот же термин, вместе с тем по-разному подходит к их регламентации исходя из того, что если режим свиданий осужденного с родственниками и иными лицами предполагает нормативную определенность в части, касающейся

продолжительности, частоты, порядка их предоставления и проведения, а также возможных ограничений, то правовой режим свиданий с адвокатами, как обеспечиваемый непосредственным действием права, закрепленного в ст. 48 (чч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации, не требует подобного урегулирования.

Сравнительный анализ правового регулирования свиданий, содержащегося в УИК РФ и Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», свидетельствует о том, что оно является различным.

Так, в силу прямого указания федерального законодателя, содержащегося в ч. 1 ст. 18 названного закона, защитнику запрещается проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись. Данные ограничения обусловлены режимом содержания под стражей, обеспечивающим безопасность следственного изолятора, соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, включая нарушения тайны следствия.

Между тем УИК РФ не устанавливает таких ограничений и запретов в отношении свиданий с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

Наряду с УИК РФ порядок предоставления свидания с осужденными регламентирован Правилами, которые в пп. 69–78 определяют условия свиданий с лицами, прибывшими не для оказания юридической помощи, предписывая в п. 77 таким лицам сдать запрещенные к использованию в исправительном учреждении вещи, деньги и ценности на хранение, относя к таковым, в частности, фотоаппараты, видео-, аудиотехнику, электронные носители и накопители информации, средства мобильной связи и коммуникации либо комплектующие к ним, обеспечивающие их работу (п. 17 приложения № 1 к Правилам).

Что касается свиданий осужденного с адвокатом, то п. 79 Правил о предоставлении осужденному свиданий с адвокатом без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов, а также по его заявлению свидания с адвокатом наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания таких обязанностей на адвоката не возлагает, предусматривая возможность немедленного прекращения свидания в случае передачи либо попытки передачи осужденному запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания.

До января 2017 г. действовали Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205, содержавшие в п. 76 нормы, аналогичные предписаниям п. 77 Правил. Данные нормы решениями Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. по делу № ГКПИ09-13 и от 7 февраля 2012 г. по делу № ГКПИ11-2095 признаны не действующими в части, допускающей распространение положений названного пункта на пронос и использование в исправительных учреждениях адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденным фотоаппаратов, видео- и аудиотехники, средств связи.

Одним из принципов административного судопроизводства является законность и справедливость при рассмотрении и разрешении судами административных дел, которые обеспечиваются соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих отношения, связанные с осуществлением государственных и иных публичных полномочий, а также получением гражданами и организациями судебной защиты путем восстановления их нарушенных прав и свобод (п. 4 ст. 6 и ст. 9 КАС РФ).

Если при разрешении административного дела суд установит несоответствие подлежащего применению нормативного правового акта закону или иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, он принимает решение в соответствии с законом или иным нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу (ст. 15 названного выше кодекса).

Вместе с тем названные выше обстоятельства и приведенные требования процессуального законодательства при рассмотрении настоящего дела судами первой и апелляционной инстанций учтены не были, вместо правовых предписаний, содержащихся в УИК РФ, были применены нормы подзаконного нормативного правового акта без учета правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Такие нарушения привели к принятию незаконных и необоснованных судебных актов, а также нарушению прав, свобод и законных интересов административного истца.

Определение № 16-КА19-2

53. Наличие вины должника в неисполнении в добровольном порядке в установленный срок требований исполнительного документа и, как следствие, оснований для взыскания исполнительского сбора напрямую зависит от факта надлежащего и

своевременного уведомления должника о возбуждении в отношении него исполнительного производства.

В. обратилась в суд с административным исковым заявлением об освобождении от уплаты исполнительского сбора, ссылаясь на отсутствие ее вины в неисполнении требований исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения. При этом В. указала, что постановление о возбуждении исполнительного производства не было получено ею вследствие несоблюдения отделением почтовой связи правил доставки и хранения заказных писем, то есть по независящим от нее обстоятельствам.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд исходил из того, что В. в установленный для добровольного исполнения срок не исполнила требования исполнительного документа и не представила доказательства наличия уважительных причин такого неисполнения, в связи с чем оснований для освобождения ее от уплаты исполнительского сбора не имеется.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Статьей 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон «Об исполнительном производстве») определено, что исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа (ч. 1).

В силу ч. 7 названной статьи суд вправе с учетом степени вины должника в неисполнении в срок исполнительного документа, имущественного положения должника, иных существенных обстоятельств отсрочить или рассрочить взыскание исполнительского сбора, а также уменьшить его размер, но не более чем на одну четверть от размера, установленного в соответствии с ч. 3 данной статьи. При отсутствии установленных Гражданским кодексом Российской Федерации оснований ответственности за нарушение обязательства суд вправе освободить должника от взыскания исполнительского сбора.

В соответствии со ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания

ответственности (п. 1). Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (п. 2).

По смыслу приведенных норм освобождение должника от взыскания исполнительского сбора должно быть связано с отсутствием его вины в неисполнении в добровольном порядке требований исполнительного документа в установленные сроки.

Уведомление должника о возбуждении в отношении него исполнительного производства является основным доказательством наличия его вины в неисполнении требований исполнительного документа, в том числе в добровольном порядке, и основанием для применения штрафной санкции – взыскания исполнительского сбора. При этом оценка извещения должника об исполнительных действиях не должна носить формальный характер, иное может привести к злоупотреблениям как со стороны недобросовестного должника, так и со стороны государственного органа, осуществляющего исполнительные действия.

Статья 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» связывает взыскание исполнительского сбора с истечением срока, в который должник был вправе исполнить добровольно, но не исполнил требования исполнительного документа. Данный срок в силу ст. 30 названного закона исчисляется с момента получения должником постановления судебного пристава-исполнителя и завершается по прошествии пяти дней.

Лица, участвующие в исполнительном производстве, извещаются о времени и месте совершения исполнительных действий или применения мер принудительного исполнения либо вызываются к судебному приставу-исполнителю повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой, телеграммой, с использованием электронной, иных видов связи и доставки или лицом, которому с его согласия судебный пристав-исполнитель поручает их доставить (ч. 1 ст. 24 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Частью 1 ст. 27 названного закона установлено, что повестка, иное извещение, адресованные гражданину, вручаются ему лично под расписку на подлежащем возврату в подразделение судебных приставов уведомлении о вручении.

При этом лица, участвующие в исполнительном производстве, считаются извещенными, если: адресат отказался от получения повестки, иного извещения; несмотря на получение почтового извещения, адресат не явился за повесткой, иным извещением, направленными по его адресу; повестка, иное извещение направлены по последнему известному месту жительства лица, участвующего в исполнительном производстве, или по адресу, сообщенному им в письменной форме судебному приставу-исполнителю для уведомления

данного лица (в том числе по адресу электронной почты), или повестка, иное извещение направлены иным способом, указанным таким лицом, однако лицо направленную повестку, иное извещение не получило; извещение в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, направлено адресату с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Вместе с тем из материалов административного дела следовало, что постановление о возбуждении исполнительного производства было направлено должнику 22 марта 2015 г., поступило в отделение почтовой связи адресата 25 марта 2015 г., а 11 апреля 2015 г. (через 17 дней) было возвращено в адрес отправителя с отметкой «по истечении срока хранения», что свидетельствует о нарушении оператором почтовой связи тридцатидневного срока хранения почтового отправления.

Таким образом, в данном случае факт возвращения почтового отправления без вручения адресату до истечения установленного срока его хранения не был обусловлен уклонением В. от получения корреспонденции, поступающей из службы судебных приставов.

Поскольку В. не была надлежащим образом извещена о возбуждении исполнительного производства, ей не была предоставлена возможность для добровольного исполнения в установленный срок требований исполнительного документа.

В связи с этим вывод судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии доказательств, исключающих вину должника В. в неисполнении в установленный срок требований, содержащихся в исполнительном документе, признан Судебной коллегией по административным делам преждевременным. Суду надлежало в целях правильного разрешения настоящего административного дела принять во внимание юридические свойства исполнительского сбора, обусловленные его природой, и исследовать вопрос, касающийся соответствия действий почтового оператора по возвращению копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства без вручения адресату положениям, устанавливающим сроки хранения почтовых отправлений, а также исследовать вопросы о степени вины должника в неисполнении требований исполнительного документа, наличии или об отсутствии оснований ответственности за нарушение обязательства.

Определение № 41-КА19-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

54. Если в течение оставшейся не отбытой части наказания осужденный совершил преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении условно-досрочного освобождения решается судом.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 23 января 2019 г. С. признан виновным в размещении с целью ознакомления неограниченного круга лиц на личной интернет-странице, открытой для общего доступа: 21 октября 2014 г. видеоматериала, содержащего призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма; 23 ноября, 15 декабря 2014 г. и 26 декабря 2015 г. – видеоматериалов, содержащих призывы к осуществлению экстремистской деятельности, которые стали доступны пользователям социальной сети.

По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205^2 (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и ч. 2 ст. 280 УК РФ, С. осужден в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний к лишению свободы на срок 4 года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», на срок 1 год.

В соответствии со ст. 70 УК РФ к наказанию, назначенному С. по приговору окружного военного суда, частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору Кизлярского городского суда Республики Дагестан от 18 июня 2009 г. и окончательное наказание ему назначено в виде лишения свободы на срок 5 лет в исправительной колонии строгого режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», на срок 1 год.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитников осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила в связи с неправильным применением судом уголовного закона при назначении осужденному наказания по правилам ст. 70 УК РФ.

В соответствии с п. «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ, если в течение оставшейся не отбытой части наказания осужденный совершил преступление по неосторожности либо умышленное преступление

небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении условно-досрочного освобождения решается судом.

Если суд в таком случае отменяет условно-досрочное освобождение, о чем должно быть принято решение, то наказание назначается осужденному по правилам ст. 70 УК РФ, как это указано в п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ.

Согласно положениям уголовно-процессуального закона суды обязаны строго выполнять требования ст. 307 и 308 УПК РФ о необходимости мотивировать в обвинительном приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания, его вида и размера. Во всех случаях резолютивная часть обвинительного приговора должна быть изложена таким образом, чтобы не возникало сомнений и неясностей при его исполнении.

Об обязанности суда мотивировать в приговоре необходимость отмены или сохранения условно-досрочного освобождения в случае совершения лицом преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести в течение оставшейся не отбытой части наказания изложено также в п. 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Однако в нарушение данных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации суд, придя к выводу о необходимости отмены С. условно-досрочного освобождения от наказания, назначенного по приговору городского суда, в резолютивной части приговора решение по данному вопросу не принял, а сразу назначил ему наказание по совокупности приговоров.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих исключила из приговора указание о назначении С. наказания по правилам ст. 70 УК РФ с частичным присоединением неотбытой части наказания по приговору Кизлярского городского суда Республики Дагестан от 18 июня 2009 г., а в остальном приговор оставила без изменения.

Апелляционное определение № 205-АПУ19-4

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. При соблюдении каких условий арбитражный суд рассмотрит в порядке приказного производства требование территориального органа Пенсионного фонда Российской

Федерации о взыскании с организации или индивидуального предпринимателя финансовых санкций?

ОТВЕТ. Статьей 17 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» (далее – Закон об индивидуальном (персонифицированном) учете) установлена ответственность страхователей, включая организации и индивидуальных предпринимателей, в виде финансовых санкций за непредставление в установленный срок либо представление неполных и (или) недостоверных сведений для индивидуального (персонифицированного) учета в органы Пенсионного фонда Российской Федерации, а также за несоблюдение порядка представления сведений в форме электронных документов.

В соответствии с частью семнадцатой статьи 17 Закона об индивидуальном (персонифицированном) учете в случае неуплаты или неполной уплаты страхователем финансовых санкций по требованию об их уплате взыскание сумм финансовых санкций производится территориальными органами Пенсионного фонда Российской Федерации в судебном порядке.

Порядок и сроки обращения в суд Законом об индивидуальном (персонифицированном) учете не определены.

В то же время статья 2 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» относит Закон об индивидуальном (персонифицированном) учете к составной части законодательства Российской Федерации об обязательном пенсионном страховании и устанавливает, что правоотношения, связанные с уплатой обязательных платежей на обязательное пенсионное страхование, в том числе в части осуществления контроля за их уплатой, регулируются законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Из анализа вышеназванных норм следует, что на правоотношения, связанные с уплатой, в том числе в принудительном порядке (взысканием), финансовых санкций, предусмотренных статьей 17 Закона об индивидуальном (персонифицированном) учете, распространяются порядок и сроки взыскания задолженности, установленные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, если иное не закреплено законодательством об обязательном пенсионном страховании.

Статья 46 Налогового кодекса Российской Федерации, устанавливающая порядок взыскания задолженности с организаций и индивидуальный предпринимателей, не содержит предписаний, регулирующих порядок обращения за выдачей судебного приказа.

Между тем для требований о взыскании соответствующих сумм с физических лиц в пунктах 1-3 статьи 48 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Налоговый кодекс) указано, что заявление о выдаче судебного приказа подается в суд в течение шести месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате задолженности. Если задолженность не превышает 3 000 рублей, данное заявление подается в суд в течение шести месяцев со дня, когда сумма задолженности превысила 3 000 рублей, но не позднее трех лет со дня истечения срока исполнения самого раннего требования об уплате задолженности. При последующей отмене судебного приказа требование о взыскании задолженности может быть предъявлено в суд не позднее шести месяцев со дня вынесения судом определения об отмене судебного приказа.

Основываясь на принципе равенства всех перед законом и судом, а также универсальности воли законодателя, выраженной в пунктах 1-3 статьи 48 Налогового кодекса в отношении взыскания в приказном порядке сумм задолженности, следует признать допустимым применение данных положений по аналогии закона к отношениям, связанным с взысканием финансовых санкций с организаций и индивидуальных предпринимателей.

Согласно части 3 статьи 229.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судебный приказ выдается по делам о взыскании обязательных платежей и санкций, если указанный в заявлении общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не превышает 100 000 рублей.

Таким образом, требования территориальных органов Пенсионного фонда Российской Федерации о взыскании финансовых санкций с организаций и индивидуальных предпринимателей могут быть рассмотрены арбитражным судом в порядке приказного производства при наличии следующих условий: страхователем в установленный срок добровольно не исполнено требование об уплате финансовых санкций, накопленная задолженность страхователя по финансовым санкциям превысила 3 000 рублей, но не превышает 100 000 рублей.

При несоблюдении данных условий арбитражный суд отказывает в принятии заявления о выдаче судебного приказа на основании пункта 1 части 3 статьи 229.4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

ВОПРОС 2. Как следует разграничивать составы административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 7.23^3 и ч. 2 ст. 14.1^3 КоАП РФ, при привлечении к административной ответственности управляющей организации, осуществляющей

деятельность по управлению многоквартирным домом, в случае невыполнения обязанности по рассмотрению или нарушения порядка рассмотрения заявлений, обращений собственников и пользователей помещений в многоквартирном доме?

(Ответ на данный вопрос утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 июня 2019 г.)

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 1 ст. 7.23^3 КоАП РФ нарушение организациями и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими предпринимательскую деятельность по управлению многоквартирными домами на основании договоров управления многоквартирными домами правил осуществления предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц – от ста пятидесяти тысяч до двухсот пятидесяти тысяч рублей.

В силу ч. 2 ст. 14.1^3 КоАП РФ осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований, за исключением случаев, предусмотренных ст. 13.19^2 названного кодекса, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей.

Согласно ч. 1 ст. 161 ЖК РФ управление многоквартирным домом должно обеспечивать благоприятные и безопасные условия проживания граждан, надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме, решение вопросов пользования указанным имуществом, а также предоставление коммунальных услуг гражданам, проживающим в таком доме, или в случаях, предусмотренных ст. 157^2 этого кодекса, постоянную готовность инженерных коммуникаций и другого оборудования, входящих в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, к предоставлению коммунальных услуг. Правительство Российской Федерации устанавливает стандарты и правила деятельности по управлению многоквартирными домами.

Частью 2 данной статьи предусмотрено, что одним из способов управления многоквартирным домом является управление управляющей организацией.

В соответствии с ч. 1 ст. 192 ЖК РФ деятельность по управлению многоквартирными домами осуществляется управляющими

организациями на основании лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами.

Лицензионные требования к лицензиату предусмотрены ст. 193 ЖК РФ.

Помимо требований, перечисленных в пп. 1–6^1 ч. 1 названной выше статьи ЖК РФ, Правительством Российской Федерации могут быть установлены иные лицензионные требования (п. 7).

Так, перечень лицензионных требований предусмотрен п. 3 Положения о лицензировании деятельности по управлению многоквартирными домами (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 28 октября 2014 г. № 1110).

Жилищный кодекс Российский Федерации и Правила осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 416 в соответствии с ч. 1 ст. 161 ЖК РФ, предусматривают для собственников жилых помещений возможность направлять различные обращения и заявления в адрес управляющей организации.

Такие обращения и заявления могут быть связаны как с выполнением управляющей организацией лицензионных требований, так и с соблюдением последней иных требований по управлению многоквартирными домами. Кроме того, для таких обращений установлены различные порядок и сроки рассмотрения.

Например, согласно ч. 3^1 ст. 45 ЖК РФ управляющая организация в течение пяти дней с момента получения обращения в письменной форме, в том числе обращения с использованием системы, собственника или иного лица, указанного в названной статье, по инициативе которых созывается общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме, обязана предоставить собственнику реестр собственников помещений в многоквартирном доме.

С учетом того, что требование, содержащееся в названной норме, отнесено к лицензионным требованиям (подп. «б» п. 3 Положения о лицензировании деятельности по управлению многоквартирными домами), его нарушение управляющей организацией может образовывать объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.1^3 КоАП РФ.

Требования, изложенные в разделе VII Правил осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами и в п. 34 раздела VIII названных правил, предусматривающие предоставление управляющей организацией ответов на обращения в рамках осуществления взаимодействия такой организации с собственниками и пользователями помещений в многоквартирном доме, а также порядок и

сроки предоставления управляющей организацией собственникам и пользователям помещений в многоквартирном доме различной информации об осуществлении названной организацией деятельности, не являются лицензионными.

В случае нарушения указанных требований управляющая организация может быть привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 7.23^3 КоАП РФ.

С учетом изложенного квалификация действий (бездействия) управляющей организации, выразившихся в невыполнении обязанности или нарушении порядка рассмотрения заявлений, обращений собственников и пользователей помещений в многоквартирном доме, по ч. 1 ст. 7.23^3 или ч. 2 ст. 14.1^3 КоАП РФ зависит от существа такого заявления (обращения), а именно от того, связано оно с выполнением управляющей организацией лицензионных требований или с соблюдением иных требований по управлению многоквартирными домами.

При этом при рассмотрении дела об административном правонарушении с учетом требований ст. 24.1, 26.1 КоАП РФ следует исходить из конкретных обстоятельств каждого дела.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

В связи с изменением законодательства[1] из Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2008 года, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 декабря 2008 г., подлежит исключению ответ на вопрос № 2 о порядке определения страховой суммы, выплачиваемой при наступлении гражданской ответственности владельца транспортного средства за причинение вреда здоровью потерпевшего.

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 7 мая 2003 г. № 263 «Об утверждении Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» признано утратившим силу постановлением Правительства Российской Федерации от 2 октября 2014 г. № 1007.